

18+

Карел Коваль

МОЦАРТ В ПРАГЕ

Перевод Лидии Гончаровой

Карел Коваль
Моцарт в Праге. Перевод
Лидии Гончаровой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48819380

ISBN 9785005089038

Аннотация

СЛОВО АВТОРА: «Закончив музыкальные хроники, я тяжело заболел и беспокоился, что книга не успеет выйти в юбилейном году Моцарта. Вмешалась дружеская рука Dr. Павла Эйснера, благодаря которому и случился своевременный выход «Моцарта в Праге». За этот редкостный поступок самопожертвования я спешу высказать ему мою безграничную сердечную благодарность. В Праге, 10 апреля 1956 г. Карел Коваль»

Содержание

КАРЕЛ КОВАЛЬ	6
перевод с чешского Лидии Гончаровой	6
МОЦАРТ В ПРАГЕ	7
ДЛЯ НАЧАЛА ПОЗНАКОМИМСЯ	9
С ДРУЗЬЯМИ МОЦАРТА	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	15
ГЛАВА 1. ПРИЕЗД МОЦАРТОВ	15
В ЗАСНЕЖЕННУЮ ПРАГУ	
ГЛАВА 2. КОНЦЕРТНЫЙ ОБЕД У ТУНА	26
ГЛАВА 3. ФИГАРО-БАЛ У БРЕТФЕЛЬДА	50
ГЛАВА 4. КЛАВИРНЫЙ ДЕНЬ	73
ГЛАВА 5. ПОСЕЩЕНИЕ МОЦАРТАМИ	92
КЛЕМЕНТИНА	
ГЛАВА 6. МОЦАРТ СЛУШАЕТ СВОЕГО	109
«ФИГАРО»	
ГЛАВА 7. ОЧАРОВАННЫЙ АРФИСТ	117
ГЛАВА 8. КАК МОЦАРТ НАШЁЛ СВОЙ	134
ОРКЕСТР В ПРАГЕ, или УЗНИК ГРАФА	
ПАХТЫ	
ГЛАВА 9. ПРЕМЬЕРА ПРАЖСКОЙ	151
СИМФОНИИ, или МОЦАРТ: VENI,	
VIDI, VICI	
ГЛАВА 10. МОЦАРТ ПОДПИСЫВАЕТ	169

КОНТРАКТ НА ОПЕРУ ДЛЯ ПРАГИ	
Глава 11. ADDIO, MIA PRAGA!	185
ДО СВИДАНЬЯ, МОИ ПРАЖАНЕ!	
ДО ВСТРЕЧИ!	
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	192
Глава 1. Второй приезд Моцарта в Прагу	194
Глава 2. Первая репетиция «ДОН ЖУАНА»	223
Конец ознакомительного фрагмента.	244

Моцарт в Праге

Перевод Лидии Гончаровой

Карел Коваль

© Карел Коваль, 2020

ISBN 978-5-0050-8903-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КАРЕЛ КОВАЛЬ

**перевод с чешского
Лидии Гончаровой**

МОЦАРТ В ПРАГЕ

Музыкальная хроника лет 1787—1791

ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ ДОРОГОЙ ЖЕНЕ
ЛЮДМИЛЕ,
ГЛАВНОЙ СОРАТНИЦЕ В ЭТОМ ДЕЛЕ
И ВСЕМ,
КТО ЛЮБИТ МУЗЫКУ, ПТИЦ, ОБЛАКА,
ЦВЕТЫ, БАБОЧЕК,
И ВСЁ ЭТО
ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ ЧЕЛОВЕКА,
ВИДЯ В НЁМ БРАТА.

«...Как каждое из произведений Моцарта было в Чехии принято и оценено, также случилось и с Фигаро. Он был показан на сцене в 1786 году Бондиниевой труппой в Праге и сразу, при первом же представлении, принят с таким же успехом, какой впоследствии достался «Волшебной флейте».

Это есть чистейшая правда, я подтверждаю, эта опера игралась всю зиму непрерывно и даже превосходно поправила тяжёлые условия театра. Восхищение, которое она вызывала у публики, не имеет себе равных до сих пор; люди не могут наслушаться досыта, из неё нашим замеча-

тельным паном Кухаржем был сотворён отличный клавирный вариант и переложение для духовых инструментов, для квинтета, камерная музыка для танцев.

Коротко говоря, Фигаровы мелодии пели на улицах, в парках, да и арфист на трактирной лавочке мог заиграть своё «Non più andrai...», если хотел привлечь внимание посетителей.

Это явление, конечно, имело главную причину в том, что само произведение – блестящее; но ещё была и соответствующая публика, которая настолько понимала в истинной красоте музыкального искусства и представляла собой основательного знатока, что смогла сразу же почувствовать цену прекрасному.

Не слабее был и несравненный оркестр нашей оперы, сумевший выразить Моцартову мысль точно и полно. Едва замирали последние аккорды – как уверял прославленный директор оркестра Стробах – весь состав исполнителей так сильно воодушевлялся, что, несмотря на утомление от работы, мог с радостью начать всё с начала.»

Франтишек Немечек.

Друг Моцарта, его первый биограф.

ДЛЯ НАЧАЛА ПОЗНАКОМИМСЯ С ДРУЗЬЯМИ МОЦАРТА

Я вам расскажу о славных временах чешской земли, когда её музыка золотом звучала по всей Европе, несмотря на то, что народ её жил в рабстве и бедности. Буду вам рассказывать о судьбе Моцарта в Праге, почему так случилось, что для нас его музыка стала родной, между тем как иные о ней лишь пожимали плечами.

Расскажу о знаменитых и малоизвестных чешских музыкантах, которые соприкасались с Моцартом, каждый из них дал ему кусочек своего доброго сердца на память. Да, Чехи, несомненно, повлияли на творчество Моцарта. Это было так давно...

Передо мной уйма книг, гравюр, картин, нот... Все их я прочёл и переиграл. Это документы от Моцартовых времён и до наших дней. Каждая книга, каждый документ говорят о взаимной любви Моцарта и чехов.

Из облаков забвения всплывают светлые фигуры, воскрешённые силой любви к чешским музыкальным традициям.

В облачке над Бертрамкой появляется небольшой человек, но огонь его синих глаз делает его весьма значительным – он, однако, о том не догадывается.

Улыбаясь на все стороны, он живо машет треугольной шляпой навстречу своим друзьям, бордовая лента в его бе-

лой косе взлетает над лазурно-голубым сюртуком с золотыми пуговицами, словно бабочка.

«Амадей!»

Рядом с ним Душковы, Жозефина и Франтишек. С облаков подальше появляются: Йозеф Мысливечек, «*Il divino voeto*», он был лучшим другом Моцарта в солнечной Италии. Иржи Бенда, о нём Моцарт писал отцу, что возит его партитуры везде с собой, так ему нравится Бендова музыка.

Здесь и уважаемый директор оркестра Ян Кухарж, и капельник Йозеф Стробах, регент хора Вацлав Праупнер и оба импресарио итальянской оперы в Праге Паскуале Бондини и Доменико Гвардасони во главе всего ансамбля артистов театра.

За ними восхитительный вокалист Франтишек Владислав Гек, один из любимых учеников Моцарта, и Ян Теобальд Гельд. Далее Франтишек Немечек, Ян Витасек, Якуб Ян Рыба, Вацлав Матей Крамериус, братья Тамы, Йозеф Добровский, Франтишек Мартин Пельцл, Рафаэль Унгар, Ярослав Шаллер, Ян Богумир Длабач.

Это целая толпа музыкантов. Они были артистами оркестра Ностицова «Народного театра», и с ними, непринуждённо беседуя, все пражские органисты, хоровики, за ними служащие в ливреях. Это музыканты из дворянских оркестров, каждый из которых хотя и не знаменит, но всем сердцем предан музыке, это братья тех знаменитостей, что выступают сейчас из темноты забвения.

Смотрите, вот сверкнул в облаке золотой лесной рог под рукой высокого мужчины в развевающемся плаще. Это сам Пунто (Ян Вацлав Стих), для него Моцарт написал концерт. А за ним Фиала, по-прозванию Йозифек, с гобоем и виолончелью. И дальше виолончелисты Вошитка, Крафт, и композиторы Франтишек Бенда, Враницкий, Йировец, Ваньхал, и клавирист аббат Йелинек.

Двор заполнился, Моцарт с Душковыми возвышается на лестнице, а их друзья прибывают беспрестанно, всё больше и больше, и невозможно всех пересчитать. Позади возле коровника стоит дворня Бертрамки с её управляющей пани Людмилою и с белокурой Анинкой, напоминавшей Моцарту его сестрицу Нанерль.

Приказчик Томаш и экономка Катерина, и кучер Мартин, который возил Моцарта с Бертрамки на репетиции в театр. Те неизвестные поднялись сегодня из праха забвения, однако, они достаточно долго спали, забытые на страницах воспоминаний Моцартовых сверстников и в цитатах свидетелей той великой эпохи.

А кто этот великан с двумя косами и длинными белыми усами? Это старый терезианский служака Зима, привратник из Ностицова театра, посыльный Моцарта, – и днём и ночью к Вашим услугам, а за его спиной выступают широкоплечие кулисные, статные рабочие сцены, такие могут горы сворачивать, и с ними студенты, сборище волосатиков с восторженными глазами.

А что это за пекарский подмастерье? И этот сюда пришёл, потому что именно он подарил ту безмерную радость Моцарту при первом его шаге в Прагу, когда перед Новыми воротами свистел на ходу «Non più andrai...», пока полицейский проверял паспорта.

Вот появилось чешское дворянство: графы Тун, Пахта, Ностиц, Канал. Все эти фигуры, также как и соборы, и скульптуры, вынырнувшие из мглы минувшего, все они, так или иначе, связаны с памятью о Моцарте.

Соборные атрибуты, чеканные решётки, порталы, колонны, колодцы, запорошенные снегом изгибы пражских улиц, по ним Моцарт хаживал на репетиции Дон Жуана, через Угольный рынок вокруг трагических развалин Вифлеемской часовни, где некогда играл семинарист Мысливечек на органе.

И далее по Лилиовой улице вокруг Аненского монастыря, в нём когда-то играл Глюк; Йезовицкою улицей, околдовавшей Амадея своей средневековой красотой. И на маленькой Кржижовницкой площади каждый раз его снова потрясает сказочный вид на стобашенный город над Влтавой, который принял его с распростёртыми объятьями сразу при первом появлении у Новых ворот 11 января 1787 года.

Сейчас и Мысливечкова мельница продолжает поскрипывать, и шумят липы под Каменным мостом, и исчезающие столетние дороги опять белеют за Уездскими воротами. Мотольский ручей извивается под Бертрамкой, и каштановая

аллея манит путника: подойди, заходи, добро пожаловать.

Но ни на минуту Моцартовы времена не забываются. На Клементине была метеорологическая станция, где директор Антонин Стрнад ежедневно отмечал, как светило солнце, когда шёл дождь, когда небо затянули тучи, когда пролегла радуга, и когда пошёл снег. И вся эта погода была воскрешена волшебной палочкой памяти.

И гравюры ожили, и лебединые перья, которыми были написаны симфонии, оперы, песни золотого века чешской музыки. Их лавры за столетия не опадают. Те же лавровые листья украшали лица и Моцарта с Мысливечком, Бендой, Стамицем, которые вместе закладывали основы классической музыки и потому заслужили, чтобы о них не было забыто в этой музыкальной хронике.

Кто ещё там спешит? Кто тот важный господин во французском плаще? При его появлении Моцарт радостно замахал ему рукой. Это Франтишек Гейна, трубач из Парижа, был рядом с Моцартом у ложа его умирающей маменьки в её последнюю ночь и был для него настоящей опорой в отчаянном одиночестве.

За Гейной скромно семенит сутулый арфист Цопанек, – и я тоже, простите, пришёл, хотя я всего лишь бродячий музыкант, прошу прощенья, но видите, пан Моцарт мне подружески кивает. Ведь я имею входной билет – его рукопись. Он сам написал мне мелодию для моей арфы, я всегда ношу её с собой как талисман.

Позади над Бертрамкой Градчаны, храм Святого Вита, Страхов. В его молчащем органе замурована соната, симпровизированная Моцартом. И звёздное небо. И месяц. И солнце. Закаты и восходы. Лунные ночи. Такие же волшебные, как и тогда. Прага молчаливая и по-королевски величавая, несмотря на то, что была тогда без короля, но было в ней сердце чешского народа, такого певучего, что говорили: Чехи – это музыкальная консерватория Европы.

Я представил вам лишь в общих чертах главные фигуры музыкальной хроники о Моцарте в Праге, но многих ещё мы повстречаем в нашем путешествии по годам 1787 – 1791.

Итак, начнём.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Фигаро насвистывают

эпиграф:

« Всюду, куда не приду в Праге, играют, поют, танцуют либо насвистывают Фигаро – истинно великая честь для меня...»

ГЛАВА 1. ПРИЕЗД МОЦАРТОВ В ЗАСНЕЖЕННУЮ ПРАГУ

— 1 —

Был 11-й день января 1787 года. Заснеженной дорогой мчался в сторону Праги почтовый экипаж, из него выглядывало несколько голов. Сероголубые прищуренные глаза близорукого мужчины, тёмный взгляд усталой дамы, и меж ними третья личность жадным взглядом высматривает могучие ворота с возвышающимися над ними башнями, похожими на пики средневекового войска.

Почтальон весело трубит, объявляя о въезде в город. Его труба оживила серое бытие тишины, и радостные звуки затрепетали над буйными гривами коней, почуявших уже близкий конец путешествию.

Повозка останавливается перед Новыми воротами, и почтальон говорит пассажирам, чтобы приготовились к проверке паспортов и таможенному контролю. Тот, наиболее шустрый из троицы, выскочил наружу и запрыгал на одной ноге, как мальчишка.

«Я чувствую себя скрученным в бублик, как бы мои ноги окончательно не отмёрзли!»

Дама в экипаже снисходительно улыбается, глядя на подсакивающего мужичка в кармазинном тулупе, который вовсе не обращает внимания на строгого таможенника и старательно дует себе на руки. Но вот он вздрогнул: от ворот вылетела великолепная каденция кларнета.

Мужчина перестал подпрыгивать и смотрит в сторону предполагаемого музыканта на пражских стенах, которого не видно. Казалось, сами стены пробудились ото сна, и среди облаков вдруг засветило солнышко. Кларнет ликовал и выводил настоящие чудеса, а между тем таможенник внимательно осматривает документы. Вдруг он побледнел, и его официальный тон сменился весьма любезным:

«Господин маэстро Моцарт? Простите, пожалуйста, вы тот самый, кто сочинил Фигаро?»

Моцарт замер. Такого с ним ещё никогда не случалось. Он кивнул головой, дескать, да, я – Моцарт. Офицер щёлкнул каблуками, взял под козырёк и воскликнул:

«Приветствую вас сердечно! Если бы знал мой друг! Вы его как раз слышите, он всегда играет на кларнете, когда сво-

боден. Как он будет сожалеть, что не смог увидеть вас! Приветствую вас, пан маэстро, пусть вам всё понравится в нашей Праге!»

Моцарт не верит своим ушам, но таможенник улыбается ему так дружелюбно, будто они давнишние знакомые. Тут из-за широкой спины офицера выплывает ученик пекаря с корзиной булочек на голове. Он вышел из боковых ворот, насвистывая на ходу «Non più andrai...»

«Вот, пожалуйста, мальчишка свистит из „Фигаро“!»

Точно! Причём в оригинальной тональности. C-dur! У этого мальчишки абсолютный слух! Туфли отбивают такт, белеют босые пятки, булочник горделиво шагает. Моцарт покраснел от удовольствия, хотя прежде был бледный как снежинка. Он подбегает к приоткрытой повозке:

«Констанция, слышишь, погляди! Слышишь его, Хофер, выходите посмотреть!»

Но Констанция не выходит, лишь улыбается благосклонно, а Хофер выйти не может, ему мешают ноги Констанции, закутанные в овечьи шкуры. Но он хоть взглянул на пекарского ученика через замёрзшее окно. Своей тёплой рукой он проделал кружок среди морозного рисунка, и в нём был виден марширующий краснощёкий мальчик, энергично насвистывающий на ходу Фигарову арию «Non più andrai...»

Моцарт был готов броситься к тому мальчишке, но Констанция говорит, чтобы он уже заходил внутрь, и таможенник по-приятельски провожает радостного и изумлённого

маэстро к экипажу, кланяясь при этом и высказывая пожелания «многих удовольствий господам в нашей Праге».

А Моцарт всё продолжает высматривать мальчика, выкручивая голову, глядя через просвет в замёрзшем окошке, проделанный Хофером, и слёзы умиления покрывают его глаза. Он не может вымолвить ни слова. Почтальон снова затрубил в рожок, и экипаж через Новые ворота въезжает в Прагу.

— 2 —

Люди с любопытством провожают взглядами трубящего почтальона. Экипаж мчится по Гибернской улице, проезжает Прашну брану, едет по улице Целетной. Повсюду оживлённо и весело, как обычно на Мясопуст. Возбуждённый Моцарт теребит Констанцию, своими коленями толкает колени Хофера, а тому тоже передались веселье и радость его друга.

Можно ли представить большее счастье для сочинителя, нежели, приезжая в чужестранный город, быть встреченным собственной мелодией, которую беззаботно насвистывает совершенно незнакомый, самый обыкновенный подмастерье. Хофер читал всё это в глазах Моцарта, да и Констанция тоже старалась повеселеть, хотя и замёрзла, и утомлена, ей это сначала не удавалось, как тем двоим, но и она растаяла вскоре, глядя на расшалившихся мальчишек.

При въезде на Старомнестский рынок перед ними развернулась пёстрая картина ожидания курантов. Все прильнули к окнам, да налету лишь заметили голосистого петуха, про-

кукарекавшего двенадцатый час. И немедленно вслед за ним забубнили низкие звоны с Тынских башен.

Их величественное звучание сопровождает путешественников по узкой Йезовицкой улице, встречные повозки лишь мелькают за окном. Тротуары заполнены зеваками, глазающими на трубача. У Клементина извозчик вынужден сбавить ход, слишком много нагромождено экипажей, а на Кржижовницкой площади и вовсе пришлось остановиться.

Моцарт высунулся из окна и увидел великолепную картину. Они стояли на восхитительной площадке, перед ними возвышалась могучая Старомнестская башня, а за нею, как во сне, парили Градчаны. Прага, мать городов чешских, величаво закутанная искрящимся белым плащом, сияла в полуденном солнце.

«Вот он, стобашенный город Мысливечка», – с волнением говорит Моцарт, – «он мне рассказывал о нём в Италии, всегда с горящими глазами, так, будто видел его перед собой».

Повозка снова начала движение. Проехали через готические ворота, и когда выехали на Каменный мост, Моцарт схватил свою жену за руку, воскликнув:

«Констанция!»

И она вместе с ним выдохнула:

«Амадей!»

И Хофер прошептал:

«Амадей!»

Это была белая сказка, по которой они продвигались, на-

правляясь вверх к Граду. Изумительный вид на белые башни, закутанные туманом, сверкающим и искрящимся. Напротив них выступают огромные фигуры древних статуй. Вот крест с золотым Христом, а над ним надпись на древнееврейском. Тут же к ним склонился Святой с сердцем на ладонях протянутых рук.

А рядом Моцарт разглядел арфиста, прихрамывающего с арфой на спине. А вон за ним такой огромный Турок, на него как раз указывает кучер своим кнутом. Его длинные усы, покрытые снегом, напомнили Амадею какой-то персонаж из сказок «Тысячи и одной ночи».

Перезвон колокольчиков украшал этот ангельский проезд по Каменному мосту. Вот они приближаются к Малостранским башням, въезжают в Мостецкую улицу, и кучер снова размахивает кнутом, показывая огромную шапку костёла святого Микулаша. К нему-то повозка и направлялась.

Въехали на Влашскую площадь и снова на быстром ходу увидели огромное скопление народа, копошащегося в полуденной спешке и суматохе, и поверх всего взлетает восхваляющий колокольный перезвон всех храмов столбашенной Праги.

Моцарт ещё разглядывал на фасаде дома по правой стороне картину на сюжет из евангелия, а они уж заворачивают к почте, к угловому дому с призмовидным эркером, где повозка останавливается, и кучер объявляет:

«Мы на месте».

Открывается дверка, и появляется лакей с учтивым вопросом, не имеет ли он честь разговаривать с господином капельмейстером Моцартом из Вены.

«Конечно, это я!»

«Пан граф Тун прислал меня к почте, чтобы встретить вас и сопровождать дальше».

Лакей присоединился к кучеру, и экипаж снова тронулся, вот он заворачивает от почты в боковую узкую улочку и движется в гору на самый верх. Моцарт смотрит в окошко, видит высоко над собою петушка на башенке дома, перед ними раскрываются железные ворота Тунова дворца «У железных дверей», и путешественники въезжают во двор. Пригожие юноши в ливреях подбегают со всех сторон, разбирают багаж, распаковывают шубы и провожают знатных гостей к главному входу.

— 3 —

Моцарт ещё раз бросает взгляд на оставшийся позади таинственный белый город с полным отсутствием какой бы то ни было жизни в его окнах.

Господа поднимаются по лестнице, сопровождаемые камердинером графа Туна, входят в хорошо протопленный большой вестибюль, и перед ними предстаёт сам высокочтимый Ян Йозеф Антонин граф Тун, старый друг Моцартов, и с ним приветливая пани Альжбета:

«Наконец-то вы у нас, однако, как же долго вы добирались, хорошо ли вас встретили?»

«Чудесно! Прага сразу покорила моё сердце. Мне казалось, будто приехал я в родной Зальцбург, у нас тоже стоит город на высокой горе, и въезд тоже через мост. Но ваш Каменный мост действительно, как о нём говорят, красивейший мост в Европе. Это было потрясающее ощущение, будто въезжаешь в древний мир. Он мне напомнил Ангельский мост в Риме. Но пражский намного более величественный, как говорится, музыка века!»

Граф Тун кивает головой, дескать, очень приятно, господа, поговорим за обедом. Мартин отведёт гостей в приготовленные для них комнаты, а пока расстанемся ненадолго. Красивая белая голова великого старца с ласковой улыбкой склонилась, а Моцарт с Констанцией и другом Хофером с глубоким поклоном прошли за Мартином, приставленным к ним для услуг.

Лишь только скрылись с глаз графской семьи, Моцарт подпрыгнул, и если бы не строгий взгляд Констанции, он обогнал бы уже важно выступающего Мартина, который провожал гостей по лестнице на третий этаж в отведённые им покои.

Для Моцарта и его супруги предоставили три большие комнаты, соседствующие с четвёртой, предназначенной для их друга Хофера. Багаж уже был на месте, и началась суматоха с умыванием, переодеванием, потому что, как сказал слуга Мартин, вот-вот прозвучит колокол, созывающий к обеду. Служанка помогает Констанции одеваться, поправляет

белый парик, пристраивает чёрное сердечко на розовое личико, в то время как Моцарт, умываясь, тихонько насвистывает «Non più andrai», заразившись от пекаря-подмастерья, который не шёл у него из головы. В ту минуту он вспомнил о нём и потому снова пришёл в прекрасное расположение духа. Но вот его позвал цирюльник, искусный мастер, и сразу запахло мылом.

Внезапно чуткие уши Моцарта уловили тихий звук флейты, ей отозвались гобой с виолончелью, затем валторна, как далёкий лесной рог и, наконец, звуки настраивающихся скрипок. Выплеснула виртуозная каденция кларнета, подобная той на замёрзших стенах при въезде в Прагу. Моцарт остановил бритву цирюльника и прислушался.

Да, это те самые знаменитые чешские духовые, которых он узнал ещё, будучи ребёнком, когда хаживал с папенькой на репетиции архиепископской капеллы, то были блестящие мастерские звуки мангеймцев, то есть – чехов. На несколько секунд Моцарт замер, но вот цирюльник вновь взялся за бритву и заспешил, чтобы больше не мешкать, потому что Констанция уже стоит в дверях:

«Я готова, Амадей, поторопись!»

Моцарт шаловливо вытянул губы:

«Пунктититити ослеплён красотой Шаблы Пумфы и не может дальше бриться, он просит снежную королеву отступить на минутку в свои комнаты, абы негодный отрок смог закончить свой туалет и предстать к её услугам в полном параде»

Констанция, на ходу окрещённая теперь Шаблой Пумфой, пребывала в хорошем настроении, сияла в прекрасном розовом кринолине, расшитом венками из цветов. Она с важностью кивает головой:

«Так и быть, Пункититити, я жду только до тех пор, пока досчитаю до ста».

Моцарт лишь моргнул, и бритва вновь полетела по щеке, порозовевшей, однако, от неожиданного удовольствия. Вот Мартин принёс тёплую воду, помогает весёлому господину в завершении туалета, надевает новый зелёный бархатный сюртук с золотыми пуговицами, прежде аккуратно запудрив его густые каштановые волосы, заплёл их в крепкую косу, завязал бордовой лентой.

Моцарт с театральной важностью предстал перед зеркалом, несколько раз повернулся боками и объявил:

«Имею честь сообщить, мы можем отправляться. Пожалуйста, Мартин, будьте так любезны, зайдите к нашему другу господину Хоферу, скажите, что мы готовы».

Мартин вышел, и Моцарт бросился в комнаты Констанции, перелетел через порог и торжественным менуэтовым шагом приблизился к Шабле Пумфе, предлагая её руку, чтобы проводить в столовую. При этом, бросив на неё нарочито важный взгляд, пропел:

«Что я вижу, моё личико, на нём какая-то пушинка...»

Констанция испугалась:

«Где?»

«Вот тут, и хотя я умираю от голода, я всё-таки эту пушинку с щёчки сдую...»

Сделал вид, что хочет сдуть, а сам, плутишка, чмокнул её прямо в милые губки.

Тут раздался звон колокола, и двери растворились. Вошёл слуга Мартин:

«Смею пригласить маэстро и милостивую пани!»

Амадей с шутливым поклоном предложил Констанции руку, и они отправились вслед за Мартином, у лестницы их ожидал скрипач Хофер, а навстречу летела великолепная каденция кларнета.

ГЛАВА 2. КОНЦЕРТНЫЙ ОБЕД У ТУНА

– 1 —

Моцарт пребывал в своей стихии. Те несколько звуков развеселили его, предупредив, что будет концерт. Он перепрыгивал через ступеньки, как мальчишка, так что Констанции пришлось напомнить ему, кто он есть – придворный капельмейстер, чтобы не забывал. На что Моцарт весело отвечал:

«Разумеется, не спору, только через минутку, а пока меня из-за угла не видно, могу и поскакать *ad libitum*, однако, я знаю, когда ту каденцию допрыгаю – ещё три ступеньки, и я предложу Вам руку, о королева моего сердца, и приготовьтесь – будет Вам *maestoso andante* прямо к столу, где усядемся перед оркестром *tutti frutti* и будем делать вид, будто совсем не голодны, хотя в эту минуту могли бы с радостью вгрызться в какой-нибудь апельсин ... *pardon*...»

Оказавшись уже вплотную перед углом лестницы, Моцарт сделал кавалерский поклон и плавным движением предложил Констанции руку. Та, величественно кивнув головой, приняла её, но тихонько укоризненно прошептала:

«Амадей!»

Видно он слишком крепко прижал её локоть, сам же при этом сразу превратился в чопорного маркиза с окаменелым

лицом, выводящим свою даму к столу с надлежащей церемонностью.

Им навстречу спешили ловкие слуги, они раскланивались с любезными улыбками, как и положено по долгу службы. Моцарты уже подступали к главным дверям, тут возник церемониймейстер, массивный, как гора, и с глубоким поклоном провозгласил:

«Пан придворный капельмейстер и мадам Констанция подходят!»

И снова Констанция почувствовала нетерпеливое пожатие локтя от своего кавалера, Амадей не отпускал его во время всего этого торжественного вступления в салон, сверкающий венецианскими зеркалами, и люстрами, и фарфором.

Вот навстречу им идут старый граф Ян Йозеф Тун и пани графиня Альжбета. Тут Моцарт забыл о своей достойной роли, радостно хлопнул в ладоши, ведь перед ним были его венские друзья: старший сын графа Франтишек Йозеф со своей женой Марией Вильеминой из Угленфельда и её три весёлые грациозные дочери с красивыми именами Альжбета, Кристл-Вильма и Каролина. За ними второй сын Тунов Вацлав Йозеф с женой Марианной, воспитанницей Ностицовых, – но тут граф Ян Йозеф Тун подвёл повеселевшего маэстро к старому господину и произнёс:

«Имею честь представить вам пана Вольфганга Амадея Моцарта и его супругу Констанцию». Затем обратился к Моцарту и представил:

«Это граф Ностиц, старший бургграф королевства Чешского, ваш большой поклонник и держатель театра, в нём как раз ваш „Фигаро“ свёл с ума всю Прагу». Моцарт с графом Ностицом пожимают друг другу руки, как старые знакомые, к ним подходят граф Канал, графы Пахта, Штернберк, Клам-Галлас, их дамы, много поклонов, целований ручек, имена, в конце концов, уже не имели значения, все улыбались, представлялись, знакомились.

Наконец, сели за стол. Моцарт рядом с графиней Вильяминой, пани Констанция около графа Яна Йозефа, «чешского Туна», как его называли при венском дворе. Забегали лакеи с дымящимися блюдами, и обед, который Моцарт с лёгкой руки прозвал *tutti frutti*, начался.

Моцарт лукаво подмигнул Констанции, пошевелил бровями, быстро разобрался с салфеткой, пристроив её, куда следует, при этом покраснел, как роза, хотя раньше был довольно бледным.

Его руки слегка подрагивали, он проглотил несколько ложек и снова схватился за салфетку, в его глазах опять запрыгали весёлые огоньки, вспомнил пекарского подмастерья с корзиной булочек на голове, свистящего «*Non più andrai*». Он и не предполагал, что звучание собственной мелодии может так обрадовать его сердце. Моцарт посмотрел на сверкающую люстру над головой. В мыслях он был где-то не здесь.

— 2 —

Старая дама, сидящая напротив, обратилась к нему:

«Я бы никогда не сказала, что вы после утомительной зимней дороги, Моцарт, когда я смотрю на вас, вы просто сияете, как...», она замешкалась, подбирая подходящее выражение. Моцарт с плутовским поклоном за неё dokonчил: «Как пекарский подмастерье».

Все уплетающие головы оторвались от еды и повернулись к Моцарту, что за «пекарский подмастерье»? Моцарт продолжал, как ни в чём ни бывало:

«Вас удивляет, какое может быть сходство между мной и пекарским подмастерьем? Очень большое. Я убедился в этом не далее как сегодня, когда стоял перед воротами Праги».

Старая дама недоверчиво покачала головой и поднесла к прищуренным глазам лорнет:

«Вы говорите загадками, маэстро, Не были бы вы так любезны, объяснить поточнее, какая связь между вами и... pardon, если я хорошо слышала, и пекарским подмастерьем?»

Моцарт:

«С удовольствием. И начать я должен от Адама, от того, как мы выехали из Вены, и как меня встретила Прага. Из Вены нам в спину дул морозный ветер. Это дул со сладкой усмешкой всемогущий господин Сальери, который хотя и пожелал мне счастливого пути, однако, змеиный изгиб тонких губ выдавал его мысли, и были они прямо противоположны.

Дело в том, что «Фигаро» исчез со сцены придворной оперы. Никто не понимал – как. Никто не хотел об этом ничего знать, только лишь пожимали плечами. И тут и там я выяснял, и оказалось, это итальянские певцы жаловались, да так необыкновенно громко, что дошло до императора. Будто их партии так трудны, что им кажется, они слишком напрягают голоса.

Вот так «Фигаро» был незаметно задвинут в архив, а на его место выступила снова победоносная, везде успешная итальянская опера. Всю дорогу из Вены до Праги меня мучил вопрос, как «Фигаро» на самом деле был принят у вас, ибо кое-кто мне говорил, что весь город полюбил его, но, знаете, ведь комплименты часто преувеличивают, а я как тот Фома неверный, должен сам убедиться.

Когда же почтальон начал трубить о приезде в Прагу, и наш экипаж остановился перед воротами, я выкатился из него замёрзшим бубликом. Любуюсь белыми башнями, выступающими над воротами, как в зимней сказке. Достая паспорт, прохожу досмотр таможенника, он меня оглядел, изучил подпись, насквозь пронзил взглядом. Ладно, пожалуйста, пронзил, так пронзил.

Но тут со стены, мрачной и хмурой, вылетела внезапно прекрасная каденция кларнета, знаете, как будто солнышко выглянуло на сером небе над нами. Тот яркий радостный звук перенёс меня мгновенно в Мангейм. Так играют именно мангеймцы. А таможенник улыбается, будто узнал во мне

родного человека: «Вы есть пан Моцарт, который написал „Фигаро“?»

Я ещё не успел ответить, как мимо нас прошагал пекарский подмастерье с корзиной булочек на голове, и, как само собой разумеется, насвистывал на ходу Фигарову арию «Non più andrai». Не отвечая офицеру, я, радостный, бросился к экипажу, зову Констанцию, дескать, слышишь ли, смеюсь, а таможенник забыл уж про досмотр. Говорит: «Видите, вы у нас как дома». Я помолодел в то мгновение на двадцать четыре года».

У всех присутствующих в глазах был вопрос. Моцарт продолжал:

«Да, сейчас мне тридцать один, если вычтешь двадцать четыре – было бы мне семь лет. В ту пору поехали мы с папенькой и сестрицей Нанерль в Вену с концертами.

И когда в таможне офицер осматривал нас и наш багаж, я заиграл для него на скрипочке менуэт. До сих пор так и вижу его перед собой. Ворчуна как будто коснулась волшебная палочка. На лице засияла улыбка, и разом было забыто о досмотре. Махнула командирская рука: «Пожалуйста, досмотр закончен, дорога свободна».

Графиня Тунова прервала рассказчика:

«Ваша еда остынет, маэстро, вы могли бы сначала доесть суп, потом dokonчите эту историю про вашего пекарского подмастерья, который заморозил вас у Пражских ворот».

Все за столом рассмеялись, потому что Моцарт сжался

как зайчик и быстро начал поедать мясо, которое ему порезала Констанция, спешил, чтобы продолжить свой рассказ. Он вытер рот салфеткой и снова заговорил:

«Такой таможенник имеет гораздо больше вкуса, нежели некоторые так называемые знатоки. Его не подкупишь, это правда, но хорошей музыкой можно усыпить и его служебную бдительность. Я понял это ещё будучи семилетним ребёнком, когда играл этот таможенников менуэт и проскочил досмотр. Сколько раз я мог бы воспользоваться чем-то подобным для достижения определённых справедливых целей.

Когда бы вы знали, сколько сил было положено, прежде чем мы увидели «Фигаро» на сцене придворной оперы! Хотя можно было предполагать, что всё пройдёт гладко. Ну, были какие-то закулисные разговоры, будто с чьих-то слов, но прямо мне не говорили ни слова в укор.»

«Я слышал об этом кое-какой рассказ», – сказал граф Ностиц, – «но хотел бы услышать истину непосредственно от автора. И как же это было с постановкой „Фигаро“ в Вене?»

Моцарт был в центре внимания. Он прекратил свои манипуляции с салфеткой и живо продолжал:

«Я давно уже собирался писать музыку к «Фигаро». Легко и быстро обговорил это с Да Понте, труднее было с императором, ведь как раз, когда я принялся за работу, немецкое театральное общество запретило «Фигаро» Бомарше к постановке. Почему? Потому что якобы для нравственной публи-

ки он слишком свободомыслящий. Меня это как раз устраивало.

Конечно, вопрос был – как уговорить императора, чтобы «Фигаро» разрешили в виде оперы. Барон Вецлар предложил нам: если император не разрешит играть «Фигаро» в Вене, то он позаботится об исполнении его во Франции, либо в Лондоне.

Я работал день и ночь, и за шесть недель опера была готова. Да Понте использовал момент хорошего княжеского настроения и сознался ему, что я написал «Свадьбу Фигаро» на его дапонтский текст.

Император сначала возмутился, как я мог это делать, зная про его запрет, но Да Понте стал уверять, что его комедия с Моцартовой музыкой есть нечто совершенно иное, нежели произведение Бомарше, которое такое смелое, что необходимо для спокойствия драму запретить, чтобы не возмущала своей дерзостью.

«Зато наша опера, независимая, шутливая, настоящая буффа.»

Император ему:

«А коли так, скажите Моцарту, чтобы пришёл к нам сыграть её».

И «Фигаро» Йозефа победил. Но только не всемогущего графа Розенберга, который вырвал два листа из либретто и выбросил в огонь, потому что в них была балетная сцена, а он, как интендант, конечно же, не допустит, чтобы запрет

на балеты на придворной сцене был нарушен.

Когда мне об этом рассказал Да Понте, я взбесился, хотел бежать к императору с партитурой, мол я не допущу, чтобы моя опера была так изуродована. Но этот лис Да Понте, загадочно улыбаясь, велел мне приготовить на завтрашний день генеральную репетицию, а уж об остальном он позаботится сам. На генералку пришёл император и слушал из своей ложи с большим вниманием. Когда же в конце первого действия пошла немая сцена балетного характера между графом и Сюзанной, оркестр перестал играть, а актёры двигались на сцене как марионетки. Я прекратил дирижировать и смотрел с опущенными руками на эту комедию.

«Что это может означать?» – спрашивает император и зовёт меня к себе, а я вместо ответа подал ему партитуру и указал это место, которое сейчас было пропущено.

«Почему?»

Я не отвечаю. Тогда он обращается к графу Розенбергу и предлагает ему, как интенданту, объяснить. Розенберг, растерянно заикаясь, бормочет, что, мол, придворная опера не имеет балетной труппы, после чего император приказывает:

«Пусть ангажируют столько танцовщиков, сколько необходимо для этой сцены».

И через полчаса уже все были на месте. Немая сцена вместе с музыкой ожила и так понравилась Его Величеству, что он прямо из ложи выкрикнул:

«Вот теперь хорошо!»

За эту победу я позже, конечно, дорого заплатил. Мелкое начальство не прощает, если к вам благоволят сильнейшие.»

Граф Ностиц согласился:

«Если бы Его Величество знал, как часто он бывает жертвой именно тех мелких начальников, которые используют его переменчивое настроение и потом приносят приказы, якобы диктованные его волей. На этом он теряет многих хороших людей».

Моцарт подтвердил:

«Это так и есть. Йозеф – человек настроений. Это императрица Мария Терезия была как матушка, всегда добра и справедлива к тем, кто завоевал её доверие. Тот, кого она любила, был для неё как дитя, ни за что не даст его в обиду, особенно, если заподозрит какую-то закулисную интригу».

И снова заговорила старая дама с прищуренным взглядом:

«На самом деле, не каждый мог бы похвастать, что сидел на коленях императрицы, как вы, Моцарт. Ведь не секрет, об этом знала вся Вена и даже обсуждала, что вы себе притом позволяли критиковать самого императора!»

Моцарт:

«Каждому положено то, что ему соответствует. Кесарю – кесарево, а музыкантово принадлежит людям и Богу».

Его собеседница, понизив голос, укоризненно заметила:

«У вас высокое самомнение, маэстро, говорите об импе-

раторе и о Боге так, будто вы с ними на „ты“!»

Моцарт:

«Так уж получается, ибо, как император, так и Бог любят искренность. А я – искренний. Поэтому не должен перед ними ни сгибаться, ни стыдиться, ни лукавить. Истина всегда должна быть на первом месте, хотя частенько бывает на последнем. Но, в конце концов, она всё-таки побеждает. Нужно только иметь терпение долго ждать, когда это произойдёт. А я нетерпелив, всегда быстро высказываю то, что думаю, нередко и расплачиваюсь за это».

Его собеседница:

«Но существует всё-таки придворный этикет, Моцарт!»

Моцарт:

«Согласен, и этикет требует предостерегать от фальши».

Дама:

«О, вы доказали это на коленях императрицы. Рассказывали, однажды, среди вашего наипрелестнейшего лепета, вы вдруг нахмурились и вскрикнули на императора, играющего рядом на скрипке „Фу!“, это так было?»

Моцарт:

«Ну, конечно же, так! Разве мог я хвалить фальшь? Ведь Его Величество играл так фальшиво, что невозможно было слушать. Как видите, понимание чистоты звучания не покидало меня даже на коленях императрицы».

На это нечего было ответить, все лишь смущённо улыбались. А Моцарт снова быстро вытер салфеткой рот, явно за-

бавляясь этой неловкой паузой, когда никто не находил слов, ибо преклонение перед покойной императрицей Марией Терезией было до сих пор так велико, что исключало какие-либо пересуды.

Перед Моцартом была поставлена серебряная чаша с водой. Взглянув, он увидел столько почтения в глазах лакея, и не только почтения, а ещё и преданности, столь непривычной для прислуги. Он погрузил в воду кончики пальцев, и, будучи в центре внимания в качестве виновника происходящего, почувствовал в душе радость.

– 3 —

В это время издалека слышались звуки настраиваемых скрипок и виолончелей, им отзываются флейта, кларнет и гобой. Моцартовы пальцы на мгновение перестают купаться в воде. Да, очень хорошо, чисто настроились. Руки быстро выныривают, хватают салфетку, поданную тут же с тем же необычно преданным взглядом, а Моцарт, вытираясь, живо говорит:

«Голоса хора небесного ожили, ибо, что такое есть музыка, как не хор небесный. Благословенны музыканты, ведь они всем людям на свете напоминают, что у них в теле есть не только желудок, но и сердце, и сердце – это главное».

Он протянул салфетку лакею и встретил снова сияющий взгляд. Графиня Тунова по-матерински мягко напомнила:

«Моцарт, мы ещё ждём от вас заключения и разъяснения о том, что общего имеете вы с пекарским подмастерьем, с че-

го вы начали рассказ про „Фигаро“?»

Моцарт выпил красного вина, глаза его загорелись:

«Заключение, или финал, это всегда должно быть в быстром темпе и, разумеется, весело, чтобы все слушатели пришли в себя. Итак, – «Фигаро», итальянцы, Моцарт и пекарский подмастерье.

«Фигаро» разлетелся с театральных подмостков по всей Вене очень весело, всюду о нём бежала молва, и даже будучи не по душе неким сеньорам и сеньоритам, они всё равно смеялись и кричали «браво». Ну и кое-кто так быстро позаботился за моей спиной, что «Фигаро» был, как говорится незаметно, со сцены снят.

Но это не был бы Фигаро, если бы дал о себе забыть. Раз уж он разогнался, его не остановишь. Добежал прямо сюда до Праги, а здесь нет ни всемогущего интенданта, ни льстивого Сальери, ни капризного императора. Зато было музыкальное сообщество, которое приняло его с распростёртыми объятиями, что бы там Вена ни говорила.

Прага просто приняла «Фигаро», как своего. И уже фигуровы мелодии проникли в сердца простых людей. Об этом всем присутствующим здесь редким гостям с большой радостью позволяет себе сообщить сам автор, который сегодня приехал окоченелый к воротам Праги, занесённый снегом, и был встречен, как в сказке, неизвестным посланником в образе булочника, который свистел «Фигаро» на ходу, как свою любимую песенку. Замёрзшее лицо автора растаяло. Словно

солнце волшебной палочкой оживило обледенелую землю.

И вот я уже смеюсь над всем вокруг, а закулисные интриганы с их сладкими ухмылками провалились для меня в этот миг в небытие. Этот булочник свистел «Non più andrai» с удовольствием, а я рядом забыл обо всём плохом. Так и въехал радостно в этот таинственный стобашенный город, как в родной.

Спасибо тому босонотому посыльному в домашних туфлях, который сам того не ведая, подтвердил ваше лестное известие об успехе «Фигаро», и тем приятнее стало мне это приглашение от лица милостивой пани графини Вильемины и Его Светлости Яна Йозефа Туна».

Взволнованный Моцарт поднялся и протянул бокал искрящегося вина к Тунам, которые подняли свои чаши, и все вокруг стола, графы Ностиц, Канал, Пахта, Шёнборн, Штернберк, Кинский чокались бокалами, зазвенело старинное чешское стекло, заиграло в нём вино, и настал момент тишины, похожий на тот, когда трубачи подносят к устам инструменты.

Все присутствующие смотрели на Моцарта, как на главнокомандующего. Старый граф, чешский Тун, поставил бокал и с лёгким поклоном обратился к Моцарту:

«Маэстро, жду вас на домашний концерт моей капеллы, которая сегодня удостоилась чести впервые играть перед вами».

Вельможный пан граф Ян Йозеф Тун поднялся, а за ним

все присутствующие. Чешский Тун подал руку Констанции Моцарт, маэстро Моцарт пани графине Туновой, так и вошли в большой салон, где уже стояла в полной готовности вся капелла в красных ливреях и белых париках.

Заиграли торжественные фанфары, загремели барабаны. Фанфары звучали до тех пор, пока всё общество не расселось по местам. Капельмейстер дирижировал так энергично, что смычком почти доставал люстру, когда же музыка смолкла, он глубоко поклонился и ожидал в покорном поклоне знака его милости, что концерт можно начинать.

Внезапно Моцарт обратился к Туну:

«Да ведь это скрипач Клацкель, по-прозванию Патан. Он играл в придворном театре, а также часто солировал перед императором Йозефом!»

Тун с удовлетворением подтвердил:

«Да, это Штепан Клацкель. Как только он вернулся из концертного турне по Германии и Парижу, я назначил его руководителем моей капеллы», – сделал знак ожидающему Клацкелю начинать, и тот проворно сел за первый пульт.

Огонь от двух больших каминов озарял капеллу. Музыканты, натянутые как струны на их инструментах, следили за концертмейстером. Его смычок с торжественной сосредоточенностью властно на рiано взял первый звук. И одновременно с Клацкелем все музыканты заиграли прелестное LARGO. Все как один, одинаково напряжённо, в едином ритме, как будто слились в величественной реке, и её мо-

гучее течение направляется вдаль, провожаемое шумящими деревьями.

Это не была обычная застольная музыка. В этом LARGO инструменты придворной капеллы пели свой гимн любви к музыке, свою исповедь так называемого маленького человека, который может говорить так красиво, слушая голос своего сердца.

Моцарт смотрел, слушал и вспоминал Мысливечка, Ваньхала, Бенду, Фиалу, Гейна и всех чешских музыкантов, с которыми познакомился в своих поездках по Европе. Везде они были первыми солистами, а здешние придворные музыканты были их братьями. Моцарт впервые попал в самое сердце Чешской музыки, о которой шла молва как о консерватории Европы. Такой радости от чистоты исполнительского мастерства он давно не чувствовал.

После LARGO прозвучал прелестный менуэт и весёлые быстрые танцы, развеселившие всё общество, попивающее кофе, и диво дивное, переговаривались они шёпотом, знали, что Моцарт не любит, когда во время музыки слушатели отвлекаются. В перерыве выскочил Моцарт, как мальчишка, и прямо к капельнику Клацкелю.

Пожимает ему сердечно обе руки, поздравляет его, как старого друга, машет рукой всем музыкантам:

«Браво, брависсимо! Как звучала музыка! Каждый звук – как кристалл, каждая нота – сама радость. Хотел бы слушать эту музыку целыми днями».

Музыканты вежливо кланяются, явно растроганные добрыми словами, а старый граф Тун говорит:

«Это удовольствие, маэстро, мы можем вам доставлять каждый день, пока вы будете нашим гостем».

Стоящие рядом графы Канал и Пахта быстро добавили:

«И наши капеллы можете послушать, маэстро, если будете иметь время».

– 4 —

Компания из господ отошла на несколько шагов от оркестра и остановилась у окон, выходящих на молчаливый город. Моцарт, любуясь таинственными опустевшими улицами, говорит:

«Удивительное зрелище – этот город без короля. А ведь он такой величественный, будто король живёт в нём, такие грандиозные строения. Это музыка камня, люблю её, в ней говорят века с теми, кто умеет понимать язык окаменелых столетий».

Чешский Тун подошёл с Моцартом поближе к окну и указал ему на высокие и широкие окна:

«Там бывали рыцарские турниры. А взгляните на те узкие окна. Это Чешская канцелярия, оттуда разъярённый народ выбросил наместника, и это было началом тридцатилетней войны. Да, эти камни говорят. Здесь делалась история.

Вы за время своего пребывания здесь её узнаете, маэстро. Это история, богатая волнующими событиями, а народ, который её творил, обладает великой силой. С гуситскими

войнами связаны важнейшие события всей Европы».

Моцарт кивнул головой:

«Это необыкновенно. Я вынужден постоянно вспоминать своего дорогого друга Йозефа Мысливечка. Его лицо загоралось, когда говорил о Праге, звал меня сюда. При первой же встрече в Болоньи сразу мне сказал: „Вы должны посетить Прагу“, – и немедленно пообещал дать мне рекомендательное письмо к графу Пахте».

Граф Пахта засмеялся и тоже стал вспоминать:

«Мысливечек вас очень любил. В наших беседах о вас он всегда говорил, когда вы познакомитесь с Прагой, вы не найдёте более благодарной публики во всей Европе, потому что здесь каждый человек – музыкант. Мысливечек говорил, Прага будет для Моцарта его настоящим домом. Здесь никто не будет ему завидовать, но все будут любить его, так как его музыка берёт за сердце, а чешский народ поёт именно сердцем».

Моцарт обратился с просьбой к графу Туну:

«Не мог бы я переговорить с капельником Клацкелем и с некоторыми музыкантами? Меня очень интересует, как они пришли к музыке».

«Несомненно» – ответил граф Тун и позвал, – «пан капельник, подойдите к нам на минутку. Маэстро Моцарт хотел бы с вами поговорить».

Капельник Клацкель по-военному проворно подошёл. Моцарт вышел навстречу и опять пожал ему обе руки и по-

здравил.

«Это был Душек, то, что вы играли?»

«Конечно, маэстро, мы хотели приветствовать вас произведением вашего друга».

«И доставили мне огромное удовольствие, не только тем, что играли Душека, но скорее тем, как вы его играли. Гениально!»

Моцарт говорил затем об отдельных музыкантах Туновой капеллы, и всем досталась его искренняя похвала. Подойдя с Клацкелем к старому виолончелисту Шиме, Моцарт расхвалил его красивый звук.

«Откуда вы?»

«Из Новых Бенатек, если вы не знаете, маэстро, оттуда также Иржи Бенда.»

Моцарт поспешил быстро ответить:

«Ах, Иржи Бенда, мой голубчик. Люблю его творчество. Встречался с его партитурами от Мангейма до Парижа, от Парижа до Зальцбурга и каждый раз заново их изучал. В них есть столько нового и красивого, что редко встретишь в чьих-либо творениях этого столетия».

Пока Моцарт разговаривал с виолончелистом, все музыканты смотрели на него. Моцарт спрашивал Шиму:

«Вы знали семью Бенды?»

«Как не знать, там, на Бенатках этих Бендов, что цветов, и все играют. Там даже говорят: Бенда – значит музыкант».

Моцарт рассмеялся и с ним вся компания. А старый Ши-

ма продолжал:

«Один Бенда есть в Берлине, Играет у короля Берджиха. Он там со всей семьёй. Это скрипач, каких ещё поискать. О нём рассказывают, будто он обладает таким звуком, что однажды заставил остановиться наследного принца, нынешнего короля».

«Как это?»

«Нам рассказывал об этом регент Брикси, его дядя, который слышал историю от самого Бенды, когда он останавливался у него, будучи проездом в Праге. Франтишек Бенда, тогда ещё крепостной, беглый, хотел поступить на службу к прусскому королю. Он занимался на скрипке в гостинице, и в это время как раз проезжал мимо наследный принц Берджих.

Звук Бендовой скрипки его остановил, такой это был необыкновенный звук. Принц быстро послал адъютанта узнать у хозяина гостиницы, кто там играет. Привели Бенду. И уж больше не отпустили, взяли в замок, и слава о нём вскоре дошла до всех европейских дворов. Вот такой звук имеет Бенда».

Моцарт кивает головой:

«Знаю эту историю как легенду. Я должен однажды наконец послушать этого Бенду, столько о нём слышал и всегда только похвальное».

Граф Пахта говорит с улыбкой:

«Это всё чешские звуки, которые приманивают челове-

ка издалека. Не с одним наследным принцем был подобный случай, у нас в Чехии такое случается нередко. У меня в капелле есть сказочный музыкант, играет на лесном роге, Чермак.

Так он тоже поймал меня на свой звук. Был я на охоте. Вдруг слышу красивую музыку, звучание вылетало из глубины леса, да такое великолепное, будто золото течёт. Играли на лесном роге.

Иду на звук, всё ближе, ближе, и вот нашёл его творца. Это был мальчик, си- девший на пеньке, он играл для себя и был погружён в свою музыку так глубоко, что не слышал меня и не обратил внимания, пока я не положил ему руку на колено. Он вздрогнул, как от чего-то страшного, быстро обернулся и увидел меня. С тех пор я его уж не отпускал. Дал ему возможность получить музыкальное образование, и сейчас он у меня. Это гордость моей капеллы, Чермак. Мы его прозвали Чермачек. Знаете, маэстро, есть такая лесная птичка – чермак. Все в капелле знали его историю и скоро стали обращаться: Чермачку!»

Старый граф Тун посмотрел на оркестр и сказал:

«Как видите, маэстро, тут каждый имеет свою историю, и одна на другую похожа. Как будто Богиня Судьбы опьянила их музыкой, чтобы они несли наслаждение тем, кто имеет сердце, уши и способен слышать и ещё понимать. А если они встречают понимание, то стараются играть до последнего дыхания.

Вот посмотрите, наш милый гаусофицер Вейсбах. Стоит там, будто он никто. А ведь был он знаменитым валторнистом, как Пунто, бывало, с ним играл. Вейсбах учился в Мангейме у нашего Шинделяра, затем у Гоудка в Драмдьянах. В высоких нотах и в беглости не знал себе равных, разве что Пунто. Умел из лесного рога извлечь звучание нежное, как у флейты. Тяжелейшие пассажи играл с удивительной лёгкостью, ни разу не наморщил лицо, всегда улыбался как дитя. Играл он у меня целых пятнадцать лет, пока ему служили зубы. А уж потом я назначил его гаусофицером. И всё же, если сейчас сядет за пульт, сыграет и на скрипке, и на альте, и на виолончели. Кровь музыканта не ржавеет. Подойдите, Вейсбах!»

Вейсбах встал из оркестра, как солдат на посту, а сам весь покраснел от радости и благодарности, ведь его сам пан Моцарт удостоил поздравлением.

Потом граф Тун отошёл, и снова зазвучала красивая музыка.

Играли симфонию, серенаду, изящный менуэт. Полтора часа продолжался этот концерт, Моцарт слушал непрерывно с большим вниманием. Действительно, каждый член домашнего оркестра был мастером своего инструмента.

— 5 —

Граф Тун спросил:

«Вы довольны?»

Моцарт:

«Это не то слово, я в восторге!»

Встал, подошёл к капельнику Клацкелю и снова пожимает ему обе руки.

«Благодарю, сердечно благодарю. Вы не представляете, какую доставили мне радость. Я счастлив. Я, наконец, услышал музыку в колыбели вашего земляка Йозефа Мысливечка, которого недаром называли в Италии «Божественный Чех».

У Штепана Клацкеля были влажные глаза. Старый граф Тун говорит:

«Такой концерт можете получать у нас, маэстро, каждый день, если вам понравилось».

«Это большая честь для меня и огромное удовольствие. Рад буду встретиться завтра, и ещё раз сердечное спасибо. До свиданья».

Когда господа выходили из музыкального салона, вся капелла низко поклонилась. Моцарт от дверей ещё раз обернулся и прокричал:

«До встречи завтра!»

Огонь в глазах музыкантов порадовал его сердце. Граф Канал по дороге обсуждал с Моцартом вечерний бал у барона Бретфельда, где соберётся цвет общества всей Праги.

«Не хотите заглянуть туда со мной хоть ненадолго?»

«С удовольствием. В котором часу начнётся бал?»

«После шести часов. Я заеду за вами. Вы пока идите отдохнуть, вы утомлены, сон освежит вас».

Моцарт пообещал так и сделать. Расставшись со всеми, он снова пошёл с Констанцией в отведённые им покои на два этажа выше. Усталость одолела их. Моцарт уже не перепрыгивал через ступеньки, но двигался степенно и был полон просветлённым удовлетворением, какого давно уж не испытывал.

Констанция зевала:

«Как хорошо было бы поспать. Два дня и две ночи в дороге – эта поездка совсем измучила меня».

«Бог наградит тебя, Станичка!»

Обнял её и поцеловал на пороге её комнаты, сам же пошёл к кровати с розовым балдахином, рядом полыхал огонь в мраморном камине. Моцарт уселся и стал смотреть на пламя. Его голова понемногу склонялась к груди. Привиделось ему, что едет он в почтовой карете по белой дороге, и где-то далеко звучит красивое LARGO.

ГЛАВА 3. ФИГАРО- БАЛ У БРЕТФЕЛЬДА

– 1 —

Лёгкий стук в дверь разбудил Моцарта

«Что это? Где я?»

Он видит перед собой огонь в камине. Дверь тихонько открывается, и входит лакей:

«Граф Канал ждёт вас, маэстро, карета подана».

Моцарт вскакивает и пристально смотрит на слугу:

«Господи, да вы ведь тот замечательный флейтист, что сегодня после обеда играл так блестяще ANDANTE с вариациями» – схватил его за руку – «спасибо вам, дружище, как вас зовут?»

«Мартин, к вашим услугам».

«Мартин – а я Вольфганг Амадей. Не обижайтесь, милый друг, что будете иметь со мной много хлопот. Я необыкновенно рассеянный и забывчивый».

Мартин с улыбкой:

«Для этого здесь я, маэстро, чтобы всё было в порядке».

В руках его уже щётка, пудра, расчёска, в одно мгновение Моцарт засверкал чистотой, и его тёмные волосы выглядели так, будто были слегка припорошены снегом.

Он заглянул, было, что там делает Констанция, хотел с ней попрощаться, но она спала. Розовенькая, привлекательная,

и так по-здоровому спала, что Моцарт не отважился будить её, просто послал ей воздушный поцелуй и на цыпочках вышел из её комнаты, не заметив удивления на лице Мартина, который отворяет перед ним двери и не может понять, что означает этот палец на Моцартовых устах.

Быстро сбежал по лестнице во двор, а тут уж нетерпеливо бьют подковами запряжённые в великолепную карету белые лошади, горящие факелы освещают её, карета готова выехать на улицу.

На ходу Моцарт взглянул на привратника: боже, да ведь это тот скрипач, что только что сидел возле капельника Клацкеля, у него такой сладкий выразительный звук. Улыбнулся ему по-приятельски и уселся рядом с графом Каналом, тут же был закутан в овечьи шубы. Привратник придержал двери, осмотрел целиком карету и крикнул: «Готово!» Кучер зачмокал, натянул вожжи, и карета отъехала от дворца «У железных дверей».

Колокольчики позванивают на ледяных вечерних улицах, Моцарт в лёгкой беседе с графом наслаждается поездкой по волшебной старой Праге, её узкими улочками, освещаемыми дрожащим светом фонарей, факелов и керосиновых ламп, установленных на вековых домах.

Лошади с фырканием летят вверх по Оструговой улице и очень быстро подъезжают к освещённому подъезду могучего углового дома, что круто возвышается на улице, как кремль на одиноком острове. Из огромного котла полыхает

огонь, освещая подъезжающие кареты. Проворные слуги открывают двери, распаковывают шубы, из которых выходят граф Канал с Моцартом.

Пошли вверх по лестнице к салону. Моцарт остолбенел. Навстречу к нему идёт его Фигаро, пританцовывая под кадрили. Граф Канал представил Моцарта хозяину дома, барону Бретфельду, семидесятилетнему красавцу, на вид которому не более пятидесяти:

«Вот привёл вам автора Фигаро, который покори́л всю Прагу».

Барон Бретфельд отступил на пару шагов, затем с размаху схватив руки Моцарта, воскликнул:

«Огромная честь для меня, маэстро, почувствуйте себя как дома».

Между тем музыканты заиграли мелодии из «Фигаро», переложенные в модные танцы. У Моцарта голова идёт кругом. Его представляют всевозможным гостям, он украдкой поглядывает на красавиц, танцующих вокруг.

Он околдован их плавными движениями, не знает, куда смотреть: на проворные красивые ноги, на прелестные руки, на груди, утопающие в прозрачной пене кружев, вовсе не скрывающих то, что могло быть образцом для Венеры.

А эти страстные глаза, многообещающие взгляды, роскошные шеи, столько здоровой красоты в плавных движениях – и всем этим управляет его Фигаро. Барон Бретфельд наслаждается радостью Моцарта, который так очевидно выра-

жает её, что заразил всех вокруг.

«Кто это, скажите, пожалуйста, переделал моего Фигаро в такие красивые танцы?» – допытывается изумлённый Моцарт.

Барон Бретфельд поймал за руку высокого статного мужчину:

«Вот это он, руководитель хора Ян Кухарж. Ваш большой почитатель, маэстро».

Моцарт с восторгом пожал Кухаржу руку. Тот скромно качает головой:

«Какие пустяки, для меня это было большое удовольствие».

«А вот это» – продолжал барон Бретфельд – «капельник Ностицова театра Йозеф Стробах, который готов играть вашего „Фигаро“ с радостью с утра до ночи».

Моцарт с признательностью смотрит в глаза тихого Стробаха и благодарит его тёплым рукопожатием.

Барон повёл гостей в трапезную ужинать, куда тоже долетали звуки музыки. Моцарт несколько раз ущипнул себя, не снится ли ему, может ли быть всё это реальностью. Чувствует боль от щипка – да, всё правда. Фигаро, действительно, победил. Вот бы Вена посмотрела, а тем более, Сальери!

Беседа за ужином продолжалась, Кухарж со Стробахом рассказывали, как репетировали «Фигаро»:

«Мы ведь тогда ещё совсем не переварили его. Такого не бывало, чтобы на первой репетиции музыканты играли

с таким энтузиазмом, от цифры к цифре, чем дальше, тем всё лучше, а когда закончили, хотелось начать играть сначала. Как только положили партии на пультах, всё пошло само, понеслось как по маслу. Певцам помогали оркестранты, подыгрывали их партии, певцы частенько взаимно выручали друг друга, то пели, то насвистывали мелодии, короче, „Фигаро“ нас всех просто очаровал».

Моцарт даже покраснел. В горле комок, на глаза наворачиваются счастливые слёзы. В таком смущении он никогда ещё не был. Столько похвал сразу, неожиданно, после разочарования в Вене. Кухарж объяснялся в своей любви к Моцартовой музыке:

«Она не дает мне заснуть, я уже начал делать переложение „Фигаро“ для клавира».

Моцарт с удивлением прошептал:

«Вы делаете клавирное переложение „Фигаро“?»

«Ну да. Не знаю большей радости, чем эта работа. Прикоснуться к вашей партитуре – это как смотреть в родник, в нём всё отражается: небо, цветы, деревья, вокруг всё поёт, шумит, шелестит, и так быстро и прекрасно течёт работа, времени не замечаешь. У меня половина уж готова. Если вам интересно, маэстро...»

Моцарт не дал договорить Кухаржу:

«С удовольствием, очень меня интересует ваша работа, как только буду иметь свободную минуту, заеду к вам, мы договоримся потом».

Моцарт, смущённый этими всё прибывающими похвалами не знал, как ему продолжать разговор, и постарался поскорее сменить тему:

«Сколько театров у вас в Праге, и вообще, насколько велика Прага?»

Барон Бретфельд вежливо взял слово, как хозяин дома:

«Королевский город Прага насчитывает около восьмидесяти тысяч жителей. Есть три театра. Старейший находится в Котчих, второй во дворце у Туна на Малой стране, вам хозяин его ещё покажет, третий, самый большой и современный, у Ностица, в нём именно и царствует Ваш „Фигаро“, маэстро. Это большой красивый театр. Туда свободно входит две тысячи человек, и там потрясающая акустика».

«А что старейший театр, тот, что в Котчих, он большой?» – поинтересовался Моцарт.

«Он меньше Ностицова. Почти такой же, как Тунов, и входит туда добрая тысяча посетителей».

«Театр в Котчих имеет прекрасные традиции. Ставят всё быстро, можно сказать на скорую руку, в минувшие годы там поставили много весёлых спектаклей, которые приучили народ ходить в театр, чтобы послушать кое-что полезное», продолжал Кухарж:

«Там прошла пражская премьера оперы Глюка „Энцио“, имела большой успех. Глюк у нас хорошо принят. Ведь ещё есть свидетели, кто играли с ним в храмах во время служеб-

ных месс, а также музицировали с ним на улицах. Чем обычно кормятся слабые музыканты – либо играют на скрипочках хвалу Господу в церкви, либо там же поют. А Глюк выделялся среди них превосходной игрой и как прекрасный певец, чем и покорял всех».

Моцарт слушал с большим вниманием. В этих небольших рассказах перед ним раскрывалась великая история Европейской музыки. Глюка, который покорил Париж и Лондон, а теперь имеет сильнейшее влияние в Вене, здесь, в Праге помнят как церковного певца и уличного музыканта, покоряющего сердца за пару грошиков. Ничего не забыли и явно с любовью о нём вспоминают.

Моцарт:

«А сам Глюк заезжал сюда к вам?»

«Неоднократно», – отвечает Кухарж, – «очень любил, всегда говорил, что приезжает, как домой, здесь его корни, его предки».

«А что ещё здесь игралось, кроме Глюковых опер?»

Капельник Стробах:

«Ничего особенного не выберу из нашего репертуара. Что играют везде, то играем и мы. Траэтта, Чимароза, Анфоцци, Газзанига, Гульельми. Всё в руках итальянцев, как и везде по Европе. Но вот, наконец, пришло время, когда тому течению модной музыки кое-кто противопоставил новое направление и дал ему дорогу. Такой, наконец, нашёлся, и это ваш Фигаро, маэстро».

Моцарт смотрит с удивлением:

«Фигаро»? Вы считаете его проявлением нового в музыке?»

Кухарж со Стробахом заговорили вместе, перебивая друг друга:

«А как же? Он принёс столько новых красивых музыкальных мыслей, да таких ярких, что сокрушил весь оркестр, а с ними и певцов, а затем и всю публику. Да что я вам говорю. Сами слышите, за те пару часов, что вы в Праге, как этого „Фигаро“ здесь полюбили».

Моцарт с благодарностью воодушевлённо закивал головой:

«Я так всему этому рад, что не нахожу слов. Сердце моё переполнено. Особенно от понимания того, что музыка моя затронула сердца публики, что они поют её вместе со мной, тут и возникает настоящее братское понимание среди музыкантов».

Граф Канал поднял бокал:

«Надеюсь, маэстро, вы напишете ещё много такой же радостной и весёлой музыки, как ваш „Фигаро“. За ваше здоровье! *Vivat „Фигаро“, vivat Моцарт!*»

Зазвенели бокалы. Граф Канал повернул голову к открытым дверям, откуда лились звуки музыки на мотивы из «Фигаро».

«Слышите? Перед ним невозможно устоять, каждому поднимает настроение своим неодолимым юмором. Именно

так, как захватил сердце пани Жозефы Душковой и Франтишека Душека, которые услышали его в Вене, по пути в Зальцбург.

Вернувшись, они рассказывали о вашем «Фигаро», а пани Душкова даже запомнила несколько мелодий и спела за клавиром без слов с таким вдохновением, что мы все захотели узнать «Фигаро» в его настоящем полном виде. Особенно потому, что до нас дошёл слух о том, какие интриги плетутся вокруг него в Вене, что он в них уж завяз и перестал исполняться».

– 3 —

Барон Бретфельд встал и предложил своему милому гостю пройти в танцевальный зал. Пока проходили через игровой салон, там как раз достигла высшего напряжения карточная игра, последние козыри возбуждённый побагровевший игрок бросал яростно на стол с победным возгласом: «Выигрываю партию, как Фигаро!», и тут же запел «Non più andrai...», при этом пальцами выстукивал по столу так сильно, что монеты, лежащие на нём, прыгали и звенели.

У Моцарта от всего этого голова пошла кругом. Нет, это уж слишком, когда отовсюду вылезает его Фигаро. Проходят дальше – навстречу им идёт некто высокий, толстопузый, полный достойного душевного расположения, сладким голосом выпевает:

«Да это маэстро Моцарт! Я – Доменико Гвардасони, импресарио и главный режиссёр Ностицова театра, и я имею

честь склониться перед вами и благодарить за вашего „Фигаро“, который идёт у нас нарасхват»

После Гвардасони объявилась красавица-итальянка, которую директор представил прелестным театральным жестом:

«Примадонна Мицелёва, наироскошнейший паж Керубино и обожающая вас поклонница, маэстро».

Глаза Моцарта встретились с горящим взглядом известной певицы Мицелёвой. Целует её руку:

«Счастлив познакомиться с вами. О вас говорят много лестного, как в Вене, так и здесь. Надеюсь скоро вас услышать».

Говорит Гвардасони:

«В воскресенье будем играть в вашу честь Фигаро, для вас заказана ложа. Надеюсь, вы придёте непременно».

Гвардасони говорил с большой важностью, при этом извлёк из пурпурного сюртука золотую табакерку, королевским жестом открыл её и внушительно понюхал.

Моцарт поклонился:

«Буду с нетерпением ждать воскресенья, мечтаю увидеть вашего Фигаро, господина, особенно, если в нём поёт такой очаровательный Керубино».

Мицелёва приняла поклон, обольстительно потупив взгляд, а её веер сильно затрепетал вокруг раскрасневшегося лица. Тут стали подходить другие гости, высший свет Праги, чешское дворянство, учёные, пражские музыкальные деятели, регенты, а также всевозможные красавицы, были среди

них как свежие бутоны, так и вполне распустившиеся розы. Все с любезными улыбками и в танцевальном кружении.

Вот Ностицовы наимилейшие друзья и единомышленники Йозеф Добровский с Мартином Пельцлем, вот Выдра, здесь и задиристый Еник из Братржиц, сыплет остротами, Рафаэль Унгар, профессор Корнова, профессор Мейсснер, что ни имя – то личность, и в те минуты, когда их представляли Моцарту, каждый умилялся и сиял.

Это не было формальным рукопожатием, а была то сама искренность и признательность, благодарность за красивую музыку. Каждый восхищался, и это не были просто фразы. Моцарт чувствовал это и только прижимал руку к сердцу, не находил слов, улыбался, благодарил, благодарил за благодарности в самых изысканных выражениях.

Добровский в синем сюртуке, его прозвали «синим аббатом», пытливо посмотрел на Моцарта:

«Не родом ли вы из Чехии, маэстро, ваши мелодии так близки нашим сердцам, будто вы принадлежите нашему народу, у которого нет короля, но он поёт!»

Моцарт поклонился «синему аббату»:

«Спасибо за ваше внимание. Я родился в Зальцбурге, но могу сказать, что с Чехами я познакомился ещё в детстве, в архиепископской капелле, и сразу стал их понимать и любить, особенно за то, что играли они так красиво, как только можно себе представить».

Тут входит в салон новый гость, маленький, сухонький,

но весьма живой, с чёрными сверкающими глазами, от которых ничего не ускользало, когда с некоторым озорством он оглядывал красавиц, танцующих вокруг.

Моцарт воскликнул:

«Сеньор аббат Да Понте, боже, собственной персоной! Это вы или ваш дух?»

Аббат Да Понте:

«Вы не заблуждаетесь, Моцарт, это я и есть в полном своём телесном воплощении, в чём можете немедленно убедиться, пожав мне руку».

Последовало театральное рукопожатие, и вокруг всё зашептало, зашушукало. Слышались обрывки имён " – царт», " – понте», что означает «нежный» и «мост». Да Понте явно прислушивался к этому льстивому шёпоту, обнаруживая особое уважительное внимание к своей особе, и с актёрским пафосом он произнёс:

«Прага покорила меня сразу, прямо от ворот. Это настоящее королевское величие, достойное поэтического пера, и, надеюсь, оно мне ещё пригодится, как и вам, Моцарт, недаром всюду я слышу о вашем «Фигаро».

Моцарт:

«Как это о моём „Фигаро“? Он создан в первую очередь вами, аббат, ваша заслуга главная, это, собственно, ваш „Фигаро“, а я лишь написал к нему музыку. А уж это мы с вами вместе что-то зачеркнули, кое-что вычеркнули и переделали. Не будь ваших слов, не было бы и музыки. И должен

признаться, ваши слова так напевны, что я лишь читал либретто, а они сразу ложились в партитуру».

Польщённый Да Понте приложил руку к сердцу и опустил глаза:

«Напротив, Моцарт, когда я послушал вашего „Фигаро“, сказал себе: „Чем бы был мой „Фигаро“ без вашей музыки?“ Но Вена хоть и приняла его сначала от всей души с аплодисментами, да не поняла его так, как Прага, как я увидел сегодня. Скажите, пожалуйста, у какого композитора получилось так сразу, что мелодии из его оперы поют и насвистывают люди во всём городе, как вот здесь?»

Гвардасони почувствовал, что пришёл его час. Какому ещё театральному руководителю так могло повезти, чтобы заполучить одновременно двух таких знаменитых личностей, какими были Моцарт и Да Понте! Этот момент нельзя выпускать из рук. И вот, королевским жестом он в очередной раз вынимает из багрового сюртука золотую табакерку, усыпанную алмазами, и с глубоким поклоном протягивает её Да Понте и Моцарту:

«Когда же вы нас снова осчастливите какой-либо новой оперой *a la Figaro*, глубокоуважаемые господа?»

Так как Да Понте забивал свой орлиный нос благовонным табаком, ответил Моцарт:

«За мной дело не станет, слово прежде всего за Да Понте». Да Понте элегантно чихнул, и как только морщинки на его пергаментных щеках разгладились, он с загадочным выраже-

нием лица сказал:

«Есть у меня в голове несколько мотивов, но ещё не знаю, над которым из них стану работать. Не в моих правилах говорить о деле прежде, чем начну его. А из тех трёх сюжетов я не начал пока ни одного и поэтому, ни с кем ещё о них не разговаривал...»

После значительной паузы, бросив взгляд через голову Моцарта на водоворот танцующих в смежной комнате, Да Понте продолжил:

«Особенно меня занимает один герой, называть которого пока не стану, но могу про него выдать сейчас только то, что он настоящий губитель женских сердец, ни одна не устояла перед ним, а сам он в конце будет сражён адским пламенем. Это будет демонический персонаж, потому и погибнет он от руки дьявола».

Моцарт заволновался:

«Этот сюжет, аббат, мог бы меня заинтересовать», – Да Понте почувствовал, что золотая рыбка заглотнула наживку, но ещё не время её дёргать. С безразличным видом он продолжал:

«Как я уже сказал, это ещё не созрело, у меня сейчас много работы с кое-каким либретто, дойдёт время и до той демонической темы, а там увидим».

Гвардасони напрягся. Не мог он допустить, чтобы при его директорской репутации и театральной славе о нём заговорили потом, что он так халатно упустил из рук двух сказоч-

ных знаменитостей, Моцарта и Да Понте. Гвардасони со сладостными словами закружил вокруг аббата:

«Я надеюсь, что как только яблоко того демона созреет, вы вспомните о нас, аббат?»

— 4 —

Тут между ними оказался высокий красивый юноша, типичный итальянец, и немедленно всё общество заинтересовалось им, его элегантная походка и сверкающие глаза поглотили всеобщее внимание. Гвардасони поднял голос октавой выше и исполнил цветистую баритоновую каденцию:

«Аах, это наш дорогой Луиджи Басси, наш славный граф Альмавива. Иди сюда, милый, я представлю тебя знаменитым господам, которых ты сам поблагодаришь за свой успех. Если бы не они, не было бы твоего успеха, не было бы твоего Альмавивы, и не имел бы ты столько поклонниц со всей Праги, это всё только благодаря Моцартовой музыке и да-понтовой поэзии».

Луиджи Басси сложил обе руки на груди и поклонился как Цезарь перед сенатом. Он был всё-таки первым певцом, пленил своим голосом всю Прагу как Альмавива, более чем Фигаро, и ему не хотелось бы чувствовать себя затенённым этими двумя знаменитыми господами. Всё это так и светило в глазах высокомерного красавца, который всё же звёздность свою поменял на покорный тон:

«Прекраснейший момент моей жизни, я счастлив, что могу пожать руки двум гениям, имена которых горят во всём

музыкальном мире, как звёзды первой величины».

Маэстро Басси низко поклонился и пожал дружески протянутую Моцартом руку, затем повернулся к Да Понте, смотрящего на певца горделивым взглядом, – они были всё же земляками, итальянцы, оба известные в театральном свете, – и сказал:

«Слава о вашей поэзии уходит к звёздным высотам, сеньор аббат, я счастлив, что пожимаю руку того, кто каждое слово отшлифовывает как бриллиант, а вы, маэстро Моцарт, освещаете мир своей музыкой, как солнечными лучами, потому что вкладываете в неё свою душу».

Луиджи Басси, вполне довольный собой, оглядел всё общество, как бы ожидая аплодисментов, к чему привык на сцене, и был несколько разочарован: такая прекрасная ария не произвела должного впечатления. А Гвардасони дипломатически быстро начал снова плести шёлковые нити деликатного разговора, который был только что прерван:

«Такие певцы, как Луиджи Басси, Катерина Бондинёва, Катерина Мицелёва, Тереза Сапоритиова, Понциани – посланы Вам самим небом, в чём надеемся убедить вас послезавтра, когда с вашего позволения будем играть в вашу честь с ансамблем наших виртуозных певцов „Свадьбу Фигаро“ в Ностицовом театре. Почту за честь приветствовать вас обоих, аббат».

Столько раз уже предлагал Гвардасони свою пресловутую золотую табакерку, чем, конечно, замечательно украсит

шал прозрачные разговоры, что Моцарту пришлось взять понюшку, чтобы не портить непрерывного потока куртуазной, театрально-ведённой беседы, сопровождаемой весёлой танцевальной музыкой и прерываемой изредка выкриками соседей-игроков и взрывами смеха кокетливых красоток. Гвардасони продолжал:

«Сеньор Да Понте, вы сегодня занимаете самое ведущее положение в европейской опере в качестве либреттиста. Метастазियो уже устарел, Кальцабиджи слишком скучный. Вы своим „Фигаро“ всех обошли, держите первенство. Вы сумели выхватить из современной жизни персонажи, которые сразу покорили сердца публики, и я предчувствую, что мы можем ожидать от вас много удивительного».

Но тут Гвардасони внезапно бросился с распростёртыми объятиями навстречу к сладко-улыбающемуся господину в синем парчовом камзоле:

«Наконец-то! Мой дорогой, здесь маэстро Вольфганг Амадей Моцарт, а это наш директор Паскуале Бондини, душа итальянской оперы в Праге».

Бондини с истинной сердечностью потряс руки Моцарта и уверил его, что эта минута принадлежит к лучшим мгновениям его жизни. Затем к избранному обществу присоединился Феличе Понциани, бас, прославившийся на всю Прагу как Фигаро, и опять – приветствия, пожатия рук, взаимные поклоны, всё в танцевальном ритме. Вот директор Бондини вынимает из кармана с таинственным видом розовый

листок, будто некий талисман, помахал им вокруг и сказал:
«Ещё одно доказательство того, как ваш „Фигаро“ покори-
рил сердца публики. Сотни вот этих листков вместе с до-
ждём из роз слетели с балкона к ногам моей супруги вместе
с аплодисментами за её Сюзанку».

Моцарт с интересом взял листок из рук Бондини и стал
читать его вслух:

Моцарт склонился к рукописному листку, зачитанному
и изрядно затёртому, читал внимательно, будучи близору-
ким, а когда закончил чтение, поднял высоко голову и ска-
зал:

«Браво, говорю я публике, которая, безусловно, права, ко-
гда воспеваает стихами знаменитую певицу».

Директор Бондини порозовел от похвалы, тем более что
в этот момент как раз подошла его жена Катерина Бонди-
нёва с госпожой Мицелёвой. История с представлениями
и благодарностями снова повторилась, бесчисленные покло-
ны, учтивые и чистосердечные улыбки, просвещённые раз-
говоры про поднятого до небес «Фигаро», растанцованного
во дворце Бретфельда и завладевшего в этот вечер совер-
шенно и этим домом и этим обществом. Катерина Бондинёва
вознаградила Моцартов поклон утончённо-скромной улыб-
кой:

«Что я такое, скромная Сюзанка, против музыкального
гения, которого вдохновляют музы так, что пражские поэты
готовы писать оды, вроде той, что вы, маэстро, читали – мы

посылали её вам в Вену».

Моцарт:

«О, у меня нет слов, чтобы выразить свою признательность».

— 5 —

Бондини прошептал что-то на ухо Гвардасони, и тот с важностью папского легата произнёс:

«Маэстро, имеете ли вы определённую программу вашего пребывания в Праге?»

Моцарт завертел головой:

«Никакой. Я прибыл, прежде всего, послушать «Фигаро» и познакомиться в целом с музыкальной жизнью Праги. Так что я полностью к вашим услугам, и надеюсь, что мы вместе помузицируем, это само собой разумеется. Для меня будет большой честью пообщаться с такими прославленными мастерами.

Я надеюсь узнать новые музыкальные шедевры Праги, о них столько наслышан, сюда мечтают приехать многие великие мастера. Слышал, здесь такая строгая критика, кто через неё прошёл, тот, можно считать, выдержал экзамен под огнём».

Гвардасони к концу Моцартовой речи откашлялся и тихонько проверил свой бархатный голос звуками «пим-пим-йю», затем заговорил, как запел:

«Маэстро! Имею честь пригласить вас в театр графа Ностица на Каролинской площади, где мы будем играть „Фи-

гаро“ в вашу честь. Эта честь относится, разумеется, и к вашему соратнику аббату Да Понте, которого мы будем рады принимать вместе с вами в нашем театре. Мы сделаем всё, чтобы такие дорогие гости были довольны».

Гвардасони закончил, а Бондини продолжал:

«Пожалуйста, маэстро, не забудьте в вашем расписании про нас. Может быть, мы могли бы в нашем театре изменить порядок музыкальных вечеров, так, чтобы в репертуаре были ваши новые произведения, и может быть, мы могли бы надеяться, что вы милостиво согласитесь для нашей публики, которая вас так любит, в чём вы сами убедились за сегодняшний день, сыграть концерт на клавире».

Все смотрят на Моцарта. Он побледнел, голос его дрожит:

«Я не могу дождаться этого девятнадцатого января. Буду очень рад представить вам свои произведения. Я привёз новую симфонию, которую написал в честь Праги. Это будет премьера, и если позволите, господа,» – Моцарт посмотрел на капельников Стробаха и Кухаржа, – «я сам бы хотел эту симфонию продирижировать. Конечно, я сыграю также и на клавире».

Все присутствующие заговорили воодушевлённо, как говорится, в один голос:

«Браво, маэстро, это будет необыкновенно, прекрасно», – и немедленно разлетелось по всему дворцу, и через минуту все в доме знали, что Моцарт через несколько дней будет дирижировать свою новую симфонию, а также сыграет для

Пражан на клавире.

Да Понте несколько нахмурился, так как внимание от него совсем ушло к Моцарту, который сейчас был всеобщим любимцем. Чаши с красным и белым вином звенели, напитки шипели и пенились, глаза сверкали в честь автора «Фигаро».

Было далеко за полночь, когда Моцарт распрощался с бароном Бретфельдом и со всеми прочими гостями. Имена их в большинстве он забыл, но их лица сохранил в душе под общим именем «Пражане». Сели в сани, рядом граф Пахта, напротив Канал и Кухарж. Кучер зацокал, и кони проворно выскочили из тёмного проезда, слабо освещённого тлеющим пламенем большого чугунного фонаря.

Вылетели на Остругову улицу, где не было ни души. Дома спали в белом одеянии. Даже весёлый звон колокольчика их не пробудил. Моцарт наслаждался этой сказочной красотой и чувствовал себя как в детстве, когда он, въезжая в чужестранный город, был полон ожидания и очарования его красотой. Граф Пахта дотронулся до Моцартова колена:

«Маэстро, не хотели бы вы также посетить и мой дом, я бы мог познакомить вас с моей капеллой. Вы сегодня видели, как Пражане любят танцевать под вашу музыку. Можете себе представить, как бы им танцевалось, если бы вы для моей капеллы написали новые танцы?»

Моцарт оживился и радостно воскликнул:

«Непременно напишу, и быстро! Посмотрю на вашу капеллу, обдумаю кое-что и сразу для вас это сделаю, пан граф,

считайте, что уже всё готово».

Последний поворот на Тунову улицу, и кучер остановил разгорячённых коней. Вот и дворец Туна «У железных дверей». Здесь Моцарт попрощался с друзьями.

Старший привратник проводил его к парадной лестнице, где уже поджидал слуга, флейтист Мартин. Поднялись наверх. При входе в комнату Моцарта охватило тёплое дыхание пылающего камина, который не давал остыть ужину в серебряной кастрюльке, на столе ожидающему господина.

Заглянул в комнату Констанции, увидел жену, отдыхающую под мягким пологом, ротик приоткрыт, рука под щеёчкой. Её чёрные волосы разметались по белоснежной подушке, как грива вороного коня, уносящегося вдаль. Моцарт отпустил Мартина и остался один.

Усталость охватила его так сильно, что он двигался, как во сне. Но сдался не сразу, стал продвигаться с небес на землю, сделав несколько поклонов, затем покружил менуэтовым шагом, а уж потом свалился в перины, как сонный младенец, и тут же блаженно уснул. Всё прошло сегодня под знаменем пражского «Фигаро».

Тихо стало в комнате, только огонёк в камине ещё немного пошевелился и тоже угас.

«Бондинин глас
Утешит нас
И в тягостной печали,
И в горе, и в отчаянии.
Пробудит нас,
Погубит нас
Красой и ласковым звучанием».

ГЛАВА 4. КЛАВИРНЫЙ ДЕНЬ В ДОМЕ «У ЖЕЛЕЗНЫХ ДВЕРЕЙ»

— 1 —

Моцарт проснулся. Не знает, где он, который час, только чувствует ещё сладкую сонливость. Через шторы на окнах виднеется заснеженный город. Боже, да я ведь в Праге! Вскочил, как парнишка, бросился к окну и ахнул от этой белой красоты. Яркий солнечный день, сотня башен поднимается к серо-голубому небу, величественная тишина.

Скрипнула дверь. Моцарт обернулся, увидел флейтиста Мартина, несущего на подносе завтрак. Бросился к дверям комнаты Констанции, но Мартин остановил его:

«Милостивая пани просила передать вам привет, она давно уже ушла с паном Хофером посмотреть город. Обещала вернуться к обеду».

Моцарт сел завтракать с аппетитом. Его внимание привлекла газета, лежавшая на другом серебряном подносе. Красным цветом обведена заметка «PRAGER OBERPOSTAMTZEITUNG»:

«Вчера, 11 января, сюда приехал наш великий и любимый музыкант пан Моцарт из Вены. Без сомнения, пан Бондини воспользуется случаем и проведёт в честь этого славного господина «Свадьбу Фигаро», любимое нами произведение

этого музыкального гения, а наш замечательный оркестр сумеет продемонстрировать своё мастерство.

Разумеется, жители Праги, имеющие вкус к искусству, все придут в театр, несмотря на то, что это произведение слышали не раз. Хотелось бы также получить удовольствие от игры самого пана Моцарта».

Моцарт радостно посмотрел на Мартина, а тот пояснил: «Это послала вам милостивая пани графиня».

Моцарт был восхищён такой оперативностью журналистов: вчера приехал, а сегодня уже в газетах чёрным по белому. А пожелание услышать его игру идёт, безусловно, от всего сердца.

Моцарт рассеянно заканчивал завтрак, он стал обдумывать, как дать почувствовать пражанам свою к ним симпатию, особенно после того прекрасного приёма, что оказали ему в первый же день.

Мартин растворил настежь двери, ведущие из спальни в салон. Моцарт, увидев клавир, вскочил, не допив кофе. В один прыжок был уже возле него и сразу погрузился в клавиши с такой страстью, как если бы мальчишка бросился в воду и стал бороться с волнами, плыть против течения. Клавир распевал, а Мартин сиял от удовольствия. Весь салон с его картинами и фарфоровыми статуэтками будто ожил. Всё вокруг засветилось и заулыбалось.

Тонкие пальцы Моцарта летали над клавишами, а из клавира понеслись чарующие мелодии – истинная музыкальная

радость. Моцарт заметил огонь в глазах лакея, и ему этого было достаточно, чтобы играть с вдохновением, подходящим для большого концертного зала. Когда он закончил, повернулся к Мартину и по-дружески сказал:

«Сегодня я играл только для вас, это за то, что вы вчера после обеда меня так мило удивляли».

Мартин с уважением поклонился. В комнате еще не отзвучали радостные звуки клавира, когда чисто и ясно долетел сюда с высоты глубокий звук часов. Моцарт вздрогнул и воскликнул:

«Да это чистое до!» – и быстро начал играть в тональности До мажор с каждым ударом новые гармонии. Они переливались серебром и золотом вместе со звонами и звоночками часов, а Моцарт при этом еще и считал удары: «один, два, три, четыре, пять, шесть...» После десятого его лицо стало выражать удивление, а глаза пришли в ужас: «...одиннадцать, двенадцать!»

Обе руки Моцарта перебрали уже все звоны и звоночки сказочного клавира, который вёл такую доверительную полуденную беседу с часами святого Витта, а сверху к нему летели великолепные, захватывающие сердце, глубокие тоны обеденных колоколов с катедралей, им отвечали остальные башни белого города, до сих пор молчавшего, таинственного, словно немого.

Моцарт притих, он был растроган. Подошёл к окну, отворил его. Свежий морозный воздух ворвался внутрь, на-

полнил салон новыми звуками. Холодно, закрыл, после чего прошептал восхищённо:

«Музыка века!»

И смотрел, и смотрел на эту бесконечную красоту, проникающую в сердце столетними колоколами, говорящую от имени минувших поколений, которые этот город с любовью строили. Когда звоны прекратились, Моцарт спросил у Мартина:

«Как называется тот костел, напротив, с огромным зелёным куполом?»

И Мартин стал показывать и объяснять:

«Вот это Святой Микулаш, а там прямо напротив нас Святой Томаш, за ним Святой Кайетан. А там, видите, Каменный мост, по которому вы сюда приехали, за ним две башни и еще башня Старомнестской ратуши, а недалеко и театр, где играют вашего «Фигаро».

— 2 —

Растворились двери, слышны весёлые голоса. Это вошли Констанция и Хофер. В руках полно сумок, и сразу к Моцарту:

«Вижу, вижу! Что бы вам так не жить, господин мой. Как чудесно – спать до полудня и ни о чём не заботиться».

Моцарт надулся:

«Пани Шабла Пумфа так об этом говорит, будто сама так никогда не делала, хотя мой жизненный опыт говорит другое. В Вене, например, она могла проспять и полдня, и целый

день, что может подтвердить присутствующий здесь глубокоуважаемый господин Розка Пумпа».

Хофер подтвердил, так весёлое трио и вышло к обеду, время которого как раз подошло.

И после обеда снова концерт, а после концерта – сладкое безделье. Моцарт не знал, что с ним делать. Давно с ним такого не бывало. В Вене он был занят с утра до ночи, с одной работы на другую, почти без отдыха. Ученики, ученицы, и при том один жил здесь, а тот десятью километрами дальше, и так бегал постоянно, как гончий пёс.

Констанция напомнила Моцарту, что перед отъездом он обещал написать из Праги четыре письма. Сейчас как раз подходящая минута, пусть он займётся этим делом. Моцарту не хочется, но ведь он дал слово... Начал писать, прежде всего, Констанциевой матери, своей тёще пани Вебер. Дописать письмо терпения не хватило. Отложил перо и заявил:

«Я написал половину, с меня хватит, остальное допишете вы, а я вам за это что-нибудь поиграю».

И тут же оказался за клавиром, от которого полетели новые мелодии, и это была его настоящая жизнь, прирождённого петь и петь. Констанция с Хофером дописали, письмо было положено на клавир с категоричным заявлением:

«Пунктититити, неси немедленно на почту, не то лишишься головы, а это будет очень некстати, так как от неё ещё можно ожидать много хорошего».

Таким образом, это дело досталось Моцарту. Детские

шутки, в которых он был то маэстро, то изобретательным учителем, теперь сделали своё дело. Пришлось перестать музицировать, взял письмо, прижал его к своему сердцу и театрально-патетически произнёс:

«Ваша царская милость, сию минуту отнесу письмо, куда следует и, Бог даст, немедленно вернусь».

Низко поклонился, элегантно кружащейся походкой вышел с запечатанным письмом из дверей и по лестнице засеменил вниз к привратнику. Навстречу ему послышались звуки ученической скрипки. Улыбнулся, вспомнил слово «пилить». Играет довольно чисто, кто-то отбивает такт.

Моцарт вошёл в комнату и увидел привратника с половником в руке, стучащего по пульту. Возле него стоял прелестный мальчуган со скрипочкой у подбородка и «пилит» гамму До мажор, стараясь совпасть с половником родителя.

Моцарт притаился и послушал. Вспомнил себя в Зальцбурге, в своём доме, где отец Леопольд учил какого-то парнишку играть на скрипке и точно так же отбивал ему такт. Привратник в пылу работы не сразу заметил вошедшего, но во время паузы обрадовался, увидев Моцарта:

«Какая честь, маэстро», – малыш даже вздрогнул и опустил скрипочку. Моцарт погладил его по голове:

«Нравится учиться?»

Мальчик молчит, отец отвечает за него:

«Нравится, не нравится – должен. Музыка необходима в жизни как дыхание. Какой это был бы Чех, если он не му-

зыконт. С музыкой любая жизнь всегда прекраснее, чем без музыки».

Моцарт:

«Святая правда. Мой отец говорил то же самое. Ты запомни это, малыш. А главная вещь – держи точный ритм».

Отец перебил:

«Ведь всё время твержу, пытаюсь вбить ему в голову, чтобы отбивал себе такт ногой».

Моцарт взял скрипочку из рук малыша, проверил строй, сыграл несколько нот. В эту минуту помещение преобразилось. Жена привратника в блаженстве замерла, мальчишка открыл рот, глаза его засветились. Когда Моцарт подал ему скрипочку – смутился, а отец с половником в руке настойчиво шептал ему в ухо:

«Запомни, это сам господин Моцарт держал в руках твою скрипку. Если не будешь играть каждый день чисто и ритмично, так... не буду любить тебя».

Если бы не половник в его руке, так вполне смотрелся бы он как простой солдат перед неожиданно представшим перед ним генералом. Полон почтения и священного трепета перед обожаемым повелителем.

«Не беспокойтесь, письмо немедленно будет доставлено на почту. Я сам его отнесу, маэстро».

И уже надевает плащ, нахлобучивает на голову шляпу, отдаёт привратницкие поручения своей жене, смущённой, улыбающейся и приседающей. Моцарт обратил внимание

на освещённый в углу кухни вертеп. Подошёл к нему, с умилением разглядывал простенькие фигурки, изображающие рождение Христа. Обернулся к мальчику:

«Знаешь какие-нибудь Рождественские песенки?»

Малыш покраснел ещё сильнее и не мог вымолвить ни слова. Мать ответила за него:

«Знает, с утра до вечера поёт нам Рождественские колядки. Спой господину Моцарту какую-нибудь».

После многочисленных пререканий, подмигиваний, угроз кулаком из-за юбки малыш, наконец, трогательным голоском запел:

«Что случилось в городе Вифлееме...»

Он пел чистенько, и его голосок пробивался через кухонный полумрак, как родник в лесу. Моцарт положил ему в руку монету и ещё раз погладил малыша по головке:

«Играй красиво и слушай себя, и особенно будь внимательным к ритму, отбивай такт ногами, и я так делал».

— 3 —

Моцарт вышел с Констанцией и Хофером из комнаты на террасу. Понемногу начало темнеть. Внизу, в Праге, в окнах уже горели огоньки, и дым стелился по белым крышам, похожий на сказочных мудрых змеев, постепенно укрывая их сумраком. Часы Святого Вита пробили четырежды. Ещё больше часа до вечера. Моцарт нагнулся, в два счёта слепил снежок, швырнул его в спину Констанции и пустился в бегство.

Вечер был великолепный. Разговор о театре перемежался знаменитыми блюдами и вином. Это Моцарт завёл речь о пражских театрах. Хотел больше разузнать о них, прежде чем появиться там самому. Старый граф, чешский Тун, отлично информировал гостя. Сам он был театральным меценатом, в давние времена открыл в своём дворце на Пятикостельной площади театр, через который прошло множество театральных трупп.

Ни один директор не прогорел, потому что граф разбирался в искусстве и на многое закрывал не только один, но частенько и оба глаза, особенно когда вставал вопрос об оплате, и директор вздыхал, что много расходов, жалований, много больничных листов он вынужден давать...

Моцарт был полон жадного внимания, он много слышал о музыкальности Праги и теперь сможет убедиться собственными глазами и ушами, правда ли то, что говорят, что музыка и Прага слились воедино.

Старый граф Тун рассказывал Моцарту о первых операх в Праге. Это была итальянская опера, иначе не могло быть, ведь она завладела всеми европейскими дворами. Тун говорил о замечательном представлении оперы «Constanza e Fortezza», которую давали во время коронации императора Карла VI в качестве чешского короля на пражском Граде. Это было в 1723 году. Тун был ещё мальчишкой, но те сильные впечатления глубоко проникли в его душу. Тогда съехались все сливки европейской музыки. Оркестр более ста

двадцати музыкантов, огромный. Играл в нём сам прославленный Тартини, пели лучшие оперные певцы, разумеется, итальянцы. Об этой оперной коронации говорила потом вся Европа.

Другое представление было в 1732 году. Это уже было в Праге, теперь – Глюк. И Моцарт вспомнил во время рассказа, как ему Глюк однажды в Вене описывал это славное представление. Тун говорит:

«Это был, конечно, импровизированный театр на пражском Граде. У нас тогда ещё не было постоянного здания, предназначенного специально для театра. Самое большое затруднение было с большим залом. Наконец, построили театр, который был назван «Народным», в Котцах.

Там играла немецкая театральная и оперная труппа Вахра, она считалась одной из лучших в Австрийской монархии. И я вместе с чешским дворянством также открыл театр в нижнем дворце на Пятикостёльной площади, и там играла итальянская опера попеременно, то в Котцах, то у нас.

Интерес к театру стал расти, тут граф Ностиц решил построить большое здание для театра на Каролинской площади. Но дело продвигалось нелегко. Он имел большие бои с университетом и близлежащим костёлом.

Ему были выставлены веские причины против, что университет, мол, будет иметь проблемы со студентами, а костёл будет страдать от находящейся рядом театральной атмосферы. Но только Ностиц выиграл. В 1783 году театр был готов.

Приехал император Йозеф. Но если ему понравился Ностицов театр, то совсем не понравилась Вахрова труппа. Намного больше ему пришлось по душе компания Бондини, которая играла в моём театре на Малой стране.

Его величество не скрывал своего разочарования, и он поручил Ностицу пригласить Бондини, после чего граф Ностиц отказал Вахру и заключил контракт с сеньором Бондини. Тот был в это время импресарио немецкого театра в Дrajдьянах, а летом они играли ещё в Липско.

Вот и образовался театральный триумвират: Прага – Липско – Дrajдьяны. Оперу буфф зимой играли в Праге на Старой площади и в моём театре на Малой стране, а летом вся труппа выезжала в Липско и Дrajдьяны.»

Моцарт был весь внимание:

«А что чаще всего играли?»

Граф Тун:

«Само собой разумеется, в основном итальянцев. Но первый большой успех пражской оперы против итальянской, как отмечено в истории, имела ваша опера «Похищение из сераля». Она игралась в моём театре и также в Котцах. Везде и всюду распевались Ваши мелодии, и началась великая охота за вашими сочинениями.

Во многом здесь велика заслуга Душковых. Благодаря им мы познакомились с вашим творчеством, из Праги разошлось по всей стране. Известно, что чешские музыканты большие умельцы переписывать ноты, один передавал дру-

тому – и Моцарт распространился не только по всей Чехии, но и на Моравии».

Смущённый покрасневший Амадей посмотрел на Констанцию, но та была увлечена едой, которая не прекращалась всё это время. Встретившись с мужем взглядом, она слегка моргнула ему, дескать, известность Моцартовой музыки в Чехии приняла к сведению, за что и был поднят тост.

Кофе подали в музыкальном салоне. В углу белел клавишник, сверкая золотыми завитушками. Его орнамент в стиле рококо вполне сочетался с общим блеском салона. Старая дворянка с умилением смотрела на Моцарта, который своей непосредственностью покорял сердце каждого, с кем разговаривал.

«Не могли бы вы рассказать, маэстро, когда вы начали играть на клавише?»

– 4 —

Моцарт вздохнул. Тяжело вкратце рассказать историю, которая, в действительности, представляла собой всю его жизнь.

«Как я начал играть? Могу сказать, что от самого рождения. На самом деле, как только научился ходить – больше всего любил подойти к клавишу, послушать сестру Нанинку, как она учится играть.

Я был потрясён этим чудом. Волшебный шкаф. Молчит, а лишь прикоснёшься к нему пальцами – начинает красиво звучать. Скоро мне уже было мало только видеть и слышать

это чудо.

Очень быстро мне захотелось самому попробовать, но папенька сказал, что мне ещё рано. Тем не менее, меня не остановил запрет, как только мне удалось прокрасться в комнату, где стоял клавир, я подошёл к нему и решил проверить, как он зазвучит, если я нажму на эти зубики. Открыл крышку, до которой с трудом достал: на меня смотрел длинный ряд белых зубов. Осторожно дотронулся пальцем до одной из клавиш.

Боже мой! Я весь задрожал от блаженства. Стал пробовать дальше, при каждом прикосновении волшебный ящичек издавал красивые звуки. Это было похоже на сказку. Но вдруг открылись двери, и появился отец. Он не ругал меня, но сказал, чтобы я быстро шёл играть с детьми в соседнюю комнату.

Я стал учиться тайно у сестры, но тайна скоро раскрылась, так как клавир всё время манил к себе, однажды папенька меня поймал, когда я бренчал на нём менуэт. Тут уж он меня не выгнал, но молчал, и я очень удивился, заметив в его глазах слёзы, чего прежде никогда не бывало».

Старая дворянка была растрогана, её глаза тоже были влажными от слёз. Моцарт продолжал:

«Отец мне рассказывал, что всё, что мы видим, сотворил Бог. И было красиво, всё, что я видел вокруг себя. Первую красоту звука мне всё-таки показал отец, играя на скрипке. Тогда он был для меня первым сразу после Бога.

Вскоре я стал ему всякий раз на добрую ночь петь молитвенные песенки, которые сам сочинил. Меня обязательно должны были ставить на стул, чтобы папенька при пении видел мои глаза и в конце песенки мог поцеловать меня в кончик носа».

Все рассмеялись. Часто ли случается, чтобы важные, разодетые в парики и драгоценности, изнеженные господа могли услышать такой простой рассказ гения о своём детстве из глубины его искреннего сердца. Все были в умилении.

Моцарт, как всегда, в центре внимания, и вопросы сыплются к нему со всех сторон. Каждый хотел что-либо узнать о его взрослении, как получилось, что он превратился в чудо-ребёнка за несколько лет и удивлял людей всей Европы.

Особенно нравилось всем слушать про императоров, королей, великих князей, герцогов, курфюрстов, пап, кардиналов, повторять их слова восхищения необыкновенным ребёнком, человечком, который и в зрелом-то возрасте не выглядел старше четырнадцатилетнего мальчика.

Моцарт сам потешался над этим. Например, вспомнил, как баварский курфюрст высказался о его игре примерно такими словами: «Человеку трудно представить, что в такой маленькой голове помещается столько великого». Моцарт смеялся, когда рассказывал об этом, а с ним и все остальные. Исчезли границы общественных различий, совершенно очевидно, власть здесь захватило Моцартово сердце.

Какой это был вечер! Моцарт говорил о Париже, Лондоне, Риме, обрисовывал знаменитых правителей, других знаменитостей, о которых любила говорить Европа. То, как он это делал – обезоруживало своей искренностью. Моцартова критика бывала часто остра, но всегда справедлива. Все чувствовали это, потому что прекрасно знали «высший свет» и сами нередко его критиковали.

Моцарт был сегодня в ударе, распространялся и о высоте и о низменности Европы в анекдотах, которые всех веселили, но и заставляли задуматься о правде, в них заключённой.

Вдруг Моцарт спохватился:

«Вот я болтун! Всё говорю и говорю, а вы все молчите. Простите меня, пожалуйста. Не могу остановиться, когда начинаю говорить. Также и когда я сажусь за клавир, который сейчас на меня поглядывает».

Пани Вильемина Тунова закивала согласно головой:

«Любой волшебный ящичек на вас поглядывает, потому что пришёл маэстро, который даст ему позвучать, как никто на свете».

«Это будет по-настоящему трудная работа, после такого комплимента мне страшно прикоснуться к инструменту».

Моцарт сбегал в свою комнату за нотами клавирного квартета. Запыхавшись, вернулся в музыкальный салон и сразу к клавиру. С ним вошёл его друг, скрипач Хофер, низко поклонился, прижимая скрипку к сердцу, и покорно проследовал за маэстро, который уже стоял у клавира и да-

вал ему для настройки «ля».

Вторую скрипку играл граф Пахта, партию альты один из Туновых сыновей. Процесс настройки слегка повеселил ожидающее общество, так как Моцарт не успокоился, пока каждая струна не звучала так чисто, как того требовал его безупречный слух.

Наконец, настроились. Моцарт поднял голову, и правая рука его зависла над клавиатурой. Остальные музыканты также приготовились, и как только голова кивнула, руки опустились на клавиши, все участники квартета соединились с первого звука, и салон заполнился музыкой, остановившей все посторонние разговоры.

Четыре части клавирного квартета были исполнены с искренним чувством. Музыканты всё время поглядывали на Моцарта, который как будто слился с клавиром в одно целое. Его лицо прояснилось. Глаза смотрели в ноты, но играл он наизусть, испытывал настоящее блаженство от полного понимания с остальными участниками ансамбля.

Когда дозвучали последние звуки, образовалась минута трогательной тишины. Слушатели будто боялись нарушить красоту своими рукоплесканиями, но когда старый граф Тун зааплодировал, при этом выкрикнув взволнованным голосом «браво», тут же все присоединились к нему. Аплодисменты посылали также и в сторону Констанции, ведь в рождении этой музыки её роль несомненна.

На ней была красная ленточка в белых волосах. Она ку-

пила её в Унгельте во время прогулки с Хофером и сегодня вечером в первый раз надела, чем вызвала у Моцарта некое весёлое воспоминание о приключении с ленточкой в Вене, о нём он и рассказал после исполнения квартета:

«Поведаю вам, как возникло «Ленточково трио», которое я сейчас хочу представить. Как-то Констанция собиралась на прогулку с нашим другом Жакином и хотела надеть новую ленточку, но никак не могла её найти.

Я в это время работал в соседней комнате. Констанция убежала, посмотрела среди нот и пристала ко мне с допросом: «Милый мальчик, где мой бантик?». Я продолжал писать и лишь посмеивался, поглядывая на её поиски.

Неожиданно друг Жакин эту ленту нашёл, но не хотел отдать, держал её высоко над головой, где Констанция не могла достать. Она позвала меня на помощь, и я, конечно, тоже не доставал, потому что, как изволите видеть, не могу похвастать высоким ростом. А друг Жакин в сравнении с нами – настоящий великан. Прыгали мы вокруг него, всё вокруг да около.

Помог нам наш пёс. Он скакнул к Жакину в ноги и яростно залаял. Жакин испугался, руки опустил, чтобы обороняться от собаки, и лента оказалась у меня в руке. Мы победили. Жакин тут же предложил мне создать из этой истории смешную музыкальную сценку. Я сделал её на венском диалекте, ситуацию надлежащим образом сдраматизировал, и «Ленточково трио» было готово. Сейчас мы предлагаем его

вашему вниманию».

Моцарт подбежал к клавиру и начал петь. Вторым голосом пел Хофер, Констанция исполняла свою партию. «Ленточково трио» прозвучало в Туновом дворце, развлекая тех, кто, чем далее, тем всё больше Моцарта любил. Никто не обращал внимания на бой часов, пока граф Тун не поднялся, что означало – пора бы идти спать.

Все стали благодарить за прекрасный вечер, и что надеются на продолжение, и чтобы он оставался здесь подольше, что там, в Вене делать? Прага хочет узнать его как следует, его ждали так долго, и вот он, наконец, с нами, и мы не скоро теперь отпустим его назад.

Моцарт с Констанцией возвращаются в свои комнаты на четвёртом этаже. Впереди идёт Мартин с подсвечником в руках, освещая путь. Моцарт пританцовывает и напевает, Констанция улыбается. Входят. Мартин зажигает свечи. Засветился блаженный огонь в тёплых комнатах от доброго Мартинового лица, когда он поклонился у дверей и приветливо произнёс:

«Доброй ночи, счастливой доброй ночи».

Лишь только закрылась за ним дверь, вслед его тихим шагам донеслись звоны святовитских часов, отбивающих полночь. Моцарт одним прыжком оказался у клавира и снова каждый удар стал тихонько сопровождать серебряными и золотыми созвучиями, как делал это в полдень.

Констанция стоит, опершись о двери, смотрит на Амадея

в полумраке комнаты, слушает, как он красиво завершает этот красивый клавирный день. Двенадцатый удар святовитских часов дозвучал, снежные звоночки утихли. Моцарт обнял Констанцию:

«Я так счастлив, наконец-то меня оценили. Не только несколько избранных, а целый город, целая страна, как ты слышала».

Подвёл Констанцию к окну, отодвинул шторы. Перед ними белая Прага, королевская, она таинственно молчит. Счастливая пара тоже молчала, и только огонь потрескивал в камине и освещал радость и покой улетающих минут.

«Пойдём спать, Констанция».

Он проводил её до кровати, его постель осталась пуста. Часы со Святого Вита отбивали свои шаги над спящим городом, наградившим Моцарта счастливыми минутами, его мечты в этом городе начали сбываться.

ГЛАВА 5. ПОСЕЩЕНИЕ МОЦАРТАМИ КЛЕМЕНТИНА

– 1 —

Давно не было у Моцарта возможности так долго полежать с утра в кровати, как в Праге той радостной зимой 1787 года. Как вечером не хотелось идти спать, так теперь утром не хотелось вставать. Было приятно нежиться под периной, в голове полно музыки, и весёлое потрескивание поленьев в камине, игра солнечных лучей в кружевных занавесках, пылающее отражение огня в венецианских зеркалах – всё это так радовало глаз.

Моцарт любовался, пребывал в сладком отдыхе, наслаждался тишиной, пока из соседней комнаты не раздалось попискивание. Нет, это не была кошечка, это Констанция, едва пробудившись, поворочалась и полу-сонно пробормотала:

«...маде, который час?»

«Если бы я знал, но меня это совершенно не интересует. Ведь у меня сейчас нет вообще часов, и зачем мы об этих часах заговорили? А сколько сейчас должно быть? Зачем тебе знать?»

«Потому что мы собирались сделать визит в одиннадцать».

«Ах, чёрт возьми, ты права, ведь мы обещали быть к одиннадцати у Клементина, у патера Рафаэля Унгара!».

Тут же заскрипела постель, Моцарт выскочил и побежал к Констанции. Отвесил поклон, пожелал доброго утра:

«Шабла Пумфа, я, недостойный раб твой Пункититити, умоляю простить меня, я забыл про обещанный визит, но всё поправимо, мы быстренько соберёмся и ещё успеем».

Схватил звонок, позвонил, затем быстро закутался в халат и начал готовиться к бритью, насвистывая «Non più andrai...». Добрый Мартин был к его услугам, тогда как Магдалена помогала пани Констанции. У них в запасе был ещё целый час, и около одиннадцати парочка уже была возле кучера. Карета помчалась от Тунова дворца «У железных дверей» сверху вниз к Каменному мосту.

Был прекрасный солнечный день, оба в розовых одеждах распевают дуэтом, верхний голос у Констанции, Амадей вторит канонем. И не припомнить им того времени, когда могли они так беззаботно поехать на прогулку, не думая о завтраке: что бы приготовить? Предаваться радости жизни, радости смеха, которым сопровождался здесь каждый их шаг.

Кучер быстро проехал через мост на узкую Йезовитскую улицу, завернул на Марианскую площадь, объезжая высокую иезуитскую крепость, называемую Клементином. Въехали в ворота, и привратник, услышав «Моцарт», немедленно закричал прислужнику, ротозеющему бездельнику, чтобы проводил господ к пану директору Унгару в библиотеку.

Продвигались длинными коридорами, в которых повсюду наблюдалось нагромождение тысяч книг. По дороге встреча-

лись студенты и монахи, все с книгами – это было настоящее книжное королевство. И несмотря на то, что коридоры выкрашены в светлые тона, на вид они были мрачные и понурые, будто чем-то запуганные.

Здесь властвовала тишина, таинственная тишина молчания возлежала на всех книжных пирамидах. Их золотые заголовки тускло просвечивали с обтрёпанных корешков кожи и пергамента, заманивая проходящего: остановись, возьми меня в руки, пожалуйста, я тебя жду.

Прислужник остановился у высоких дубовых дверей и робко постучал, сообщив при этом гостям: «Пожалуйста, здесь пан директор Унгар». Стук был такой тихий, что Моцарт решил повторить его, и тут двери отворились, перед ними предстал высокий, румяный весёлый священник:

«Добро пожаловать, маэстро, жду Вас, полный радости, какая честь для Клементина», – пожимает руку дорогого гостя, целует ручку пани Констанции и ведёт их по узкому проходу дальше к своему рабочему месту, уголку между стеллажами с книгами.

Куда ни посмотришь – всюду книги. Вот только на потолке некий святой да в розанчиках ангельские головки, а остальное всё книги, книги, книги... Круглое румяное лицо за толстыми стёклами очков заметило удивление гостей, и Рафаэль

Унгар начал разъяснять:

«Вы удивлены, видя повсюду столько книг, не так ли? Ну, что ж, действительно, тяжело за пару лет привести в порядок

собрание книг из всех закрытых монастырей Чехии и Моравии.

Начиная с 1782 года и до сих пор, сюда ежедневно приезжают извозчики со всех сторон и привозят полные телеги книг из монастырей доминиканских, францисканских, бенедиктинских, цистерцианских, премонстратских, и я должен с несколькими помощниками всё пересмотреть, рассортировать – знаете, каково это, а? Ужасно жаль, что нас так мало, не хватает сил. Нечего и подумать о каталогизации, рассортировке. Но как мы радуемся, если находим что-то уникальное!

А сколько их было уничтожено! Представьте себе, маэстро, когда извозчики не могли въехать в гору по раздрызганной дороге, они просто брали с телеги старые фолианты, подкладывали под колесо и ехали. Ещё нигде с хорошей книгой не обращались с таким вандализмом, как в наше время, маэстро, это наш позор, но это так и есть.

До нас были иезуиты, которые в этом королевстве уничтожали всё, что не устраивало их фанатичный порядок. Ставили печать кошмарной ногой на каждую неудобную книгу, а подозреваемым в деревнях топтали окованными сапогами по босым ногам, чтобы заставить показать, где спрятаны еретические книги.

Главный иезуит Кониаш кичился тем, что уничтожил семьдесят тысяч «дьявольских» книг. И даже когда сам император Йозеф II вмешался против этого страшного раде-

ния, иезуиты в Клементине сыграли свою комедию.

В 1776 году вышел указ передать коллегию и библиотеку светским учреждениям. И вот они собрались во дворе, в темноте запалили костёр. Вокруг стояли студенты и иезуиты. И началось. Фанатики выбрасывали из окон книги и рукописи прямо в огонь, тем самым, показывая, что они вынуждены подчиниться насилию.

Говорят, они сожгли важнейшие труды по иезуитской истории. Там в действительности были – так говорят – тайные списки, документы всей системы, которые не должны были попасть в руки деятелей просвещения. А с виду этот костёр выглядел как невинный обет. Три монаха ходили вокруг костра и распевали: «Пусть дым многочисленных заслуг Лойоловых идёт к небесам».

Простите, что я позволил себе увлечься длинной историей уничтоженных книг, но когда я увидел ваши удивлённые взгляды, счёл своим долгом поведать о судьбе книг в этом королевстве. А сейчас пойдём дальше, покажу вам сокровища Клементина, их здесь немало».

– 2 —

Патер Рафаэль Унгар, пройдя с гостями через барочную библиотеку, остановился у звёздного глобуса. Моцарт залюбовался изумительными фигурами, олицетворяющими части света. В тишине продолжал звучать неустанный голос Рафаэля Унгара, дававшего разъяснения обо всех экспонатах, на которых останавливались взгляды Моцарта и его жены.

Особый интерес в математическом кабинете вызвали Клейновы географические часы 1730 года, показывающие, где день, где ночь и который час в любой точке земного шара, а также все месяцы и дни в соответствии со знаками зодиака.

Вдруг прозвучал ясный, нежный звон часов, отбивающих половину двенадцатого. Этот звук вызвал у Моцарта восторг, так неожиданно возник он в тишине. Тут же отозвались звонкой игрой часы рядом, милой и приятной, как с другого света. Затем деревянный петушок на верху больших часов закукарекал и стал размахивать крыльями.

Моцарт залюбовался картинками на дверках: розой в белой вазе, аллегорией Музыки – красивая женщина, по бокам от неё две девушки, одна с флейтой, другая держит у коленей гамбу, играет на ней в сладком упоении каждый час. Всем руководит точный ход невидимого механизма. Рафаэль Унгар порозовел от удовольствия:

«Это Траутмансдорфские часы от 1596 года. Сделаны неизвестным мастером. Показывают церковный календарь, время, когда день – когда ночь, солнце – где сейчас светит, луна, конечно, также и зодиакальный круг. Здесь летоисчисление 1596 года.

Это образ «Музыка» с розами. Тот, кто написал её, пребывал в размышлении над смыслом своей жизни и жизни тех, кого рисовал, и тех, кто придёт, чтобы на часы посмотреть – заодно, чтобы увидели: часы не только показывают сиюминутное время, но и отмеряют шаги вечности. А вечность –

это сама Музыка, не так ли, маэстро?»

Рафаэль Унгар, сам собою довольный, вынул пузатую табакерку, предложил Моцарту, дорогой гость вежливо отказался. А хозяин продолжал знакомить теперь с Тихоньскими часами, выполненными также знаменитым мастером Клейном по образцу Пражских курантов.

Показывают часы, даты, дни, недели, месяцы, годы, а также планеты и церковные праздники. В них пять механизмов, пять пружин. А другая сторона часов демонстрирует ночное небо. Здесь можно видеть звёзды, луну, время её появления в разных частях всего света.

«Эти часы были так остроумно сотворены, чтобы могли показывать час от 1700 года до года 3200».

Рафаэль Унгар помолчал немного и добавил:

«Люди говорили про эти часы: что с нами-то тогда будет, ведь не останется и праха, но я думаю, важно, что после нас останется, а не то, что будет с нами».

Моцарт улыбнулся:

«Сколько, вы сказали, у вас всего книг? Почти сто тридцать тысяч, говорите? Мы стоим перед земным шаром, любимся на звёздное небо, на затмения солнца и луны, и над нами есть башня, она коронована также земным шаром, который держит на плечах гигант Атлас.

Сто тысяч книг, но что всё это значит против того, как просто сказал Христос, и сам жил по этому правилу: любите друг друга. Сколько тысяч книг написано, а он оста-

вил свой простенький наказ, сказал и подтвердил своей жизнью и смертью. Любите друг друга. И я говорю: сердце – это главное. Разве имел сердце тот, кто топтал коваными сапогами по босым ногам...? Это ли проявление апостоловой любви?...»

Рафаэль Унгар разволновался. Моцарт затронул самые чувствительные струны его доброй души. Сколько чешских книг спас он от когтей фанатиков, не видя особых заслуг в этой своей деятельности. Он взял в руки монету и поднёс её ближе к глазам Моцарта:

«Посмотрите, маэстро, эта монета из клада, найденного при строительстве Ностицова народного театра», – Унгар положил монету Моцарту на ладонь, тот разглядел на ней фигуру мужчины, выжимающего виноград.

«Кто это?»

«Это святой Вацлав, покровитель чешской земли, а за ним его слуга и друг Подивен. О нём рассказывали, когда однажды он замерзал и стал жаловаться князю Вацлаву, что зябнет, князь велел ему идти по его стопам. Подивен послушался, и вдруг ему стало тепло.

Этот святой Вацлав так сильно любил чешскую землю, что научился пахать, сеять, молотить зерно и выпекать хлеб, всё делал своими руками, и так он познал жизнь простого человека, над которым властвовал. И стал ему скорее братом, чем князем».

«Поэтому стал святым?»

«Поэтому. А также потому, что был убит, но это долгая история. Эта монета, что я вам показываю, она из того клада, который обнаружили, когда строили народный театр. Об этом говорила тогда вся Прага, народ сходил с ума, будто там нашли огромные сокровища.

А была-то всего кружка с монетами. Но для науки – это символ тысячелетней культуры, эта незначительная монета, которую вы разглядываете. Я вас не утомил, маэстро?»

«Что вы, мне очень нравится узнавать историю земли моих музыкальных друзей. Я теперь начинаю понимать, почему с такой любовью они вспоминают о Праге на чужбине, отчего загорались их глаза, лишь речь о ней заходила».

Моцарт положил монету на широкую ладонь улыбавшегося Унгара, тот бережно убрал её на место и пригласил гостей пройти в его кабинет, немного согреться.

«Видите ли, мы не в состоянии протопить так, как хотелось бы», – объяснял он по дороге.

– 3 —

Старый монах принёс из коридора большие поленья и бросил их в камин. Вспыхнувшее пламя осветило фигуру мужчины, склонившегося над большой книгой.

«Как дела, пан доктор?»

Мужчина поднял печальные глаза и поклонился.

«Это пан доктор Карел Игнац Там, маэстро, мой хороший друг и верный сотрудник. Занимается каталогизацией всех чешских книг, и многие из них помог сохранить. А это – гос-

подин Вольфганг Амадей Моцарт, пан доктор, и пани Моцартова».

После взаимных поклонов Карел Игнац Там показывает Моцарту разорванную обложку с изуродованным заглавием книги Коменского. Отковыривает засохшую землю и говорит:

«Бог знает, из какого места привёз эту книгу извозчик. Наверняка подкладывал её под колёса, чтобы легче выехать из какой-нибудь ямы. Ну, ладно, невежество – не грех, но заголовок-то пропал», – Карел Игнац Там размял засохшую глину между пальцами, – «Это кусочек чешской земли, её не погубить ни огнём ни мечом, как в тридцатилетнюю войну уничтожали чешскую культуру. Эта земля бессмертна».

Он понюхал кусочек глины, и лицо его выразило такое удовольствие, словно это была роза.

«Однако, он эту книгу ещё спасёт», – ласково заключил Рафаэль Унгар, подал руку для прощания Карлу Игнацу Таму, тот низко поклонился Моцарту и его жене и смотрел им вслед, пока они покидали библиотеку, а затем снова склонился над книгой Коменского, разглядывая порванные листы.

Рафаэль Унгар пошёл прямо к камину и извлёк из груды книг бутылку. Зазвенело стекло, перед глазами засверкало гранатовым цветом вино, заполнившее стаканы:

«За вас, маэстро, чтобы вы полюбили нашу Прагу».

«Уже люблю, благодаря Фигаро, который сделал мне тут

сумасшедшую рекламу. Куда ни приду – всюду о нём говорят, ваше здоровье!»

Моцарт ещё поднял бокал за те сожжённые книги, за те истоптанные сердца, за тот бессмертный комочек земли, олицетворяющий Прагу. Её старые башни были видны с галереи Клементина, над которым стоит терпеливый Атлас с глобусом на плечах.

«Но нам пора бежать, уже давно за полдень, а мы званы на обед к графу Каналу».

«Это недалеко, я провожу вас. Благодарю за визит, маэстро. Здесь был император Йозеф II, это незабываемое событие, и точно такое же событие Ваш приход, Моцарт. Я не сомневаюсь, ваша музыка будет звучать, как и те наши часы в математическом кабинете, которые будут ходить и в 3200 году.

Ваша музыка, как те часы, не знает утомления, ей не грозит забвение. Это сама будущность, сама жизнь. И само слово «Моцарт» звучит как музыка».

Рафаэль Унгар говорил торжественным взволнованным голосом, как будто проповедовал. Было видно, как важен для него Моцартов визит, и что слова его идут прямо из сердца.

Он проводил гостей до кареты. Шёл впереди, и взглядом всячески намекал студентам, идущим навстречу, чтобы обратили внимание: с ним идёт сам пан маэстро Моцарт. Да, это Вольфганг Амадей Моцарт, обернитесь ему вслед и хорошенько запомните эту минуту, когда перед вами промельк-

нуло это светлое явление в серых коридорах Клементина.

С этой минуты навсегда место это будет связано с именем Моцарта в ряду других прекрасных имён, творивших историю и славу Праги.

Моцарт ещё раз оглянулся, выезжая от Клементина по Марианской площади, помахал Унгару, остановил взгляд на Атланте с земным шаром на плечах...

— 4 —

За мгновение оказались они на Старомнестском рынке, рысью промчались мимо толпы зевак, разглядывающих куранты, проехали по Целетной на Гибернскую площадь и быстро оказались перед воротами Каналова дворца.

Как раз перед ними выходили из экипажа Душковы. Моцарт выскочил и буквально потащил Констанцию за собой прямо к ним, так сильно он обрадовался, увидев милых друзей Душковых и тому, что будет сидеть с ними за одним столом. Ему очень нравилось видеть вокруг себя людей, с которыми он мог разговаривать безо всяких церемоний, от сердца к сердцу.

Граф Канал приветствовал гостей с распростёртыми объятьями. Здесь были и Туновы, Пахтовы, профессор Борн, барон Бретфельд – он, кстати, поинтересовался у Моцарта, как тот выпался после недавнего бала. Да и у всех гостей было такое настроение, будто фигуровы танцы продолжаются.

И снова Моцарт почувствовал любовь к себе пражан и своё ответное чувство. Были здесь на обеде и все пражские

масоны. Моцарт завёл речь о Рафаэле Унгаре, как о настоящем страже богатств Клементина, каков он святой человек, как возвысился над церковным фанатизмом. И все согласились с ним.

В разговорах и музыке незаметно пролетело время. Но вот, наконец, Моцарт оказался наедине с графом Каналом и Душком.

«Что будете делать сегодня вечером, Моцарт?»

«Ещё не знаю, граф.»

«Поедемте со мной в театр, ведь вы ещё там не были. Посмотрите, где играют вашего „Фигаро“, и какова наша оперная труппа».

«Отлично. Поедем, да, Констанция?»

Решено, и вот они уже едут «Старыми аллеями» на Гавиржскую, успевают обменяться лишь несколькими фразами – и белые лошадки остановились перед Ностицовым театром. Откуда ни возьмись, появились директор Бондини и импресарио Гвардасони.

Начался сладкий дуэт Гвардасониего тенора и Бондиниего баса о том, какая честь для нашего театра. Запели, закружили вокруг гостей. Гвардасони весьма значительно огляделся вокруг себя, проверяя, достаточно ли громко он произнёс имя Моцарта, все ли слышали.

«Напоминает миланскую Скалу. Ваш театр точная копия. Архитектор, видно, думал об этом. Да-да, совсем как в Милане. Ложа прекрасная, – а какова акустика? Надеюсь, что

хорошая».

Моцарт склонил голову к оркестру, там начали настраиваться. Он чувствовал себя в родной стихии: настроились хорошо, жаль только, что играть будут посредственную итальянскую оперу, которую незачем и обсуждать.

Импресарио Гвардасони властно оглядел оркестр, всё ли в порядке, благосклонно кивнул капельнику Стробаху, ещё разок оглянулся, мило улыбнулся в сторону стемневшего зала и несколько раз постучал ногой, в знак того, что пора начинать.

Моцарт тихо и внимательно прослушал увертюру и первую сцену. Но как только ознакомился с оркестром и певцами, перестал слушать оперу, далёкую от его вкуса, и начал болтать со своими приятелями в ложе, балагурил, всех развеселил, при этом чувствовалось, что исполняемое произведение его раздражает.

Констанция в перерыве подтвердила это. Она хорошо знала Амадея и объяснила его привычку отвлекать внимание слушателей от посредственности весёлыми поклонами, превращая скучное мероприятие в шутку. Зато Моцарт чрезвычайно расхвалил оркестр, музыканты пришлось ему по вкусу.

«Я надеюсь на своего „Фигаро“, не знаете, когда его будут играть?», – повернулся он к графу Каналу.

«Думаю, очень скоро, если только верить словам директора Бондини, а он зря не будет говорить. Вы скоро наслади-

тесь своим „Фигаро“, таким не могут похвалиться даже в Вене».

Граф Канал был прав. Когда выходили из ложи, немедленно рядом оказались и Бондини, и Гвардасони. В торжественной позе, как приглашают на важный приём, сладостно сообщили, что изменили расписание и не в воскресенье, а уже в среду будут играть «Фигаро», что почитают за честь пригласить маэстро Моцарта послушать своё бессмертное произведение, которое все полюбили, а оркестр во главе с капельником Стробахом шлют ему низжайший поклон.

При этом Гвардасони снова огляделся вокруг, поблескивая глазами скорее в сторону публики, нежели на Моцарта, считая всё это хорошей рекламой. Приглашение это – как плакат на живом народе. Уж кто услышал – разнесёт дальше, и вечером будет хорошая касса.

Моцарт отвечает, что любезное приглашение пана директора считает большой наградой для себя, и хотя он не хозяин своего времени, но уж всегда найдёт возможность сходить на «Фигаро» со своими друзьями. С церемониями было покончено, в торжественном сопровождении с бесчисленными поклонами распрощались возле кучера с Гвардасони и Бондини.

Затем в карете графа Канала, запряжённой красавцами-белушами, понеслись к Старомнестскому рынку, по Йезовицкой через Карлов мост, через Влажскую площадь, вверх по узенькой улочке прямо к воротам Тунова дворца

«У железных дверей».

Тепло печей и камина приятно обволакивало Моцарта и его Констанцию, промёрзших по дороге в карете. Оба приникли к огню, встали против него, взявшись за руки, как дети.

«Слава Богу, мы снова дома! Но спать мне пока совсем не хочется».

«Может, напишешь сейчас письмо, которое обещал Жакину?»

«Не напоминай мне про эти писания, я готов делать всё, что угодно, только не писать. Эта работа похожа на того Атланта на Клементине. Нет, уж лучше завтра с утра».

Подошёл к клавиру, открыл его.

«Ты бы не играл сейчас, ведь уже поздно».

Моцарт не ответил. Левая рука взяла минорный аккорд, правая ответила несколькими грустными звуками. Они дозвучали в тишине комнаты, и осталось только тиканье часов с Амурчиком. Его лук был постоянно натянут, а стрела направлена на каждого, кто на него смотрел.

Констанция была в своей комнате. Она знала своего Амадея. Раз молчит – лучше оставить его одного. Моцарт подошёл к окну. Посмотрел вниз на Прагу. Несколько огоньков мерцало в занесённом снегом городе. Вот один угас, затем другой. Вот третий. Моцарт обернулся, его взгляд остановился на Амурчике. Стрела попала в цель. Свет погас.

ГЛАВА 6. МОЦАРТ СЛУШАЕТ СВОЕГО «ФИГАРО»

— 1 —

День летел за днём, как одна радостная минута. Моцарт переходил, что называется, с рук на руки. Каждый хотел видеть его своим гостем, пожать ему руку, заглянуть в его горящие глаза, в блаженной вере, что, возможно, ему удастся услышать хотя бы пару звуков из того огромного богатства, что он щедро раздавал на все стороны.

Он уж и не знал, понедельник ли сейчас, четверг или суббота – времени не хватало. Чувствовал себя как на другой планете. Не преследовали его материальные заботы, не беспокоился, что теряет время, бегая по урокам, что его поджидает важная ученица или ученик.

Он с открытой душой принимал обычаи постящейся Праги. Стал таким популярным, что где бы ни появился – всюду его приветствовали. С нетерпением ожидал своего «Фигаро».

Директор Бондини специально внёс изменения в репертуаре, чтобы Моцарт пришёл послушать оперу в Ностицовом народном театре на Каролинской площади. Во время прогулки в санях он прочитал золотые слова «Vlasti a Musam», «ОТЕЧЕСТВУ И МУЗАМ», и его радостные сероголубые

глаза разглядели, как под крышей того старинного здания разместился анонс его «Фигаро».

Давно он не ждал с таким нетерпением театра, как сегодня вечером. Вспоминал себя ребёнком, ожидающим звонка перед началом спектакля. Это незабываемое чувство возникло у него впервые в кукольном театре в Зальцбурге. Там он ощутил волшебство звонка, оглашающего начало так долго предвкушаемой радости. Волновался более чем обычно.

Иногда, путешествуя, он мог неожиданно заглянуть на представление какого-либо своего произведения. Это было вполне привычно, но здесь совсем другое дело. Здесь была душа и сердце, он это чувствовал и потому сладостно волновался.

Сели с Констанцией в сани, помчались с горящими факелами, звоночки весело перекликались с другими повозками, также спешащими к Ностицовому театру. Казалось, все только туда и направляются.

Подъехали, выходят. Бондини и Гвардасони провожают графа Туна с супругой и Моцарта с Констанцией прямо в ложу. Театр почти заполнен. Первый же взгляд Моцарта полетел в оркестр. Там уже настраивались, на пультах горели свечи. Движения рук со смычками и инструментами отбрасывали тени на занавес и потолок, напоминая полёт бабочек.

В ложах сверкали лорнеты, кланялись головы в величественных напудренных париках, при этом диадемы, ожерелья и перстни на руках вспыхивали радугой тут и там. Ра-

достный шум во всём театре захватил Моцарта, словно он и не был автором оперы, радовался вместе со всеми, пришедшими на представление, о котором слышал много похвал, и, наконец, сможет увидеть собственными глазами, а главное, услышать!

Он замечал во время своих поездок по европейским театрам и концертам, что публика часто больше смотрит, нежели слушает, и интересуется скорее костюмами, декорациями, световыми эффектами, да и собственными нарядами, чем музыкой.

Констанция обратила внимание Моцарта на ложу напротив. Там расположился сам граф Ностиц с графиней и дружески кивал гостям, находящимся в ложе Туна. Моцарт встал и с почтением поклонился – а тут как раз вышел к оркестру капельник Стробах. Посмотрел на ложу Ностица, проследил за взглядом графа в сторону туновой ложи и увидел Моцарта.

Стробах был в затруднении, кому прежде кланяться: Ностицу, Туну или Моцарту. Столько важных персон одновременно ещё не было перед глазами капельника. Сердце его было расположено, прежде всего, к Моцарту. Он и поклонился одним круговым движением от Ностицовой ложи к ложе Туна, где стоял Моцарт – остальные сидели. Моцарт уловил почтительный поклон Стробаха и ответил весёлым взмахом руки.

Капельник прошептал, наклонившись к ближайшим му-

зыкантам: «Здесь Моцарт». Тут же поднял руки, что означало: «Приготовиться!» Зрители, сидящие за дирижёром, всё же заметили стробахово напоминание оркестру, что здесь автор, сам пан Моцарт, и тут же по всему партеру волной пронёсся шёпот.

— 2 —

Однако началась увертюра. Смычки взлетели по велению Стробаха. Он, как волшебник, дотронулся своей палочкой до скалы, и из неё хлынул блестящий поток и весело помчался вперёд ярким солнечным днём. Этой волшебной палочкой послужило слово «Моцарт».

Музыканты, с их обострённым слухом, мгновенно уловили слова Стробаха, произнесённые шёпотом в сторону концертмейстеров, но не было времени, чтобы обсудить радостное событие, и только посмотрев в сторону Туновой ложи, они бросили смычки на струны с таким азартом, как лучники отправляют свои стрелы в мишень, стараясь попасть в самую середину.

Увертюра летела вперёд в радостном ритме, и весь театр был им подхвачен. Моцарт сиял. Ещё бы! Каждая нотка вывучена как у щебечущих птичек в ясный день. Безупречные штрихи, дыхание, чистейшая интонация. Все играют как один, и один другого старается превзойти темпераментом, красотой звука, извлекаемого из инструмента.

Это похоже на соревнование в зажигательном ритме, где все победители, а капельник над ними дирижёрской палоч-

кой как бы рисует весёлое движение всей увертюры. В театре не осталось ни одного хмурого лица. Всё – улыбалось!

Когда дозвучали последние звуки увертюры, зал взорвался аплодисментами. Дирижёр поклонился любезной публике, но его взволнованные руки протянулись к Туновой ложе. дескать, туда аплодируем, там творец этой прекрасной музыки, там сам Он! Зрители встали с криками «Браво! Браво! Брависсимо!» И снова, и снова Моцарт кланяется, и руки прижимает к сердцу, благодаря публику. И невозможно их успокоить!

А вот и оркестр встал и постукивает смычками по скрипкам, виолончелям, альтам, контрабасам. Кларнетисты, гобоисты, флейтисты бьют ладонями по своим инструментам, все головы обращены к господину Моцарту. А тот уж и не знает, что делать, как успокоить эту прекрасную бурю, чтобы продолжать оперу. Обеими руками он просит тишины и неустанно кланяется.

Стробах дал знак оркестру, и опера стронулась с места. Великолепный Фигаро – Понзиани, нежный, гибкий голос, сыплющий живым юмором; роскошная Сюзанка – Катерина Бондинёва, любимица зрителей; граф Альмавива – Луджи Басси, упоительный итальянский баритон; графиня – Тереза Сапоритиова, сильное драматическое сопрано; пылкий влюблённый паж – Катерина Мицелёва. Моцарт необыкновенно доволен. Каждая сцена проработана, отшлифована, просто сверкает, как великолепный бриллиант.

Первое действие закончено. Снова овации. Публика и артисты перед занавесом смотрят в сторону Туновой ложи, где Моцарт улыбается всем вокруг и снова, и снова кланяется и благодарит за проявление такой явной любви. Вот сказал что-то Тунам и пошёл вниз: его тянуло за кулисы, пожать руку Стробаху, высказать счастливую признательность, обнять певцов.

Пока шёл коридорами, люди останавливались и с огромным любопытством и восхищением в глазах провожали его шаги. Так и шёл, как сквозь строй, прямо до самых железных дверей «закулисья».

А там его уж поджидали и директор Бондини, и режиссёр Гвардасони, и капельник Стробах. Моцарт поздравляет, благодарит, тут и певцы, синьорины и синьоры, целует дамам ручки, жмёт руки Басси, Понзиани, обратился к каждому артисту лично, и к оркестрантам, не забыл и осветителей, и работников сцены. От этих бесконечных поклонов его спас остроумный Гвардасони, предложив шепотку из золотой табакерки. Моцарт не отказался и красиво чихнул, и тотчас Бондини быстренько предложил:

«Так что, маэстро, не хотели бы вы дирижировать своего „Фигаро“ в субботу?»

Все вокруг с напряжением следили за лицом Моцарта.

«С радостью! И уже не могу дождаться субботы! С удовольствием буду пражского „Фигаро“ дирижировать, это было лучшее представление. У меня нет слов, чтобы выразить

моё удовольствие. Итак, в субботу я дирижирую. Договорились».

Все пришли в восторг, а Бондини тут же продолжил:

«А завтра, с утра, дорогой маэстро, у нас будет оркестровая репетиция для ваших выступлений, ваша Пражская симфония. Затем, договоримся о дальнейшем распорядке – наверняка, вы и сами будете что-то играть?»

Моцарт кивнул: сыграю. Хотел сказать что-то ещё, но заметил, что артисты потихоньку собираются, чтобы продолжать спектакль.

«Всё, всё, завтра всё обсудим».

И снова целует ручки, прощается и уже летит через железные двери, через ступеньку по лестнице до Туновой ложи в первом ярусе. Снова сквозь строй влюблённых Пражан, только открыл дверь, сразу к Констанции:

«Я в субботу дирижирую „Фигаро“. Я договорился. А завтра утром будет большая репетиция моей новой симфонии D-dur. Как я рад! А то я уж понемногу начал лениться. Но это не для меня. Я должен играть, писать, чтобы меня не избаловали, чтобы я совсем не поглупел. И без того каждую минуту слышу, что я такой маленький».

Пани Тунова погрозила пухленьким пальчиком:

«Но зато удаленький! Вон как вы покорили всю Прагу. И сколько ещё удивительного мы ожидаем от вас!»

Моцарт поблагодарил за поддержку почтительным поклоном и произнёс:

«Однако никогда я Прагу не забуду. Я уже кое-что придумал, господа. И это не будет что-нибудь маленькое. Кое-что грандиозное. Такое, как слышится мне величавость музыкальной Праги. Ну, увидим!»

ГЛАВА 7. ОЧАРОВАННЫЙ АРФИСТ

— 1 —

После генеральной репетиции «Пражской симфонии» Моцарт заскочил пообедать в Новый трактир. В последнее время он полюбил туда заходить: и графа Туна можно не беспокоить, да и от театра недалеко. Всю дорогу он тихонько напевал. Оркестр замечательный. Каждая нота на своём месте, ни одна не пропала. Музыканты играют с таким энтузиазмом, какого Моцарт ещё не встречал. Играют как влюблённые.

Влюблённые в музыку, премьера которой на днях состоится в Праге, её прозвали уже «Пражской симфонией». Кухарж и Стробах, наблюдая за Моцартом, сияли от радости. Ведь его похвала оркестру относилась и к ним, представлявшим душу коллектива.

Лица музыкантов выглядели по-настоящему счастливыми. Они работали с Моцартом в идеальной гармонии. Не было никаких особых замечаний. Всё чувствовали, понимали малейшее движение его длинных чутких пальцев. Он словно прикасался к их инструментам, которые они прижимали к груди или к губам как своих возлюбленных. И зазвучала «Пражская симфония» солнечно и радостно.

Пока Моцарт шёл от театра к Целетной улице, он снова

«проживал» свою симфонию. Возбуждённый, вошёл в трактир, искал свободный столик, чтобы снова, шаг за шагом, вспоминать ту великолепную репетицию. Полнейшее понимание музыкантами его произведения вызывало у него безграничное удовольствие.

Он сел в уголок к окну, чтобы смотреть на улицу, будучи самому незаметным, лишь кивнул головой на вопрос, будет ли обедать, и рассеянно жевал кусочек хлеба, ожидая, пока девушка принесёт ему суп. И снова покачивал удовлетворённо головой, вспоминая безупречную ансамблевую сыгранность чешских музыкантов из театрального оркестра. И ведь каждый из них виртуозно владел своим инструментом!

Склонившись над тарелкой, он не обратил внимания, как в трактир вошёл маленький человечек с арфой. Веселыми звуками, чистыми и ясными, заиграл инструмент. Фигарова ария «Non più andrai...».

Моцарт как раз только что разрезал мясо, но после нескольких тактов отложил вилку и повернулся к белой изразцовой печи с ангелочками, возле которой расположился ооченевший мужичок со своей арфой и трогал её струны с искренним чувством.

Ничего подобного у бродячих музыкантов, рассеянных по Праге в неисчислимом количестве, Моцарт не встречал. Голубые глаза арфиста смотрели вдаль, он был погружён в музыку с полной душевной отдачей, Моцарт прекратил

есть и стал слушать.

Боже мой, да это настоящая музыка! Этот человек играет так искренне, как птица поёт! Доиграв арию из «Фигаро», музыкант низко поклонился, и после минуты размышления его разогретые пальцы заколдовали над вариациями на ту же тему.

Похоже – цветущая липа зашелестела под жужжание пчёл, так красиво хлынули звуки из его старой арфы. Её золотое покрытие было довольно сильно потёрто, чем напоминало о том, что этот королевский инструмент несёт в себе тысячелетнюю культуру, и волшебство начинает действовать тотчас, как только к струнам прикоснётся рука мастера.

Моцарт был в восхищении. Такого бродячего музыканта ему ещё не приходилось слушать. Невольно он встал и приблизился к увлечённому арфисту. Тот его не видел, так как его голубые глаза смотрели куда-то вдаль и были полны радостного света, чем Моцарт был сильно растроган. Мужичок ещё играл, когда Моцарт остановился возле него.

Но вот арфа замолчала. Между Моцартом и арфистом ещё вздрагивали последние волшебные звуки, с кухни доносилось звяканье тарелок и звон вилок, когда бледная рука автора «Фигаро» легла на ссутулившееся плечо удивлённого музыканта.

«Спасибо вам. Меня зовут Моцарт»

Руки арфиста упали на колени. С восторгом смотрел он как школьник на маэстро, которым восхищалась вся Прага.

Оробевшие глаза возвратились из своего «далёка» полные изумления и божественного смирения. Он не мог поверить, что ему подана рука, написавшая «Фигаро».

Это ему-то, бродяге, который ходит от трактира к трактиру, играет во дворах и подворотнях, просто везде, где есть люди. Для потехи. Он и не вспоминал уже, что музыка рождена, чтобы делать жизнь прекраснее, и когда ему никто не подавал и гроша за игру, и когда его выступление частенько обрывали, чтобы шёл со своим «номером» подальше.

— 2 —

Посетители трактира начали поглядывать на странную парочку у камина, но Моцарт не видел и не слышал ничего вокруг, кроме арфиста, так сильно тот увлёк его.

«Смогли бы вы сделать вариации на тему, которую я сейчас сыграю вам на клавире?»

Арфист только выдохнул:

«Да, пожалуйста».

«Можете сейчас пойти со мной?»

«Да, пожалуйста».

«А могу я пригласить вас пообедать со мной?»

«Ах, спасибо тысячу раз, да, пожалуйста!»

Моцарт позвал официанта, о чём-то пошептался с ним, затем кивнул арфисту и пошёл в коридор на лестницу, ведущую в гостиничные комнаты. Оглянулся, увидел сутуловатого арфиста, уже распрямившего плечи, шагающего с арфой по лестнице, как престарелый ангел к Отцу небесному.

Была заметна огромная перемена в лице этого богора и судьбой отмеченного мужичка. Душа его пела вместе с арфой. Моцарт подскочил, взялся за инструмент:

«Какой же я рассеянный мальчишка, не помог вам на лестнице, вы позволите?»

Но арфист засопротивлялся и не допустил, чтобы Моцарт стал ему помогать нести его неотлучную арфу. Он вышагивал с ней величаво, его глаза светились особенным просветлённым настроем.

«Кого мне напоминают эти глаза?» – думал Моцарт по пути наверх в гостиничный номер, думал, пока отпирал двери, а когда ещё раз взглянул в глаза старика, понял: «Мысливечек!» Да! Так смотрел вдаль Мысливечек, когда играл ему на клавире свою сонату в солнечной Болоньи!

Арфист вошёл в гостиничный номер как в храм. На цыпочках. Остановился с арфой у дверей и тихонько ожидал. Моцарт взял кресло, поставил посреди комнаты и кивнул ему, дескать, садитесь. Но тот переступал с ноги на ногу, не отваживаясь подойти к креслу.

Тогда Моцарт сам подошёл к музыканту, взял за руку, повёл галантно, как даму, к креслу и ласково усадил своего дрожащего гостя. И при этом всё время вспоминал Мысливечка, благодаря глазам арфиста.

Вспоминал, как Мысливечек рассказывал ему о чешских музыкантах, блуждающих по свету с места на место. Они уходили от домашнего рабства и нищеты в дворянские ка-

пеллы и театральные оркестры, где добывали лучший кусок хлеба. И не только Мысливечковы глаза.

То же самое он видел и в глазах других чешских музыкантов, которых встречал в европейских оркестрах. Все они с особенным страстным взглядом прижимали свои инструменты к груди и играли на них поистине всем телом и душой.

Моцарт сел за клавиры и, прежде чем опустить руки на клавиши, посмотрел на арфиста, сидящего в кресле. Тот был более похож на духа, нежели на человека, так тихо и сосредоточенно он сидел. Не шевелясь. Лишь свои восхищённые глаза устремил на Моцарта и ждал. Моцарт ласково улыбнулся, взмахнул правой рукой, затем присоединил к ней левую и опустил их на клавиши.

Зазвучала серьёзная тема в d-moll, похожая на балладу из старых, давно ушедших времён: одинокий музыкант идёт по свету со своей песней, чтобы разбудить любовь в зачёрствевших сердцах. Моцартовы пальцы играли тему с таким чувством, как только что играл странствующий музыкант, не ведая, кому он играет.

Арфист не отрывал глаз от Моцарта. Вбирал в себя каждый звук, принимал музыку с преданностью, словно получал ангельское послание, которое сможет на своём дальнейшем жизненном пути отдавать людям, если они захотят слушать его и не закроют перед ним двери.

Моцарт играл для арфиста так же, как если бы перед ним сидела императрица Мария Терезия, либо французский ко-

роль Людовик XVI. Для них он тоже играл, бывало, темы и к ним тут же вариации.

В данном случае, однако, это не был заказ коронованной особы, зато был дар любви к неизвестному бродяге, который видел в нотах не только музыкальные знаки, но вкладывал в каждую из них кусочек своего горячего сердца. Пусть его слушатель забудет на мгновение ту безжалостную карусель беготни в битве за хлеб.

Моцартова тема была простая и бесхитростная, как старая песня, в ней слышался голос столетий. Глубокие тоны в левой руке напоминали старинный хорал, тёмные шаги веков под тоскливой мелодией правой руки.

Арфист не шевелился, боясь нарушить чудесное звучание малейшим шорохом. Видимо это было для него действительно ангельское послание. Как порой нечто сказанное западает в сердце, так сейчас каждый звук отзывался в его взволнованной душе. Так зерно, летящее из плодородящей руки сеятеля, попадает в разрыхлённую землю и готовит будущий хлеб.

Моцарт закончил. Перевёл взгляд от клавира к арфисту. Да, такого слушателя он ещё не видел. Подобно статуе, не моргая, сидел он со сложенными на коленях руками в этой славной тишине при умолкающих звуках клавира.

Моцарт встал:

«Ну вот, сейчас я вам это запишу».

Как только он произнёс эти слова, арфист, сидя в кресле,

дёрнулся, как бы желая выскочить, и, заикаясь, начал говорить:

«Но я...»

В пересохшем горле сломался его голос. Моцарт снова усадил его в кресло:

«Сейчас, я быстренько, раньше, чем нам принесут обед».

Сухие губы арфиста шевелились, он хотел ещё что-то сказать, но когда увидел, как Моцарт решительно опустил перо в чернильницу и начал на колене записывать только что рождённую тему, ему, неизвестному музыканту, посвящённую, он тихо опустил голову, как провинившийся в исповедальне, обречённо собирающий силы перед тяжкой исповедью.

Гусиное перо запело, двигаясь по пергаментной бумаге. Моцарт достал её из кармана своего синего сюртука. Глаза старика понемногу успокоились и, отважившись снова взглянуть на маэстро, стали следить за движением его красивой руки. Она набрасывала ноты на бумагу быстро и уверенно, издалека они выглядели как цветочки, нарисованные весёлыми детишками.

Моцарт дописал, просмотрел ещё разок написанную тему, при этом вдруг весело по-мальчишески засмеялся:

«У меня тут осталось несколько пустых строчек, так я напишу вам ещё одну тему. Оно того стоит. Не придётся вам теперь хромать, каждой руке и каждой ноге достанется работы по-справедливости».

Но только он замолчал, как с удивлением заметил, что ар-

фист в кресле снова удручённо сторбился и заговорил:

«Но, пожалуйста, я...»

И снова Моцарт прерывает:

«Минуточку терпения, я очень быстро, мы потом посмотрим».

И перо снова запело на колене улыбающегося композитора. Вторая тема родилась и была записана без клавира, прямо на бумаге, тут же после баллады, звуки которой ещё трепетали в воздухе. Эта вторая тема была короче первой, Моцарт, как пчела, жужжал её себе под нос. Вот и последняя ноточка, перо заскрипело, стремительно завершив работу.

Моцарт быстро просмотрел написанные строчки, затем подошёл к растерянному арфисту и протянул ему лист. Но тот опустил глаза к сложенным рукам, а со лба его стекали капли пота. Рук он не разомкнул. Моцарт был изумлён. Что случилось?

Он дружелюбно положил руку на голову старика, посмотрел ему прямо в лицо:

«Что с вами происходит?»

Глаза бедняги заморгали, прищурились, и неуверенным ломающимся голосом с детской покорностью он проговорил:

«Не сердитесь, маэстро, пожалуйста, но я не умею читать ноты... Играю по слуху, простите меня...».

Моцарт прижал голову этого несчастного добряка к своей груди и в мгновение прогнал хмурость с его опечаленного лица:

«Но в этом нет никакого несчастья. Я уж подумал, Бог знает, что с вами случилось! Всё легко поправимо. Я сыграю вам тему ещё раз, и много раз, сколько захотите, и другую тоже, пока не запомните, а потом вы мне сыграете свои вариации. Идёт?»

Арфист встряхнулся, радостно закивал головой, но только собрался ответить, как двери отворились, и в комнату вошли два официанта. Моцарт и не стал дожидаться каких-либо слов от старика с распахнувшейся, было, душой, а быстро указал, чтобы стол придвинули к креслу. Сам же уселся напротив смущённого арфиста, чтобы с ним пообедать, закончить, наконец-то, недавно прерванную трапезу.

— 3 —

Арфист пребывал как во сне. Но чем дальше, тем сильнее удивлялся и наслаждался он заботами хозяина, сердечная гостеприимность и искренний взгляд которого развязали неповоротливый его язык, и уж после нескольких глотков вина он стал рассказывать Моцарту о своей жизни. Вот какова была исповедь бродячего музыканта:

«Нас было семеро детей. Я – старший. Папенька постоянно тяжело болел и лежал. Матушка ходила с арфой, играла и пела. Заработав пару грошей, спешила домой, чтобы приготовить нам еду и поухаживать за больным отцом, который вскоре и умер.

А за ним стали уходить из жизни дети один за другим. Каждому на прощанье играла маменька ту песню, что пела

ему, маленькому, в колыбели. А когда её руки и ноги совсем ослабли, начала она меня учить играть на арфе. Чтобы я не пропал на свете. Потому что слабый человек не должен рассчитывать на помощь сильных, они легко о нём забудут, но, по крайней мере, песня хоть немного ему поможет.

Пение и музыка. Матушка говорила: музыка – это дар самого Господа, помни об этом. Посмотри на эту птичку-певунью, в любые морозы и беды она не отчаивается, при встрече со злом только потопаёт ножками и быстро и весело запрыгает, да и полетит себе, чтобы подкрепиться для дальнейшей жизни.

Так мне говорила матушка, передавая мне арфу, когда я остался один из семи братьев и сестричек, и могилки их давно заросли травой и маргаритками. Теперь у меня есть только арфа, это наследство и завет от моей умершей матери».

Тут голос арфиста сорвался и на мгновение затих. Моцарт смотрел на него и думал про его особенные голубые глаза и про его чудесную трогательную речь. Ведь Мысливечек во время итальянских бесед с Моцартом говорил не на родном языке, но имел в произношении тот особый певучий призыв, как и у Бенды, Гейна, Ваньхала, Йировца, Фиалы – как у всех чешских музыкантов, разлетевшихся по свету как птицы, с которыми Моцарт познакомился во время своих путешествий.

Все они говорили на иностранных языках со своим сладким певучим родным произношением. А самые красивые

ноты в голосе появлялись при воспоминаниях о Родине. Арфист был изумлён тем, что делалось в душе Моцарта, и когда маэстро поднял бокал с вином, выпил с ним, налил себе ещё, чтобы подкрепиться в своих размышлениях, и снова выпил до дна.

Затем поставил бокал на стол со вздохом:

«Я испил чашу горечи и бед вот также до дна, не смотря на то, что матушка ничего от меня не скрывала. Она знала, что лучшее приданое для ребёнка – это правда о жизни. И всё это слышала вот эта арфа. Она и есть моя жизнь. Ничего другого нет у меня на этом свете, а если бы не было у меня её, я не хотел бы и жить.

Как начинаю играть, вижу братишек и сестрёнок, танцующих вокруг меня, и матушка с папенькой любят нас. . . . Я слежу, чтобы каждая нота была чистой, чтобы не было стыдно. Чистая игра – это как честь, и за этим моя матушка до последней минуты следила. И эту честь мне вместе со своей арфой передала, чтобы моя звезда освещала мой путь, даже когда на небе звёзд нет.

Простите, маэстро, но ещё никто со мной так красиво не трапезничал. Никто не сидел со мной за столом с белой скатертью. Никто мне ни разу не показал, что у него тоже есть душа, а вот вы раскрыли для меня своё золотое сердце. Для меня – неизвестного бродячего музыканта».

У Моцарта не было слов после этой исповеди, он погладил старика по руке, потом подошёл к клавиру и сказал:

«Ещё раз послушайте, чтобы хорошо запомнить, а потом для меня сыграете вы».

Снова арфист напрягся как струна. Какое теперь может быть смущение, какая робость. Он теперь чувствовал, что после своего рассказа ему нельзя подкачать, здесь уже вопрос чести. Безмятежно зазвучала грустная баллада.

– 4 —

Тонкие пальцы Моцартовых рук дотрагивались до белых и чёрных клавиш, словно поглаживали цветы. Тема дозвучала. Арфист не дожидаясь, станет ли Моцарт играть ещё и в третий раз, встал, решительным шагом подошёл к арфе, взял её в руки, как дитя, нежно поставил у кресла и торжественно уселся. По нему было видно, что он готов с честью выполнить задание.

Моцарт остался сидеть возле клавира и смотрел на старания растроганного мужичка, который за короткое время их знакомства так по-разному смог проявить себя. И сейчас, несомненно, собирается показаться с наилучшей своей стороны. Он намерен не ударить в грязь лицом от имени всех чешских бродячих музыкантов. Он должен доказать, что достоин того внимания, что ему оказал маэстро Моцарт.

Арфист прикрыл глаза... Его душа погрузилась туда, в ту грустную мелодию. Тему- балладу, что проиграл ему только что по второму разу Моцарт. Через мгновение он широко открыл свои голубые глаза, и его пальцы дотронулись до струн молчавшей пока арфы, материнского приданого,

разрисованного звёздами. И вот, как будто разбудили её волшебной палочкой, зазвучала арфа красивыми, за душу берущими звуками.

Теперь уже Моцарт превратился в статую. Жадно следил он за вдохновенным музыкантом, который играл с таким огнём, каждый звук просто бил ключом из самого сердца, переполненного энтузиазмом, напитавшимся Моцартовой музыкой. Тема закончилась. Мгновение сосредоточенной тишины.

Арфист опустил голову, задумался перед первой вариацией. Затем его голубые глаза засверкали, пальцы заколдовали над старой арфой и зазвучали прекрасные вариации на только что прозвучавшую тему. Тут словно птицы распевали на разные голоса, одна старалась превзойти другую, но все придерживались заданной темы, и каждая вставила своё словечко, и все были услышаны.

За первой вариацией после небольшого вздоха пошла вторая, третья, четвёртая, пятая, шестая и, наконец, кульминация – седьмая вариация.

Арфа заиграла величавый ликующий гимн, тут уж сам Моцарт встал и подошёл к арфисту, а тот выглядел в своём воодушевлении как пророк, как апостол, возглашающий от лица всех неизвестных чешских музыкантов песнь любви и радости, так как именно ему выпала честь играть перед самим маэстро Моцартом.

Щёки его горели, косичка на затылке раскачивалась в такт

с этой могучей заключительной седьмой вариацией, которая совершенно покорила Моцарта, так, что автор «Фигаро» аплодировал от всей души и кричал: «Браво, брависсимо!»

Музыкант растерянно кланялся и благодарил. Ему трудно было найти подходящие слова, он и всегда-то говорил довольно сбивчиво. За него всё сказала его арфа, матушкина арфа. Звёзды, которыми она разрисована, горели, как и глаза её хозяина, а сейчас эти звёзды были ещё и омыты каплями пота, падающего как роса с лица взволнованного бродяги, так славно отстоявшего честь матушкиного завета.

Моцарт горячо пожимал обе его руки, взял с клавира нотный лист и сказал:

«Спрячьте это на память. У вас каждая нота словно записана в душе, но и я запомнил все ваши ноточки, только у вас они в пальцах, а у меня в голове».

С благоговением взял арфист из рук Моцарта лист пергамента, для него это был волшебный лист, пропуск в рай. Старательно спрятал его в пёстрый жилет, застегнул зелёный выцветший сюртук, вытер пот со лба, пригладил волосы на висках и зашептал:

«Благослови вас Господь! Дай вам Бог здоровья, счастья...» Склонился к руке маэстро, порывисто схватил её и с горячностью поцеловал. Моцарт отнял руку и, как он заметил, у чешских музыкантов принято обнимать друг друга при расставании, он прижал арфиста к своей груди и ответил:

«И вам дай Бог здоровья и счастья!»

Арфист поплёлся к дверям, обернулся, ещё раз поклонился до земли, а Моцарт ещё раз пожал обе его руки, при этом вложил в них монету. Арфист шёл по лестнице явно помолодевшим, не чувствуя тяжести своего инструмента. Он спиной ощущал взгляд Моцарта.

Обернулся. Маэстро ещё махал ему рукой на прощанье из открытой двери. Как во сне вышел он с арфой на улицу. Какой-то мальчишка, бегающий в округе, налетел на него с разбегу, отскочил в сторону и начал подпрыгивать вокруг бродяги и дразнить его:

«Гоп-цоп! Гоп-цоп!»

Да! Таким образом мальчишки дразнили арфиста Хёсслера, когда видели его, прихрамывающего с арфой по улице, поспевающего своей каждодневной дорогой за куском хлеба. Косичка на его затылке подпрыгивала, а мальчишки кричали ему вслед: «Гоп-цоп». Так и прозвали старика – Цопанек*. /*Цопанек – Косичка/

Но на этот раз Цопанек не сердился, не отмахивался, как обычно, арфой, но только лишь остановился, поставил арфу, поднял указательный палец и очень важно произнёс:

«Если бы ты знал...».

Мальчишка обомлел. Открыл, было, рот, но арфист, увидев это замечательное оцепенение, снова повторил, грозя пальцем:

«Если бы ты знал... сам пан Моцарт...»

Недоговорил. Равнодушно обошёл паренька, достойно прошествовал по Целетной улице по направлению к Ностицову театру. Не горбился, расправил плечи, вышагивал как юноша. Начиналась метель. Тут арфист почувствовал что-то зажатое в руке, то, что Моцарт вложил ему туда при расставании. Открыл ладонь и увидел дукат.

ГЛАВА 8. КАК МОЦАРТ НАШЁЛ СВОЙ ОРКЕСТР В ПРАГЕ, или УЗНИК ГРАФА ПАХТЫ

– 1 —

Как говорил сам Моцарт, его жизнь в Праге на мясопуде в том весёлом, сходящем с ума по «Фигаро», январе 1787 года, разве только сам чёрт мог выдержать. Со всех сторон поступали приглашения в гости. Он был, как говорится, нарасхват, его буквально рвали на части.

Всё это происходило благодаря поистине великолепному «Фигаро», который жил теперь вполне самостоятельной жизнью, распевался повсюду, заразил своим звучанием всю Прагу. Моцарт везде с ним встречался, потому, как его там и сям либо напевали, либо насвистывали, либо разыгрывали бродячие музыканты, так, что имя Моцарта в сознании Пражан полностью соединялось с именем Фигаро.

Каждый хочет Моцартом насладиться. Моцарт переходит из одного общественного сборища в другое. Уже от рукопожатий болит рука. Несколько раз удалось ему сбежать с очередного раута с певцами и музыкантами Ностицова театра в трактирчик на Темпловой улице, что в двух шагах от театра.

Тогда в тех театральных разговорах возникло между

ним и артистами настоящее взаимопонимание. Рухнули все условности, говорили о своём ремесле. Всевозможные забавные истории так и сыпались одна за другой, кто, где жил, как приходилось играть и петь, с кем и какие приключились истории на сцене и в оркестре.

В таком-то вот братском сближении с артистами Ностицова театра и прошёл тот славный вечер, когда Моцарт сам дирижировал «Фигаро». Вот тогда он и произнёс те памятные слова о том, что его оркестр находится в Праге. Эти слова донёс капельник Стробах. Когда он, взволнованный, допытывался у Моцарта, стоя за кулисой, пока зрительный зал гремел аплодисментами и выкриками «Виват, Моцарт!».

Стробах сжимал обе руки Моцарта:

«Ну, как, маэстро, вы довольны?»

Моцарт в радостном порыве, запыхавшийся и ещё не остывший от Фигаровых мелодий, обнял его и быстро проговорил:

«Слышите, ещё музыка не успела отзвучать на сцене, а люди сходят по ней с ума, слышите, что выделывают? А вы ещё спрашиваете, доволен ли я? Скажу вам кратко и просто: мой оркестр здесь, в Праге».

Эти слова уже ночью разлетелись по пражским трактирам и закусочным, а с утра и по всей Праге. Как же гордо с того дня ходили оркестранты, ну просто с выпяченной грудью, а с ними и все любители музыки! Ведь Моцарт похвалил чешских музыкантов, а из них-то и состоит оркестр Ности-

цова театра.

Это были так называемые маленькие люди, вокалисты и хористы, перебивавшиеся с хлеба на воду, всё богатство которых заключено в словах «Золото в горле». Потеряв голос после мутации, они тут же берут в руки скрипочки, виолончель, флейты, кларнеты, гобои и продолжают играть с такой же любовью, как прежде пели, потому, что так велит им сердце. Они сыны Чехии, которая всем детям своим с молоком матери дарит музыку и пение.

Моцарт полюбил пражских музыкантов уже на первой репетиции новой симфонии, которую сейчас называют «Пражская». Сразу играли так, будто это произведение они давно знали, каждый такт звучал чисто и красиво, Моцарту и не надо было указывать, что и как он хочет, всё шло само. Но он ожидал настоящего триумфа и сильно волновался за оперу, за «Фигаро».

Здесь есть всё. Здесь всё заметно. Здесь каждая нота важна, и многое зависит от певцов. А эти господа – особы чувствительные, с претензиями, всё им надо подать как на серебряном подносе, да ещё с поклонами да улыбками. Чтобы эти капризули не обиделись! Все знают, примадонны привыкли, чтобы перед ними склонялись и коронованные головы, а не то, что обычный капельник.

Так вот, это был настоящий праздник для оркестра, когда перед ним встал за пульт сам маэстро Моцарт! Все подтянулись. Он поднял руки, дал знак – начали, заиграли. И понес-

лись вперёд, любо-дорого послушать. С первых нот увертюры всё пошло как по маслу, дальше, дальше, цифра за цифрой. И ведь без репетиций, скажу я вам. То, что Моцарт так долго искал, само свалилось ему с чистого ясного неба.

Он вспоминал потом, как папенька прислал ему письмо в Мюнхен, где ставили его «Идоменей». Как советовал ему охранять хорошее настроение своего оркестра, чтобы почаще хвалил музыкантов и даже слегка льстил им. Отец хорошо знал своего сына, потому и писал ему об этом.

Он знал, как необыкновенно чувствительный слух Амадея заставляет его придирааться к каждому исполнителю, как он слышит любой шорох, не относящийся к музыке, как он хмурится при малейшей фальши, слышит её даже при сильнейшем форте.

И это вовсе не шутки – работать не меньше трёх часов под его руководством в таком напряжении. Много раз писал ему папенька в Мюнхен, что даже прекрасный пианист добивается наилучших результатов, если его хвалят в глаза.

Он работает с наибольшим вниманием и усердием, и эта простая вежливость не стоит труда, всего-то каких-нибудь пару слов... Так писал отец Леопольд сыну в Мюнхен, чтобы смог он пройти со своим первым большим кораблём по бушующему морю между Сциллой и Харибдой.

– 2 —

Пражскому оркестру можно было не льстить. Оркестр сам готов был льстить Моцарту. Не нужно было поднимать ар-

тистам дух вежливыми похвалами, они играли вдохновенно, поистине захватывающе. Увлекли и певцов, а это о многом говорит. Ведь итальянские певцы принимали новую оперу Моцарта с некоторыми оговорками, она не соответствовала их вокальной эквилибристике и другим колоратурным привычкам.

При этом они чувствовали, что хотя тут ничего особо нового нет, чем удивлять публику, но стоит лишь начать петь, особенно в ансамблях, как и на сцене и в зале нарастает восторг, который не убывает на протяжении всей «Фигаровой» жизни от первого такта до последнего. Да и утомления такого, собственно говоря, нет, как иногда бывает при исполнении технически-сложных партий.

Моцарт говорил об этом Стробаху как-то в трактире на Темпловой улице:

«Вы были правы, когда сказали, что музыканты готовы начать играть оперу сначала, лишь только отзвучат последние её такты. Я видел это в их глазах, и сам чувствовал то же самое. Я узнал, что такое вдохновение у оркестра и, особенно, у певцов, этих господ-мучителей».

Вам ведь известно, как они воспитаны: «да, да, да», затем долго «нет», и, наконец, снова «да». Всё это зародилось в эпоху знаменитых кастратов, и хотя их славная эра уже прошла, теперь таковы примадонны: склоните головы, и композитор, и оркестр, вы – лошадки, запряжённые в роскошной карете, я восседаю на золотом троне, вы мне только

прислуживаете, а ну, алле, вперёд!

Ничего подобного здесь не было. Мне и не надо было ничего говорить, только моргну – руки сдвинуты и поехали. Ангельская поездка без чертовских заворотов. Это мой оркестр, я уже говорил вам тогда за кулисами: мой оркестр здесь, в Праге».

Стробах с Кухаржем переглянулись. Это они воспитали оркестр, слова Моцарта относятся также и к ним. Похвала сильно обрадовала. Моцартов оркестр – кто из музыкантов Европы не пожелал бы стать членом коллектива, лицо которого – Амадей Моцарт, о котором он сказал: Я ваш, вы мои!

В тот вечер весело было в трактире на Темпловой улице. Моцарт ел как волк, заказал себе венский шницель чуть ли не полметра величиной. Сказал, что слышал, здесь он особенный. Так и было.

У него во время еды даже двигались уши, те самые гениальные уши, о которых он сам говорил, что они такие большие, что приходится прятать их под волосами, при этом они всё равно хорошо слышат, причём больше плохого, чем хорошего, так что ему хватило бы и половинок. Чаши звенели, далеко за полночь все сидели, весело болтали.

Забрёл туда и вездесущий Цопанек с арфой, заглянул и дальше не пошёл, когда увидел Моцарта. А тот уже его приветствует, заказывает для него великанский шницель как старому приятелю. Старик уселся в уголок, арфа сбоку, горящие свечи играют тенями от её струн и отражаются в гла-

зах Цопанка при каждом его случайном взгляде на любимца Праги, пана Моцарта.

А на завтра усатый привратник вручил пану капельнику Стробаху письмо:

«По поручению маэстро Моцарта доставил слуга из Тунова дворца».

Стробах с любопытством вскрыл конверт, разломил печать и прочитал.

И тут, в это серое утро, словно луч солнца засиял с полученного письма. Автор «Фигаро» благодарит оперный оркестр и его руководителя Стробаха за безупречное проведение оперы.

«Вашему усердию принадлежит наибольшая часть успеха, которого добилась моя музыка в Праге. Я счастлив», – писал Моцарт, – «что познакомился с пражскими музыкантами, вполне достойными своего земляка, моего дорогого друга Йозефа Мысливечка, уроженца Праги, которого недаром в Италии называли Божественный Чех.

Сердечное Вам спасибо. Вы исполнили мои наивысшие мечты; я Ваш, и я горжусь, что имею такой оркестр в Праге. Хотел бы также выразить всем признательность за любовь, которую встречаю повсюду».

У Стробаха дрожали руки от радостного волнения. Это пишет сам Моцарт ему и оркестру! Привратник смотрит на него с разинутым ртом, не понимая, но чувствуя, что здесь происходит нечто важное, и потому стоит тише воды ниже

травы. Пришёл директор Бондини – Стробах немедленно показал ему письмо Моцарта. Вместе они побежали в оркестр, там прочитали его музыкантам. Тишина стояла как в костёле, только глаза у всех светились.

Сам Моцарт нас благодарит! Стробах протянул драгоценный пергамент концертмейстеру, того тут же окружили остальные музыканты, читают и читают, трогают сокровище, стараются запомнить наизусть.

Каждый прочитывает с гордостью и непроизвольно становится по стойке смирно, словно получает награду от генерала. Орден с изображением Моцарта. Он и есть их генерал. С ним были выиграны все сражения. За эти его слова благодарности они пойдут с ним в любой огонь.

Письмо Моцарта было высочайшей наградой для тех простых, неизвестных, скрытых от публики, артистов, которые на самом-то деле, как писал сам Моцарт, сыграли значительнейшую роль в том успехе «Фигаро» в Праге. Именно они его полностью воплотили, исполнили и увлекли слушателей, да так, что музыка оперы стала необходимой частью их жизни. Играющая, поющая и насвистывающая Прага, оперой очарованная, всё это подтвердила.

– 3 –

После «Свадьбы Фигаро» успех сопутствовал и другому выступлению. Театр был переполнен, и опять раздавался гром небесный, когда после каждого номера рукоплесканиям не было конца. После концерта толпа стояла у задне-

го выхода из Ностицова театра. Студенты вот-вот уже готовы были выпрягать лошадей из экипажа, чтобы самим отвезти Моцарта до Тунова дворца, и было их, рослых юношей, предостаточное количество. Но тут страстно засопровтивлялся важный кучер, старый крикун.

Он советовал всем вспомнить, каково это расстояние: на Каменный мост, по длинной Йезовицкой улице. Да они и на половине пути уже задохнутся! Вот сейчас он их разгонит горящими факелами, чтобы, наконец, убирались с глаз долой! Хохоту было предостаточно.

Всё же молодёжь подчинилась брюзге и отказалась от своего намерения, но как только появился Моцарт, снова поднялась волна бушующего восторга и криков, снова сияющие глаза маэстро оглядывали толпу, возвращая ей любовь, которую от неё получал. Карета рванулась с поворота Каролинской площади и растаяла в воздухе, как сказочная.

На завтра Прага имела темы для обсуждения. Каждый мечтал заполучить маэстро в своём доме, посмотреть на него вблизи, если повезёт, дожидаться чуда – и он поиграет у них на клавире, как уже делал это во многих других местах, дворцах, дворянских и простых мещанских семьях. Конечно, во многом здесь была заслуга Франтишка Душка, знаменитого Пражского клавириста.

Душек происходил из совершенно простой семьи, был, что называется, простолюдином. О таких судачат, что у них «солома торчит из ботинок». При этом он был другом самого

Моцарта! Душек, родившись в «соломенной хижине», стал превосходным музыкантом, буквально лицом артистической Праги.

Скромность, рассудительность и, пожалуй, мудрость, ему присущие, помогли войти музыканту в круг самых высоких музыкальных деятелей. Обезоруживали его огромный талант, прекрасное владение клавирным искусством, просто по-человечески хороший характер. Душек – лучший клавирист в Праге, поэтому было модно «брать часы», т.е. уроки, у пана Франтишка Душка, слово его ценилось на вес золота.

Так и получилось, что когда Душек объявил, что Моцарт, возможно, приедет в Прагу, послушать своего «Фигаро», все были убеждены, что так и будет, обязательно приедет, раз Душек сказал. И вот – Витасек забегал, утепляя все хоры, потому что трещали морозы. Студенты с радостью в глазах готовы распрягать коней и сами везти маэстро из театра до Тунова дворца, новости на другой же день разлетаются по Праге.

Те, кто позволяют себе надеяться, что Моцарт посетит их, усилили свою деятельность в этом направлении, дабы возлюбленный маэстро непременно к ним пришёл. Но вот уже пронёсся слух, что Моцарт скоро собирается назад в Вену, и вероятность эта весьма озадачила графа Пахту. Всё-таки Моцарт обещал сочинить танцы специально для его капеллы, но до сих пор не написано ни строчки. При встречах в обществе Моцарт всё только отмахивается рукой, смеётся и го-

ворит:

«Это такие пустяки, пан граф. Получите их так быстро, что сами удивитесь».

Но танцев на бумаге всё не было. Они, возможно, кружили где-то вокруг Моцартовой головы, потому, что на этот мясопуст 1787 года повсюду танцевали и плясали, и шагу не ступишь, чтобы маэстро куда-то не завлекли. Вот граф и решил, что надо заполучить до Моцартова отъезда эти обещанные танцы, во что бы то ни стало.

— 4 —

Во дворец Туна пришёл посыльный с письмом для пана Моцарта и его супруги пани Констанции с приглашением на обед во дворец графа Пахты на Аненской площади. Радые будут познакомить господ с коллекцией гравюр и картин, а также представить после обеда капеллу, что много раз уже предлагалось, но из-за других событий до нас, к сожалению, дело пока не дошло. Пан граф почитает за честь пригласить пана Моцарта уже к одиннадцати часам утра, а ещё лучше к половине одиннадцатого, чтобы иметь достаточно времени до прихода гостей для осмотра галереи. Моцарт подал письмо Констанции, та кивнула:

«Конечно, поедем».

И поехали. Поехали в карете графа Туна. Солнце освещало им путь, статуи на Каменном мосту приветствовали улыбками, и тогда Моцарт сказал жене:

«Чувствуешь, как запахло весной? Стоит только появиться-

ся солнышку, и человека тянет на природу! Знаешь, мне эти мясопустовы проказы начали надоедать».

Вот проехали Старомнестские ворота, завернули на узкую улочку против Старомнестской мельницы и оказались в премиленьком дворе, прямо против балкона. На нём засыпанные снегом амурсы склонили головы к дикому винограду, таинственно оплетающему колонны.

Поднялись по дубовой лестнице, здесь их приветствовал свет фонаря, горящего в руках у амурчика, который играл с орлом, а немного выше следующий фонарь, зажжённый у другого ангела, одним коленом упиравшегося в львенка. Он занёс над его головой большую палку, будто собрался, как бы в шутку, стукнуть беднягу.

Моцарт заинтересовался этим шутником, толкнул Констанцию, чтобы та тоже обратила внимание на шалости проказника, но тут им навстречу вышел сам пан граф с пани графиней, и все вошли в салон.

Моцартом завладел граф Пахта, Констанцию взяла под руку графиня и сразу увела в другую комнату, посыпались всевозможные учтивости, весёлый дамский разговор. В это время Пахта точно также взял Моцарта под руку и пошёл с ним в свою домашнюю галерею.

Было около одиннадцати. Моцарт любит живопись. Вот он обратил внимание через распахнутые двери на клавир в соседнем музыкальном салоне. Увидел клавир – стал рассеянным, невнимательно слушал, вежливо, но невпопад

кивал головой: да-да, это, конечно, интересно, а ноги его при этом сами собой приближались к инструменту. Так невзначай и оказались возле клавира.

Пахта знал эту Моцартову слабость, потому и двери музыкального салона специально растворил. Моцарт осмотрелся с интересом:

«Что это у вас за произведения на столе?»

Взял, смотрит. Удивился. Лежит разложенная красивая нотная бумага, абсолютно чистая. Что это?

«Вы тоже сочиняете, пан граф?»

«Иногда, при настроении, а как вы догадались? Вас удивили эти чистые листы? Так это приготовлено для вас».

При этих словах сам граф продвигался к дверям, потихоньку пятился, подошёл, обеими руками закрыл их. Моцарт посерьёзней:

«Как это для меня?»

Пахта кивнул головой:

«Конечно. Кто обещал мне в первый же день по приезде в Прагу, написать специально для моей капеллы замечательные танцы?»

Моцарт всё понял. Вот что такое, этот просмотр картин, вот для чего надо было приехать заранее до обеда, чтобы... Спросил напрямую:

«Значит, я ваш узник, пан граф? И как надолго?»

«Это зависит от вас, милый Моцарт. Чем раньше напишете, тем быстрее будете на свободе».

Поклонился и ушёл. Моцарт остался в одиночестве. Поначалу почувствовал досаду. Ну не хочется ему сейчас работать. Подошёл к окну, любуется на Прагу. Сейчас он хорошо видит её снизу, а раньше всегда смотрел сверху. Какая же великолепная градация этих удивительных вековых архитектур. Их язык так могуч, что человек теряет дар речи и может только смотреть и смотреть в изумлении и покорности, как дитя.

На замёрзшей Влтаве играли малыши, строили все вместе снеговика. А старшие мальчишки катались вокруг и сооружали ему на голову венок, руки свои держали при этом возле рта, согревались, наверное, и были похожи на трубачей. Весёлые зимние забавы, размышлял Моцарт, так и побежал бы к ним сейчас помогать ставить снеговика.

Вот только мысль о чистой нотной бумаге всё время торчала в голове. Ещё немного помедлил, походил вокруг широкого барочного дубового стола и несколько раз проделал в пустоту поклоны, затем закружил с правой ноги танцевальными фигурами. Вдруг быстро подскочил к столу, намочил перо, и вот оно уже запело-заскрипело.

Страница за страницей были исписаны мелкими изящными, словно падающими, нотками. Не задумываясь. Прямо с бледного серьёзного лица посыпались цветочки на бумагу. Не слышал серебристого звука напольных часов, отбивших четверть, затем половину, три четверти. Было около двенадцати, когда он дописывал последнюю страницу; допи-

сал и глубоко вздохнул, справился, победил-таки непримиримого врага.

Послышались удары с башни св. Вита. Прозвучал полдень. Двенадцать ударов. За ними заиграли звоны торжественные, низкие. Моцарту казалось, что город с каждым ударом становился всё ярче. Он уже стоял у окна и любовался красотой, детишками, они оставили своего снеговика на Влтаве и разбегаются по домам.

На сей раз Амадей не бросился к инструменту, как делал это в доме у Туна, и не стал сопровождать святовитские часы своим роскошным аккомпанементом. Его охватили воспоминания. В сплетении башен и башенок он нашёл красную луковку на куполе капеллы Тунова дворца.

Вспомнился первый день – приезд в Прагу, и всё, что было потом. Всё было радостно. Искренность и чистосердечие освещали эти дни в белой Праге, и каждый день, как лепесток душистой розы, тихо опадал от дуновения ветра.

Моцарт огляделся. Услышал шаги. Граф Пахта, хотя и прохаживался чрезвычайно тихо, но и тишайший шорох для тонкого слуха Амадея утаить невозможно. И во время разговоров, и в тихой задумчивости он слышит каждый звук и нередко переносит их затем в ноты.

Моцарт встал по стойке смирно и, смешно выпучив глаза, заголосил:

«Вольфганг Амадеус Моцарт, нынешний пленник графа Яна Пахты, позволяет себе доложить, что, находясь в за-

ключении, только что закончил „Шесть танцев“ для капеллы милостивого пана, который стоит как раз прямо за дверью. Смею надеяться...»

Граф Пахта тут же вбежал, подскочил прямо к Моцарту, схватил его за обе руки:

«Маэстро, вы свободен. Хотя, будь моя воля, я держал бы вас всю жизнь. Кто вас узнал, полюбил, каждый хочет иметь что-то ваше на память. Не сердитесь на меня. В конце концов, вы ведь сами мне обещали».

Тут уже входят и пани графиня, и Констанция, и графы Канал, Ностиц, Шёнборн, и его любимый друг Франтишек Душек с графом Кинским, и все направляются прямо к столу. А там красуются страницы, только что написанные и ожидающие лишь музыкантов.

И Пахта удивляет своих дорогих гостей неожиданным сообщением:

«Сегодня вечером я устраиваю замечательный бал, где мы услышим эти самые танцы Моцарта и с удовольствием потанцуем. Я уверен, никто не устоит, и мы будем достойны нашего маэстро, который растанцевал целую Прагу своим милым «Фигаро».

Было весело на том незабываемом обеде в Пахтовом дворце на Анненской площади, пили и ели как в старые добрые времена короля Хольце, и чёрный кофе подавали уже, когда подошло время музыки, как раз в том музыкальном салоне, где отбывал заточение Моцарт.

Музыканты и радовались и волновались. Ну, ещё бы! Наконец-то и они представлены маэстро, гению с тончайшим слухом! Заметит малейшую шероховатость любого инструмента. Сыграли первый кусочек, робко смотрят в сторону Моцарта – и от сердца отлегло. Улыбается, аплодирует, несколько раз даже выкрикнул «Браво, браво!»

Дворец графа Пахты в тот день не собирался засыпать. Долго играли, долго танцевали. Танцы Моцарта и вправду всех подняли на ноги. Закружился в танце и сам маэстро с Констанцией, и тут танцующие незаметно исчезли, образовался круг, и все зааплодировали. Главная пара солировала. Констанция слегка смутилась, покраснелась. Не привыкла быть в центре внимания.

Позже, уже ночью в карете, когда возвращались в Тунов дворец опять по Каменному мосту, она с гордостью вспоминала это своё соло, а Душек, который провожал их, подумал, что надо ковать железо, пока горячо. Он положил руку Моцарту на колено и ласково произнёс:

«Так что, Амадей, останешься у нас?»

ГЛАВА 9. ПРЕМЬЕРА ПРАЖСКОЙ СИМФОНИИ, или МОЦАРТ: VENI, VIDI, VICI

— 1 —

В Ностицовом театре сегодня воздух был насыщен волнующим напряжением. Это было заметно каждому, пришедшему на представление. Виновницей была новая симфония Моцарта. Пришла вся музыкальная Прага.

Регент Святовитского хора Ян Кожелюх, Кухарж, Машек, Душек со своим молодым талантливым другом Витаскем, Канка, да и, собственно говоря, все регенты хоров Праги. Невозможно пропустить такое важное событие, как Европейская премьера новой симфонии.

Ложи заполнены, партер набит, галёрка переполнена.

«А что Моцарт будет играть, кроме той своей симфонии, которую он привёз нам из Вены?»

Седовласые головы в равной мере с молодыми в партере, ложах, на галёрке обсуждают, что здесь сегодня будет. Жаркие разговоры, споры между вокалистами, инструменталистами, студентами, просто поклонниками творчества Моцарта, общий эмоциональный подъём царили в зале, все понимали, что скоро сами смогут играть и петь эту музыку.

Как и все произведения Моцарта, она немедленно разлетится по всем чешским оркестрам, музыкальным домам, будут исполнять её с удовольствием, так как написана она была с особенной любовью к их восторженным сердцам.

«Ну что, Гельде?» – толкнул локтем Витасек друга-медика, страстного любителя музыки, – «как настроение?»

Гельд ответил лишь:

«Как и ты», – и отплатил приятелю, двинув ему локтем в бок. Так обычно проказничали в клементинском кругу в свободное время перед лекциями любимого профессора, с радостью валяли дурака.

«Здесь все наши профессора. Посмотри, вон там Выдра, студенческий любимчик, а там седой аббат Добровский, вот он, с Ностицом. А вон Мейсснер, Цорнова и библиотекарь патер Рафаэль Унгар, и звездочёт Стрнад слез со своей обсерватории и снизошёл до партера, только чтобы послушать новое произведение Моцарта».

«Приятель, ты слышал, что произошло вчера после репетиции симфонии?»

Гельд покачал головой и вопросительно посмотрел на темпераментного Витаска; тот с азартом рассказал:

«Это просто сказка какая-то! Представь себе, Моцарт написал арфисту Цопанку тему, специально для него сочинённую. Он услышал его игру в «Новом трактире», когда там обедал, представился ему и поинтересовался, сумеет ли

Цопанек сделать вариации на тему, которую он, Моцарт,

ему сыграет. Цопанек согласился, Моцарт повёл его наверно в гостиную, там сыграл на клавире тему – а Цопанек-то у Моцарта и выиграл! Наколдовал на своей бродяжьей арфе семь шикарных вариаций, так, что сам Моцарт был потрясён его музыкальным талантом.

Маэстро угостил его как следует да ещё сунул в руку дукат. Цопанек показывал тот Моцартов листочек с нотами, бережно сложенный, словно амулет, пану регенту Кожелюху вчера вечером в трактире «На уголке», но из рук не выпускал, ни за что. Это теперь его талисман, ангельское послание только для него Моцартом созданное. И будет он теперь с ним ходить среди людей, пока жив будет.

Но сыграть эту Моцартову тему для пана регента Цопанек тут же согласился с радостью, почему бы ни поиграть знаменитому музыканту и композитору! И сыграл со всеми семью вариациями.

Кожелюх нам об этом рассказал после мессы у святого Вита: вот какой Моцарт кавалер, да какое у него золотое сердце, как преклонился он перед простым нищим бродягой и общался с ним как с ровней, как с братом-музыкантом.

Ну что ж, гений и должен таким быть. Всем себя отдаёт, и все его любят, потому что чувствуют его искренность и его любовь».

«Посмотри-ка, а вон там и Цопанек!»

Вся компания друзей-музыкантов и студентов повернулась и стала смотреть на угол галёрки, где, держась за желез-

ную колонну, стоял странствующий бродяга – музыкант Цопанек, арфист Хёсслер. Как замороженный, смотрел он в оркестр, ожидая появления Моцарта.

«А сколько Цопанку лет?»

«Никто не знает. Этот человечек, опалённый ветром, солнцем обожжённый, он стал частицей матушки-Праги. Повсюду его встречаешь, и всегда он улыбается, чудак, будто принёс какое-то радостное известие для тех, кто согласился его послушать».

Витасек продолжал:

«Однако красиво говорит Цопанек: „Ангельский подарок Моцарта буду носить с собой всю жизнь“. Друг мой, это не простые слова, не болтовня, старик знает, о чём говорит. А Моцарт сразу понял, для кого свою тему написал».

Тут раздался взрыв аплодисментов. Это Цопанек подал знак. Так встречали Моцарта, выходящего к оркестру. Театр рукоплескал, особенно надрывалась галёрка со студентами: Виват, Моцарт! Наконец, всё затихло.

– 2 —

Моцарту пришлось протянуть обе руки к публике, как бы с просьбой, чтобы перестали аплодировать, дескать, пока не за что, потом повернулся к оркестру, взял в руки дирижёрскую палочку, лежащую на пустом пюпитре.

«Будет дирижировать наизусть», – зашептал Витасек Гельду, – «вот это голова!»

Тишина. Сосредоточенность. Значительность. Страсть.

Напряжение. Моцарт поднимает руки, взмах над головами замершего в готовности оркестра. Раздались первые звуки Пражской симфонии.

Сквозь облака пробился золотой луч солнца – так победоносно на торжественном дыхании заиграли взволнованные музыканты, вытягивая смычками долгий волшебный звук, гордые своей миссией, донести до людей первое исполнение новой симфонии, которую Моцарт специально привёз в Прагу, и которую между собой народ уже окрестил «Пражской» симфонией.

После медленного вступления темп сменился. Музыка, как быстрая горная река, бойко перепрыгивая через камешки, весело ринулась вперёд, увлекая всех зажигательной мелодией. Так земля пробуждается весной, распевая гимн радости и благодарности за то, что снова светит солнце, поют птицы, расцветают цветы. Зал замер – муха не пролетит. Никто даже не закашлял.

Вот такую публику Моцарт любил, она вдохновляла его. Оркестр сливался с ним в идеальной гармонии, играл с большим чувством, играл так, что послушать – одна радость.

Вторая часть – прелестные раздумья, светлая, шутивная, по-детски наивная и доверчивая, как широко раскрытые глаза невинного дитя, изумлённого красотой мира, которую раскрывает перед его чутким сердцем послание ангела. Но вот после свободного просветлённого наслаждения снова зазвучала живая темпераментная тема.

Духовые перекликаются со струнными, весело спорят и дополняют друг друга, говорят одновременно и стремятся обогнать. Так дружно и весело добежали до конца «Пражской» симфонии. А вот и торжественное заключение. Минута значительной чудесной тишины.

Моцарт поворачивается к публике и кланяется. Симфония закончена, господа. «Пражская» симфония обрела своё чешское крещение. Публика вышла из оцепенения и началась бурная овация. Шквал аплодисментов всё нарастал. Но вот всё стихло. Ждут, что будет дальше.

Работники сцены выкатывают из-за кулис клавир, расставляют вокруг него три пульта. Сейчас будет квартет, догадывается галёрка. И вправду, выходит Моцарт, за ним скрипач Хофер, виолончелист Куба и ещё один известный скрипач Стеглик, артист театрального оркестра.

Витасек изумлённо зашептал Гельду:

«Посмотри, опять никаких нот на пюпитре, снова будет играть наизусть. Вот это – да...» – только покачал головой, а Гельд уже толкает его под рёбра, чтобы посмотрел вниз на Моцарта, который поднял руки над клавиром, что означало – квартет начинается.

После квартета околдованная публика аплодирует, снова поклоны, и опять волнующее ожидание – что ещё? Выходят певица Мицелёва и Моцарт. Исполняется для жаждущих зрителей песня на стихи Гёте «Шла дивчина за лучиной».

Поёт по-немецки о короткой жизненной истории фиал-

ки, которую Моцарт запечатлел в звуках так, что нельзя забыть; пусть девушка растоптала её, но будет она цвести вечно. Все сочувствовали бедной фиалке, мягкие улыбки кружили по губам.

Когда же закончилась песня, тишина в зале стояла ещё дольше, чем после симфонии, будто та фиалка прямо здесь появилась, и нежный её аромат заполнил собой весь Ностицов театр. Моцарт, опустив голову, сложил руки на коленях.

Да и Мицелёва забыла на сей раз, как она привыкла, закинуть голову назад, закрыть глаза в ожидании бурной овации; даже эту избалованную примадонну обезоружила скромная Фиалка и превратила её на момент в простого человека, сделав от того ещё прекраснее.

Это были другие аплодисменты, нежели после симфонии и квартета. Спокойные, но более сердечные, чтобы фиалку не спугнуть. Она расцвела здесь в зрительном зале и покорила сердца всех, кто в этот холодный вечер пришёл на концерт, всколыхнула мечты о весне, благодаря Моцарту и Мицелёвой. А те скромно поклонились и ушли, и только память о фиалке продолжала оставаться на сцене в ожидании следующего номера.

А что будет следующим номером?

«Моцарт, должно быть, сейчас будет играть один», – переговаривались люди на галёрке.

Угадали. Театральные работники убирают стулья с пультами, выдвигают клавир на авансцену. Выходит Моцарт.

Опять без нот. Руки свободны, окрылённый, просветлённый, будто не от мира сего. Садится к клавиру, отодвигает подальше стул, расправляет манжеты на рукавах, опускает голову и начинает.

Зрители затаили дыхание, так тихо он начал. И правда, какие-то потусторонние звуки выходили из-под его рук. Простенькие, спокойные, и нельзя от них отвлечься, вбирай их в себя, человек, хочешь, не хочешь, душа твоя возрождается в этой красоте, ласке и нежности, так мать поёт тёмной ночью любимому дитя, чтобы успокоить его.

— 3 —

Тихие и нежные звуки сменяются значительными мощными аккордами. Могучий хорал снизошёл на землю, как напоминание людям, чтобы жили в любви, не затаптывая один другого. Звучание всё нарастает, руки Моцарта распевают, клавиры — это уже не клавиры, это целый оркестр. Зрители невольно сжимают руки в сильном возбуждении: невозможно, чтобы человек так играл. Тем не менее, это правда.

Доиграл, встаёт и смотрит в зал. Можно аплодировать. Но это мало сказать — аплодировать. Мы должны кричать от восторга. Бежать бы к нему, чтобы прикоснуться, стиснуть в объятьях, пожимать ему руки, хотя страшно дотронуться до этой бледной руки, страшно поранить её крепким пожатием. Она белая, как цветок лилии, и красота, которую она создаёт — поистине, райская, как в библии или в детских сказках.

Овации, однако, продолжают, как никогда. Моцарт играет ещё добрых полчаса, и никто не устал слушать, напротив, просят ещё и ещё, господа, это так прекрасно, ну когда ещё в жизни представится возможность послушать такую красоту. И потому руки аплодируют снова, выражая Моцарту благодарность и просьбу продолжать играть.

Опять садится и играет, чем дальше, тем больше очаровывает. Снова требуют, и снова садится за инструмент. Сел, всё стихло. Опустил голову. У него была такая привычка, прежде чем начать играть, опускал голову, собираясь с мыслями перед первой музыкальной фразой. Полная тишина, как в храме.

Вдруг – выкрик из зала:

«Из Фигаро!»

Моцарт повернул голову в сторону кричавшего, увидел на лицах улыбки. Тут, наверно, где-то и пекарский подмастерье, вон там, на галёрке, держится за железные перила. Ух, сколько там людей, как пчёлы в улье. Моцарт тоже заулыбался, кивнул головой, и ещё глядя на публику, как бы разговаривая с ней, опустил руки на клавиши, и зазвучала любимая тема пражан «Non più andrai...».

Мелодия несложная, все про себя подпевают, губы шевелятся.

Когда же ария закончилась, Моцарт сделал маленькую паузу. И вот побежала первая вариация. Десять пальцев – десять птичек. После каждой вариации – пауза, ведь когда

птичка поёт свои песенки, она делает остановки, чтобы отдохнуть.

И во время пауз в зале гробовая тишина. Он играет сейчас для того ученика пекаря, и не только для него, для всех, кто его любит. Слушайте, это музыка для вас, чтобы поднять ваш дух и пробудить в сердцах чувства и понимание смысла жизни. Вся публика в эти минуты была единое целое: один слух, один взор, одна душа.

Он всегда мечтал о том, чтобы его искусство объединило людей в единой гармонии. Красота принадлежит не только избранным, но всем. Чтобы сильный не затоптал слабого, не ударял его по рукам. Чтобы толстый не притеснял худого, а весёлый старался ободрить и рассмешить грустного, чтобы глаза заблестели, просветлел взгляд. Во время исполнения глаза на галёрке блестели так же, как и глаза в ложах под ними. Он играл для них с удовольствием, чтобы все разошлись по домам с радостным чувством в душе.

Он словно говорил: земля прекрасна и добра для всех, и у каждого есть сердце, слышите, люди, душа есть у всех, говорю я вам.

Зал не дышит. Моцарт очень любил это и всегда требовал такого отношения к своим выступлениям. Людские сердца должны получить то, что он им посылает от своего сердца. Ему не кричат, как другим, чтобы играл потише, в ложах не играют в карты, как было принято в те времена в светских театрах...

Моцарт доиграл. Последняя вариация – настоящая симфония с танцами и песнями. Всё поёт, танцует, а проказник-Фигаро дирижирует балом. Улыбки озаряли театр ярче, чем пылающие свечи. Встал, кланяется. Низко поклонился.

И публика встала с мест, выкрикивают хвалебные слова, чешский, немецкий, итальянский – все языки смешались. Топот, ликование, размахивают руками. Цопанек трёт глаза, из них текут слёзы. Витасек, Гельд, хористы, оркестранты, студенты, ложи, партер – всё бурлит, все что-то высказывают Моцарту, а его голова поднялась, и тут все близстоящие были поражены, увидев в его глазах слёзы.

Слёзы Моцарта, радостные слёзы. Он был понят, наконец-то. Его мечта быть понятым не горсткой избранных, а всеми людьми без разделения, она сбылась. Он играл для всех, всех любил, все казались ему красивыми и добрыми, как сама музыка. По нему было видно, что больше он играть не будет.

Да и просить об этом уж было не возможно, он один играл больше часа. Но сколько он им подарил за этот час! Это было как возрождение, ладони не прекращали аплодировать, никто не хотел уходить в тёмную ночь, в занесённые снегом улицы, в застывшие дома. Они будто побывали в раю, на Моцарта смотрели как на ангела, который приподнял с глаз серый занавес и показал красоту мира, не только внешнего его лица, но и близость человеческих сердец.

Моцарт с огромным трудом пробирался в свою артисти-

ческую уборную. По пути ему все пожимали руки, обнимали, целовали. Работники сцены пробирались к нему, хотели хотя бы дотронуться, а он всем подавал руки, как друзьям, он всегда считал театралов своей семьёй.

Высшее общество не принимало их в свой круг, пренебрегало, считая комедиантами, низшей кастой. Но сами-то они знали себе цену... Наконец, он добрался, упал в кресло, покрасневшийся как рак.

«Вы в таком состоянии не можете пока уезжать, маэстро, как бы вам не простудиться», – склонился капельник Стробах над обожаемым артистом с отеческой заботливостью.

Тут же появился театральный служащий с полотенцем и сухой чистой рубашкой, чтобы переодеть победившего воина после утомительного боя.

Моцарт сопротивляется:

«Я не сахарный, не растаю», – но ведь и не железный, и придётся подчиниться оздоровительным процедурам, как послушному дитяти. Стробах обо всём позаботился. Он знал, что гении витают в облаках и часто забывают о своём здоровье, а им не много надо, чтобы расхвораться.

Тут подоспел Гвардасони с посланием от графа Туна: мол, Констанция едет с ними к Ностицам на Кампу, и что маэстро может приехать туда с капельником Стробахом и с Кухаржем, что их всех там ждут, и чтобы они поспешили, чтобы не умереть от голода. На улице страшный холод, «не дай Бог, вы у нас тут простудитесь, мне тогда мои пражане намылят

голову за то, что я так плохо о вас забочусь».

Моцарт ещё немного посопровтивлялся, промычал что-то и позволил, наконец, делать с собой всё, что хотят. А что ещё ему оставалось? В глазах окружающих он видел столько любви и преданности, искренности и сердечности, что не покориться было невозможно.

А в это время толпа поклонников собралась у служебного входа в ожидании выхода артистов. Это был огромный живой венок из возбужденных личностей, мечтающих лишь об одном: ещё разок сегодняшним вечером увидеть Моцарта и пожелать ему доброй ночи.

В первых рядах седовласые хоровики, за ними студенты, музыканты, а в самый уголок втиснулся Цопанек. Ну, как же без него? Этот венок из восхищённых граждан расположился вокруг Туновых саней, ожидающих пана Моцарта по распоряжению пана графа.

Привратник с важностью оглядывал толпу. А как же иначе, он сейчас был весьма значительной фигурой, ведь именно он подаст знак, когда появится Моцарт. Вот он подкручивает свои гусарские усы, вот вздрогнул, быстро обернулся и поклонился.

Это вышел Моцарт. Как только появилось его лицо в мерцающем свете факелов, зазвучало громкое: «Vivat, Mozart», «маэстро Моцарт», шляпы подбрасывают, сверкают парики, а он придержал шаг, тоже приподнял шляпу, чёрную, отделанную золотом, повернулся на все стороны вполне молод-

цевато, его ясный искренний взгляд одарил каждого своим сиянием.

Цопанек в углу распрямылся. «Вдруг он меня узнает? Но как ему вспомнить убогого бродягу, каких тысячи на свете? Что ты о себе думаешь, ты, посмешище для мальчишек? А, вот узнал он меня!» Цопанек обрадовался, Моцарт улыбнулся ему по-дружески и даже поприветствовал взмахом руки.

Той самой ангельской рукой, которая только что так волшеб­но играла, что у людей перехватывало дыхание. Цопанек поклонился. Но Моцарт уже залезает в сани, с ним Стробах и Кухарж, и кучер закутывает их овчинными шкурами, а вокруг всё шумело: Доброй ночи, маэстро, спокойной ночи! Спасибо, тысячекратное спасибо!

Моцарт уже из саней поклонился и прокричал:

«Спасибо вам сердечное, милые друзья, спасибо! И вам также доброй ночи. Вы сами не знаете, как осчастливили меня сегодня вечером», – сказал, и сани поехали.

– 4 —

Привратник с ворчанием достал ключи от ворот и пошёл их запирать. Ему было жаль, что всё так быстро закончилось, хотелось, чтобы праздник продолжался, опять он останется один в своём гнезде с котом. На глаза навернулись слёзы.

Увидел на воротах большую афишу. О, это уже кое-что! Снял её, поворчал немного на кота, чтобы и не мечтал поваляться на ней, поругал, но не слишком сердито, и скорее по-

бежал к толпе поклонников, ещё не успевшей раствориться в белой ночи.

Смотрите, здесь есть что-то интересное для вас, господа! Бородач специально прикрывал текст широкими рукавами своего старенького тулупа, чтобы не смогли сразу прочитать.

Шустрый Витасек первым раскрыл тайну и прокричал победоносно над толпой, словно протрубил в фанфары:

«Сам Моцарт будет завтра вечером дирижировать „Фигаро“!»

Привратник загордился, заважничал, будто в этом была его заслуга.

Наслаждался сенсационной новостью, взволновавшей всю толпу, которая задержалась здесь всего на минуту. Это была настоящая награда для старика, вот и на него упал кусочек от луча славы, принадлежащего пану Моцарту.

Народ небольшими группами расходился, тут и там слышно было, как обсуждают чудесный вечер, и никому не хотелось идти спать. Витасек говорит Гельду:

«Ты заметил, как он приветствовал Цопанка? Он, Моцарт, почти Бог, а вовсе не на небесах, а с нами на земле. Как бы я хотел познакомиться с ним! Что бы я только за это ни отдал!»

Гельд обещает ему:

«Встретишься ты с ним, вот увидишь. Пан Душек тебе поможет, ведь ты его ученик, а Моцарт, я слышал, очень его любит».

Витасек, немного успокоенный, пробормотал про себя:

«Я и сам на это надеюсь. Да, приятель, так играть – это уж что-то нечеловеческое, это чудо какое-то. Как я теперь прикоснусь к клавиру после сегодняшнего вечера? Не знаю, не знаю, не знаю. Эти прекрасные несколько дней будут мне освещать всю мою жизнь, как Вифлеемская звезда. То, что я делал до сих пор – это было ничто, первые неуверенные детские шажочки. Вот теперь я начну по-настоящему. Ты вспомнишь мои слова!»

Они зашагали по белой улице вниз к Малой площади и исчезли, занесённые снегом.

Моцарта встречали у Ностицов с распростёртыми объятьями. Такое могло лишь во сне присниться, однако, всё было явью – руки-то стонали от пожатий по-настоящему.

В ответ восторгам, которыми его осыпали, он рассказал:

«Что я? Да ничего, всё это само собой разумеется, а вот публика меня покорила, просто взяла за сердце. Потому я так и разыгрался. Когда я был ещё маленьким ребёнком, я сочинил одно очень сложное произведение, над которым мой отец долго размышлял, а потом сказал, что будет чудо, если сможет кто-то его исполнить.

В моём же детском представлении чудом был сам концерт, но одного этого было мало, должно быть два чуда: одно создаёт тот, кто играет, а второе чудо – публика на концерте. Вот сегодня вечером я, наконец-то, пережил такое чудо. Лучший вечер в моей жизни.

Полное единение с публикой. Общее чувство, общее понимание. Потому я играл так радостно. И готов играть заново! Да-да, я чувствую себя полным сил, таким свежим и бодрым, как после прогулки по лесу. Могу сейчас же продолжить играть, хотите?»

Ностиц обрадовался:

«Какой вы милый, Моцарт! Не заставляете себя упрашивать, сами предлагаете, опережая наши просьбы».

Моцарт ответил:

«Конечно, потому что для меня самое большое удовольствие – играть. Я счастлив, когда могу играть. Мои пражане меня понимают. Я говорю, мои, сегодня вечером я чувствовал, что меня любят, что я им принадлежу. Это не был для меня обычный концерт, это было семейное торжество. Я могу только повторить: мои Пражане меня понимают».

Стробах переглянулся с Кухаржем. Их глаза сладко сощурились, будто они только что пропустили по бокальчику хорошего вина. Оба предвкушали, как назавтра станут всем подряд, друзьям и знакомым, рассказывать об этих словах маэстро, чтобы к вечеру субботы вся Прага знала, как о них рассуждает Моцарт.

Долго за полночь горел свет в окнах Ностицова дворца на Кампе, клавир звучал под пальцами Моцарта, радуя внимательных слушателей новыми красотами. И хотя они имели сегодня так много музыки, они хотели ещё и ещё, продолжения фантазий гения, обладавших необыкновенной волшеб-

ной силой.

Когда Моцарт закончил играть, стал собираться к отъезду во дворец Туна, граф Ностиц подошёл к клавиру и произнёс торжественно:

«Я запираю этот клавир навечно. Никто другой не будет удостоен чести дотронуться до его клавиш, так как не сумеет заставить его звучать так красиво, как вы, маэстро Моцарт».

Он взял золотой ключ и запер замок. Белый клавир с золотым орнаментом стал теперь заколдованным музейным красавцем.

Стихли слова прощания, гости расселись по саням, а музыка Моцарта продолжала звучать в ушах и отзывалась перезвоном колокольчиков в опустевших улицах спящей Праги.

Утром она узнает, какие радостные слова произнёс о ней Моцарт, слова, которые никогда не забудутся, их станут передавать из поколения в поколение:

«Мои Пражане меня понимают!»

ГЛАВА 10. МОЦАРТ ПОДПИСЫВАЕТ КОНТРАКТ НА ОПЕРУ ДЛЯ ПРАГИ

— 1 —

Вся Прага уже говорила об этом. Где бы Моцарт ни появился, всюду его начинали спрашивать: «Говорят, вы собираетесь писать оперу для Праги, это правда?» – «Как мы рады этому, вы себе не представляете!» – «Скорее бы!» – «А что это будет, о чём? Как эта опера будет называться?» – Моцарт в ответ только улыбался.

Где-то обронил несколько шуточных слов, иногда просто пожимал плечами, мол, пока ещё не знает, что это будет, и как эта опера будет называться, но что было точно, он этих слухов не опровергал. Оперу для Праги напишет, причём с большим удовольствием, потому, что Пражане его понимают, как никто во всей Европе.

«Я обязан вам непременно ответить, за эту любовь вы получите от меня на память оперу, чтобы вспоминали меня всегда добрым словом, так же как и я буду вас вспоминать. Мне было здесь так хорошо, всё время чувствовал себя как дома».

Весь этот шум вокруг обещанной оперы поднял Гварда-

сони. Там и сям он делал намеки, где-то недосказал, где-то сделал многозначительное лицо, многообещающе повёл глазами, подавая понюшку, а так же себе, набивая с аппетитом мохнатые ноздри, интригуяюще кивая и кряхтя: «Вот видите, это – правда, будет опера от Моцарта, это уже всем известно!»»

Чем больше об опере говорилось, тем веселее становился Моцарт. Он наблюдал за Гвардасони, понимая, что для патрона эта суета – хорошая реклама. Гвардасони в ней нуждался и получил её без особого труда. Ну, где бы он нашёл лучше, не заплатив притом ни гроша! Бондини тоже потирал руки и, подсчитывая вместе с Гвардасони скудную кассу, надеялся, что новая опера Моцарта обеспечит им весь будущий сезон.

При любом удобном случае Гвардасони старался поговорить с Моцартом, суетился и прыгал вокруг него, панибратски похлопывал по плечу, говорил ему любезности и при этом поглядывал по сторонам, видит ли публика, как запросто он с маэстро, самим создателем «Фигаро». Когда же Моцарт отходил в сторону, говорил окружающим:

«Уже ударили по рукам, он сделает, как я ему скажу, ну, вы ведь видели, как мы с ним поладили?»»

И так день за днём, чем дальше, тем больше разговоров, так, что даже граф Ностиц, покровитель народного театра, однажды спросил у Гвардасони напрямую:

«Что, контракт уже подписан?»»

И тот, с огромным подобострастием прижав руки к груди, произнёс:

«Что касается меня, я готов в любую минуту его подписать. Ждём только маэстро. Не хочу его торопить, пан граф, вы понимаете, он же не от мира сего, гений, ни о чём не беспокоится человек, и окажусь ли я кстати с этими разговорами!»

Граф Ностиц передал эти слова Моцарту, оба долго смеялись. Они хорошо понимали друг друга. И вот дело дошло, наконец, до встречи заинтересованных лиц в репетиционном зале Ностицова театра. Когда Моцарт с капельником Стробахом вошли в зал, их уже ожидали импресарио Бондини и главный режиссёр Гвардасони, оба в приподнятом настроении.

После нескольких учтивых вступительных фраз, сели, и Моцарт сразу приступил к делу.

«Господа, я столько уже слышал о своей новой опере, что у меня возникло ощущение, будто она уже написана».

Это весёлое вступление сразу задало приятный тон предстоящим переговорам, к ним и приступил прекрасно сыгранный квартет действующих лиц. Гвардасони, конечно, пытался играть первую скрипку, Бондини ему дипломатично подыгрывал, но Моцарт в ответственную минуту перехватил инициативу, и Стробах по-капельнически, хоть и в роли альтя, его решительно поддержал.

Гвардасони начал расхваливать оркестр, дескать, каж-

дый там стоит двоих, но Моцарт перечислением музыкантов и сплошной похвалой не удовлетворился. Он попросил усилить группу виолончелей и добавить ещё одного гобоиста, а также подчеркнул, что подробно будет обсуждать оркестр уже осенью, а пока только в принципе. Его пожелания относятся к выравниванию красок и к уравновешенности звуковых сил.

Что касается профессионализма оркестрантов, он не вызывает сомнений.

«А теперь к делу. На каких солистов я могу рассчитывать?», – спрашивает Моцарт.

Гвардасони вытащил, было, свою табакерку, но как только прозвучал этот вопрос, начал крутить её между пальцами и выразительно поглядывать на импресарио Бондини, имея в виду, что ведущий директор доложит об этом сам.

Кроткий, интеллигентный Бондини замурлыкал своим театральным баском, красиво, неспешно распевая что-то вроде речитатива-сессо:

«Весь ансамбль нашей труппы полностью к вашим услугам. Никто не уходит, все подписали контракт. Знаете, им у нас хорошо».

Гвардасони вставил:

«Ещё бы, это лучшая коллекция оперных виртуозов в Европе».

Бондини продолжал:

«Так, например, у нас есть сказочное высокое драматиче-

ское сопрано, красавица, достойная кисти самого Рафаэля, Тереза Сапоритиова. Вы её знаете, так же, как и роскошную Катерину Мицелёву, не менее знаменитое сопрано, ну и моя жена Катерина».

Моцарт поклонился и произнёс «брависсимо!». Бондини после этой конфетки продолжал перечислять дальше:

«Потом, восхитительный баритон Луиджи Басси – за ним дамы готовы бежать на край света, затем, вы его знаете, Моцарт – волшебный тенор Фелицио Понзиани и не менее знаменитый Баглиони. На вторые роли у нас есть несколько превосходных певцов и певиц. Как видите, в вашем распоряжении будут все лучшие наши силы, и это само собой разумеется».

Моцарт:

«Как насчёт хора?»

«И хор будет у вас, маэстро, какой пожелаете. Просто-напросто, имейте в виду, что ваша опера будет открывать осенний сезон в Праге, вы ведь поняли, пражане питают особую слабость к музыке Моцарта».

«А также к красивым декорациям и костюмам», – снова вставил словцо Гвардасони.

На этом он встал и подошёл к Моцарту:

«Мы обо всём замечательно поговорили, а сейчас давайте-ка напишем контракт, это всё гораздо лучше выглядит, когда чёрным по белому».

Гвардасони уселся за древний позолоченный стол и на-

чал писать контракт, по которому Моцарт обязуется за вознаграждение в сто дукатов написать для пражского Народного театра новую оперу к открытию осеннего сезона.

В процессе писания он высунул кончик языка и прикусил его в уголке рта, так сильно старался, а когда закончил, торжественным голосом этот контракт зачитал. Затем обмакнул перо, сбросил с него каплю чернил и протянул его Моцарту:

«Пожалуйста, поразборчивее. Вы пишете гениально, но подчас так непонятно, что сам чёрт не разберёт».

«Дайте-ка мне прочесть», – Бондини берёт контракт в руки и сидя в вальяжной позе, покачивая ногой, читает вслух:

«Вольфганг Амадеус Моцарт! Bravo! Мы его получили. Теперь ставим наши подписи».

Бондини пишет, как топором рубит. Всех рассмешил Гвардасони, который стоит и торжественно, по-царски готовится к подписыванию. Стробах поставил подпись прямо под Моцартом, по-капельмейстерски.

Моцарт ещё раз пробегает глазами по важной бумаге, а Гвардасони уже позванивает приготовленной песочницей и посыпает свеженький текст искрящимся порошком, при этом любителю на свою работу, ведь в каждое слово он вложил свою душу.

«Basta», – сказал Моцарт, что означало точку, поставленную в этом мероприятии. В память об отце он взял это «basta» и всегда повторял его в своей жизни, как заклинание.

Отзвонило полдень. Красивая четвёрка элегантных мужчин вышла из Ностицова театра на Каролинскую площадь. Гвардазони и Бондини по пути ещё несколько раз пытались высказать всякие пожелания, вроде того, чтобы Моцарт не забывал, выбирая сюжет для либретто, о великих традициях итальянской оперы, и много ещё подобной чепухи, так, что Моцарт с отсутствующим видом отделялся незначительными фразами, вроде «конечно, понятно, посмотрим, буду иметь в виду»

«Есть ли у вас представление, как опера будет называться?»

«Мне Да Понте предложил три темы. Я ещё не знаю сам, которая из них будет оперой. На одну я имею вид, но не уверен, будет ли это именно она. Будем ещё обсуждать, договариваться. Как только с Да Понтем решим этот вопрос, я тут же вам напишу. Будем держать связь через переписку. Я сам заинтересован не создавать для вас технических трудностей».

Подошли к трактиру «Под гроздьё чёрного винограда». Тут как раз остановился наёмный экипаж, из него выходит некий господин и расплачивается с кучером. Моцарт поинтересовался у возницы, свободен ли, и, получив положительный ответ, распрощался с директорами.

Предложил Стробаху проехать с ним за Констанцией, пообедать в «Новом трактире» и потом отправляться прямо к Душкам на Малую Страну.

Гвардасони и Бондини подождали, пока Моцарт со Стробохом усаживались, потом долго махали им вслед, пока экипаж направлялся к Целетной улице.

Ещё не успела карета скрыться из глаз, как Гвардасони уже объявил нескольким попавшимся навстречу актёрам, что «мы только что подписали контракт с Моцартом на открытие осеннего сезона в Праге». И повторил это несколько раз, входя в трактир «Под гроздьё чёрного винограда», да так, чтобы слышали все гости.

Затем прошёл через весь первый зал до следующего, где была биллиардная, и там опять торжественным голосом запел, обращаясь к Басси, сидящему в уголке над чашкой кофе:

«Давай, готовься, Луиджи, Моцарт уже пишет для тебя новую большую партию, осенью будешь петь».

Новость мгновенно облетела Прагу, проникла в дома, во все пражские хоры. Имя Моцарта было у всех на устах, словно и нет у людей других радостей и забот. Моцарт после обеда вместе с Констанцией и Стробохом поехал к Душкам на Малую Страну. Он предполагал, что пани Жозефина уже вернулась из Драздьян, где была на гастролях. Но оказалось, что Душек пребывал в одиночестве, и потому сильно обрадовался гостям.

Когда он услышал новость о подписании контракта, заговорил:

«Я тебе вот что скажу, Моцарт. У меня есть для тебя пред-

ложение, и заранее тебе говорю, послушайся меня, правильно сделаешь, если послушаешься. Приезжай ко мне на всё лето на Бертрамку и пиши там свою оперу. Вот сейчас поезжай, заверши дела в Вене и возвращайся к нам.

Здесь ты будешь работать как в раю. Никто не будет тебе мешать, стол поставлю тебе в саду среди деревьев. Птички распевают, небо голубое, солнышко светит, а захочешь – луну тебе с неба достану».

Моцарт отвечает:

«Как бы это было хорошо, Франтишек, но Гвардасони говорил что-то о служебной квартире, чтобы жить поближе к театру».

«Какие пустяки, привезём тебя в Прагу, когда захочешь. Кучер будет в полном твоём распоряжении. У нас на Бертрамке есть лошади и превосходный экипаж. Говорю тебе, приезжай к нам, скажи „basta“, ну?»

Моцарт посмотрел на Констанцию. Та кивнула в знак согласия. Она ещё раньше слышала и про прелестный сад с цветниками, и что там утки-цесарки, индюки, голуби, короче говоря, настоящая пасторальная идиллия, достойная пера самого Руссо.

«А знаете что, давайте поедем на Бертрамку прямо сейчас. Посмотрим. Всё равно, делать нечего, устроим выезд за город».

– 3 —

Поехали. Колокольчики весело позванивали, лошадки

легкой рысью бежали по санному пути Кармелитской улицы, вокруг храма Милостива Йезулатка к Уездским воротам, через их широкий проезд выехали на красивую снежную природу. Чёрные стволы стройных тополей охраняли путь по обочинам королевской дороги.

Кони, хорошо выезженные, но не привыкшие к дальним поездкам, радостно погнались по широкой каштановой аллее, которая направляется вверх к Бертрамке. Вороны закружили над оголёнными каштанами, их встревожили ржание коней и перезвон колокольчиков.

Сани влетели в гору к воротам Бертрамки. У подножия виноградников – из них торчали только голые жерди с голыми виноградными лозами – на правой стороне воцарился красивый павильон в стиле рококо. Его застеклённые окна сверкали на всю округу, отражая солнечный послеполуденный свет от Вышеграда.

Собака-овчарка выскочила навстречу лошадям и завертелась у них между ног, лаяла и всё пыталась цапнуть. Приказчик встречал сани в воротах, в одной руке держал шляпу, другой грозил собаке, пытаясь её отогнать.

За ним виднелась его жена с корзиной полной зерна для домашней птицы. Она сыпала окружавшим её курам, голубям, индейкам, а руководил всеми распетушившийся павлин со своим роскошным хвостом, украшенным радужными глазами.

Колокольчики ещё позванивали, а приказчик, похло-

пав по шеям коней, подскочил к саням, отворяет дверцы и услужливо приветствует пана Душка, низко кланяется дорогим гостям. Жена его отнесла корзину в угол, схватила метлу и давай скорее сметать снег со ступенек, ведущих на веранду. Душек показывает Моцартам всё вокруг, объясняет, где что находится:

«Вон там, наверху, есть большой сад, и там, в той беседке, ты можешь работать. Не понравится около колодца в тенёчке, выбирай любое место, где тебе захочется».

Вокруг белая красота и тишина, только голуби воркуют в голубятне, а покормленная домашняя птица вторит им. Всё это Моцарту так нравится, почему-то нахлынули сладкие воспоминания детства, как это было замечательно, когда он мог ненадолго выехать на природу, оторвать глаза от нот, окунуться в весёлую загородную жизнь.

Экономка отворила двери на веранду, через которую входят в комнаты. Вся компания с интересом вступила в Бертрамку. Отсыревший воздух пустовавших комнат оживился от запаха Констанциевых духов. Глаза блуждали по венецианским зеркалам, картинам с пасторальными сюжетами, по старинным портретам. Душек говорит:

«Эти три комнаты будут ваши. Здесь у вас гостиная, дальше твоя спальня и кабинет, и комната Констанции».

Моцарт заметил белый клавиесин, засверкавший в потёмках золотым орнаментом, благодаря свечам, которые они переносили из комнаты в комнату, так как жалюзи были на зи-

му опущены. Мигом оказался около него, тут же открыл и взял несколько аккордов. Клавесин затрясся, что-то в нём затрещало.

Так бывает, когда лопнет куколка, и из неё вылетает бабочка – вот так же вылетели красочные звуки, словно крылья только что родившейся бабочки. И тут же в комнате всё засверкало, портреты заулыбались, зеркала засветились, и старый потухший камин с обгоревшими поленьями смеялся, как будто в осиротевшей тишине появилось неожиданное солнце.

Констанция любовалась красивым пологом над широкой кроватью у стены. Глаза Моцарта во время игры – он играл стоя – оглядывали стены, потолок – на нём изображены гроздья винограда, яблоки, груши, виноградные лозы и виноградные листья.

Над угасшим камином стоит бюст – седая голова либреттиста Метастазियो, что свидетельствует о том, что здесь живут люди небезразличные к опере. Моцарту всё тут нравилось, это было видно по его лицу. Вот он перестал играть, вот с удовольствием оглядывает всё вокруг, все безделушки, украшения, и говорит:

«Тишина, восхитительная тишина!»

В этой тишине ещё продолжали дрожать звуки разбуженного клавесина, а Душек уже зовёт Моцарта дальше, посмотреть на зал для концертов. Из комнат прошли через прихожую, вышли на веранду. Экономка открыла железную ре-

шётку, поднялись по ступенькам, открыли замок.

Моцарт заглянул и увидел возле колонны ручку от звонка, тут же схватил её и зазвонил. Раздался весёлый трезвон. Моцарт посмотрел вниз, в окошке маленького домика торчала кукольное личико девочки, увидев Моцарта, она тут же спряталась. Получилась очень милая картинка: по звонку в окне появляется головка, а перестал звонить, и голова исчезла.

Душек пригласил Моцарта и Констанцию в концертный зал:

«Здесь мы любим музицировать по вечерам, ты это увидишь».

Моцарт рассмотрел на стенах картины с батальными сюжетами. Душек разъяснил:

«Нам это нравится. Наперекор выражению „Inter arma silent musae“, будем музицировать всегда и при любых обстоятельствах».

Поманил всех на белоснежную террасу, вывел на воздух и показывает фруктовый сад на пригорке. Между голыми деревьями виднеется каменный стол. Душек объясняет:

«Там беседка, она тебе понравится. Жаль, что столько снега, замело так, что там по колено. Оттуда великолепный вид на Прагу».

Моцарт улыбается, разглядывает следы птиц и зайцев на господском снегу. Почему-то опять вспомнилось детство. А Душек спрашивает:

«Ну, что?»

Моцарт отвечает:

«Я представляю над головой летнее небо, а на деревьях не сосульки, а яблоки да груши. Как, Констанция, тебе нравится, а?»

Та только кивнула, а за её головой раскрылся красочный веер павлина, который внизу покрикивал на раскудахтавших кур.

«Настоящая пастораль, идиллия в духе Руссо», – оценил эту прелесть Моцарт, закутался в зимний плащ и спустился по ступенькам на террасу. Мутное солнце слабо просвечивало через решётку, её орнамент из неувядающих цветов отбрасывал лёгкую тень на снег.

Моцарт остановился, любовался на воздушные тени, на эти цветы, что как летний привет, который посылают ему серые стены, и сказал:

«Что ж, летом, если Бог даст здоровья, буду писать здесь оперу. Да, Франтишек, я буду чувствовать себя здесь как дома».

Ещё раз оглянулся на белый сад, помахал ему рукой и крикнул:

«A rivederci!»

Вышли во двор к саням. Кони уже протоптали в снегу ямы до самой земли, грызут удила, вот-вот побегут. Душек ещё немного поговорил с приказчиком и его женой. Из-за материнской юбки выглядывала та самая кукольная светлая головка, которую Моцарт видел за окном.

Не выдержал, подошёл к девочке, взял её за подбородок. А та уж покраснела, глазки потупила.

«Как тебя зовут?»

Молчит.

«Что, нет у тебя никакого имени?»

Молчит. Мать за неё отвечает:

«Анинка».

«О, как мою сестрёнку. Когда я был маленький, мы жили в Зальцбурге, она была такая же белокурая, мы ездили с неё вместе по свету, и звали мы её Нанерль. Так ты у нас, значит, Нанерль, не правда ли?»

Но куколка не отвечает ни слова, спрятала головку в мамину юбку.

Однако пора садиться в сани. Приказчик широко растворил ворота Бертрамки, кучер зачмокал, и кони выбежали на каштановую аллею. Снова пёс-овчарка побежал за ними, залаял, закружили вороны. Моцарт обернулся, любуясь. Вся в снегу, Бертрамка напоминала рождественский Вертеп.

«До свиданья, до встречи!»

Сани с каштановой аллеи свернули на главную дорогу, побежали тополя вдоль неё по обочинам. Когда подъехали к Уездским воротам, Моцарт ещё раз обернулся. Попрощался взглядом с Бертрамкой и проговорил:

«Спи себе, как заколдованная Спящая красавица, а летом – расцветай, и, Бог даст, надышимся мы твоими цветами досыта, так, ведь, Констанция?»

А Душек:

«Ну, так приедешь? К нам на Бертрамку?»

«Я же сказал, basta!»

Глава 11. ADDIO, MIA PRAGA! ДО СВИДАНЬЯ, МОИ ПРАЖАНЕ! ДО ВСТРЕЧИ!

– 1 —

Как только контракт на оперу для Ностицова театра был подписан, Моцарт уже не имел терпения оставаться в Праге. Всё гнало его в Вену. В эти минуты он думал о Да Понте, в мыслях рассуждал с ним о либретто.

И несмотря на то, что приглашения продолжали сменяться новыми приглашениями, вечера следовали за обедами, кофейные посиделки, горы еды и питья, тысячи комплиментов и поклонов, куда ни войдёшь – все улыбаются, в глазах любовь, но что всё это может значить против ожидающей его в Вене новой работы.

«Здесь меня понимают, мою работу принимают с радостью и без оговорок, а в Вене обо мне ещё многие пожимают плечами, и всё из-за льстивых разговоров итальянских мастеров, которые видят во мне врага. Они исхитряются так ловко плести свои козни перед императором Йозефом, он им верит, и все их проделки выглядят, будто с Величайшего повеления.

Да вот хоть тот же «Фигаро». Исчез, ведь, со сцены неожиданно, якобы, чтобы не замучить певцов и певиц, этих мод-

ных кукол. Они привыкли работать по законам итальянского belcanto, не принимая во внимание драматической правды и развития оперы, так, как я её чувствую, как её провозглашал Глюк. С ним-то считались, потому что был принят в Париже и Лондоне, и сам император не отважился выступить против его авторитета, дабы не прослыть ретроградом».

На каждом шагу Моцарта встречали вопросами об опере, как скоро её можно ожидать. Но хуже всего было с певцами. Каждый хотел добиться особенного отношения Моцарта именно к себе. Напоминали, чтобы не забыл о большой красивой арии для него.

«Вы ведь знаете мой голос, слышали меня много раз и знаете, какие у меня большие возможности, я просто находка для Вашей новой оперы».

Когда Моцарт заговорил об этом вечером у Душков, он смеялся:

«Мне выпало на долю стать чем-то вроде дамского портного. Каждая хочет от меня чего-то изящного, чего нет у других, знаете... нечто экстра... ну, в общем, понимаете...», – и при этом щёлкают пальцами и мечтательно закатывают глаза, – «А главное, получая дамские заказы, я ещё не знаю, какова, собственно, материя, ткань, которую я решу взять у Да Понте, чтобы с ним делать ту обещанную оперу. Однако будь, что будет, но об одном я всё-таки думаю более всего: что смогу, наконец-то, написать оперу, согласную с моим сердцем, так, как я чувствую».

И потом я знаю, что здесь в Праге мне её проведут с любовью и старанием, как «Фигаро», он мне в том порука. Тот Пекарский подмастерье задал мне отличное настроение сразу, как я только въехал в Прагу, и сохранилось оно до этого самого момента, когда настала пора мне с вами прощаться».

«Зато мы будем по тебе скучать, Амадей, не могу тебе передать, как», – сказал Франтишек Душек, – «Ты ведь сам видишь, как тебя Прага полюбила, на каждом шагу встречаешь доказательства этого, и чем дальше, тем больше. Пражане надеются, что у нас ты останешься навсегда. Что скажешь на это?» – Душек с волнением смотрит в глаза Моцарту.

Моцарт смотрит на Констанцию. Она только улыбается. Как ей может здесь не нравиться, ведь всеобщее обожание пражан переносилось, разумеется, и на неё. Всюду её балуют, всюду она занимает почётное место, и не надо работать, не надо заботиться о завтрашнем дне.

Как будто кто-то всё это постоянно так красиво устраивает, что дни улетают за днями в сказочном блаженстве, как лепестки благоухающей розы опадают без забот о том, что всё-таки когда-то упадёт последний лепесток, и останутся торчать одни шипы. Их-то в Вене было гораздо больше, чем цветов.

Моцарт понимал Констанцию. Он ответил дипломатически:

«Осенью снова приедем и уже надолго. Ведь здесь будут разучивать новую оперу. А потом видно будет. Но сейчас на-

до в Вену. Надо раскинуть карты для новой игры и достать рапиры против скрытого неприятеля.

Кто – кого. Если я сейчас останусь, станут говорить, что я их боюсь, а это неправда, ты это знаешь, и потому понимаешь меня, и не станешь обижаться, если я сегодня скажу, нет».

Душек кивает головой:

«Понимаю тебя, Амадей, как я могу обижаться на тебя, ведь твоё творчество так близко моему сердцу. И сказал я, что хорошо бы ты остался у нас навсегда, потому, что не в силах помочь тебе в бою против невидимых интриганов, но могу позаботиться только и только о твоей работе.

И это обязательно случится, я в это верю. Жаль, что здесь нет сейчас Жозефины, что ей не пришлось быть свидетельницей твоего триумфа в Праге. Я всё ей, конечно, буду рассказывать, но всё-таки куда лучше было бы, если бы она могла вместе с нами проживать эти вечера с тобою, для всех нас это была настоящая сказка».

Моцарт уже и не знал, что отвечать, как благодарить, перевёл разговор на другие темы. О работе, о музыке и музыкальных делах в Праге, о публике, о своих переживаниях, о том, что познал красоту и величие чешских музыкантов.

«Они преданы музыке всей душой. Об этом рассказывали мне Мысливечек, Ваньхал, Фиала, Йировец, Елинек и все другие чехи, которых я встречал на своём пути. Их разговоры были наполнены любовью к Родине, заключённой в од-

ном слове: Прага. Теперь я вижу, что такое есть Прага.

Я узнал её во всей её королевской величавости и, за душу берущей, красе. Чехи приняли меня так, как Италия приняла Мысливечка. Именно поэтому я сказал, что напишу оперу Пражанам, чтобы отплатить им за их искреннюю любовь. И не бросая слов на ветер, я уже приступил к работе.

Ну а сейчас нас ждёт ещё много встреч перед расставанием. Всё пойдёт от начала, от Туна, там, в «Железных дверях» так красиво всё началось концертным обедом, потом к патрону театра графу Ностицу, к Каналу, к Пахте – я бы всё сократил в стиле моего отца.

Он, когда торопился, очень коротко высказывался и заканчивал словом *basta*, потому что, если бы ему надо было расставаться с друзьями, как мне с моими Пражанами и танцованным Фигаро, так он не уехал бы до самого *Silvestra*, и опера была бы написана к началу сезона 1788, вместо этого года. *Basta*».

– 2 —

И вот, наконец, подошла минута прощанья с Прагой. Скрипач Хофер едва ли не увяз в заманчивых предложениях, что сыпались ему со всех сторон, но и он уже затосковал по Вене.

Итак, нашу троицу провожали к большому, ожидающему их, экипажу, он стоял у Нового трактира на Целетной улице рядом с Ностицовым театром. Это было не обычное формальное прощанье, что можно было видеть по глазам Яна

Стробаха, Вацлава Праупнера, Яна Кухаржа и Франтишка Душка с пани Жозефиной, которая как раз поспешила вернуться из Држдьян, чтобы застать Моцарта с его любезной Констанцией до их отъезда из Праги.

Откуда ни возьмись – около весёлой компании промелькнула тень Цопанка с его неразлучной арфой. Он прислонился к колонне аркады и смотрел преданными благодарными глазами, время от времени засовывая пальцы в карман жилета, чтобы удостовериться, на месте ли Моцартова рукопись, его драгоценный талисман. Там он, там!

Но смотрите! Моцарт уже надел треугольную шляпу и целует дамам ручки, обнимается с паном Душком, целует его в обе щеки, пожимает руки панам капельникам и всем друзьям. Вот он садится в карету, где уже сидят пани Констанция и тот дорогой гость из Вены, скрипач Хофер.

Пан Моцарт как уселся, нечаянно посмотрел через окошко на аркаду, а там – Цопанек стоит с арфой в дозоре, как на клиросе, шапка в руке, горящий взгляд с надеждой – увидит ли он меня? Ах, он узнал меня, замахал рукой! И уж потом повернулся к своим друзьям и кричит ясным весёлым голосом:

«До свиданья, мои Пражане, до свиданья!»

Кучер натянул удила, кони тронули, а руки машут вслед Моцарту, покотившему к Пражским воротам. Цопанек тоже машет, да так усердно, что и его арфа заволновалась, её струны зашумели – до свиданья, пан Моцарт, до счастливого

скорого свиданья.

Моцарт смотрел через окошко кареты на пражские улицы и прощался с незнакомыми пешеходами, ведь это тоже его публика, его Пражане, любившие его музыку. Вот подъехали к Новым воротам, въехали в проезд, а там лошадки под строгим присмотром кучера помчались весёлой рысью, отдохнувшие и накормленные, только искры отлетают от подков, вперёд, вверх по императорской дороге к Вене.

Моцарт ещё раз повернулся к заднему окошку, он видел серые понурые стены крепости, окружающие этот особенный город без короля, хотя музыка его по-настоящему королевская. Она звучит в гордой величавости простого слова.

Это слово выражает все пожелания Амадея, любовь и веру в него чешских музыкантов, оно так сладко звучит из их уст, когда произносят его на чужбине, а глаза при этом загораются, как при воспоминании о матери.

Слово это – Прага. И Моцарт зашептал тогда тем старым серым башням, что выглядывают из-за стен крепости, прощаясь с автором «Фигаро»:

«Addio, mia Praga, mia bella Praga!».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Соловей на Бертрамке

ЭПИГРАФ:

«Дон Жуан был написан для Праги – большие и нечего сказать, вот такое высокое мнение имел Моцарт о музыкальности Пражан».

«В том же году, 1787, осенью приехал Моцарт, как и было оговорено в его контракте, снова в Прагу и завершил здесь венец своего творчества – оперу « Il dissoluto punito nebolì Don Giovanni».

Чехи гордятся тем, что он распознал и воплотил в музыке, такой возвышенной, черпанной из глубины своего гения, их настоящий вкус в этом искусстве. « Дон Жуан» написан для Праги, больше ничего можно не говорить, сам этот факт доказывает, какое высокое мнение имел Моцарт о музыкальности Чехов».

«29.октября была впервые проведена опера „Дон Жуан“ и с огромным успехом. Вчера игралась в четвёртый раз в качестве моего бенефиса. N.B. между нами: – пожелал бы моим лучшим друзьям, чтобы провели здесь только один вечер и разделили бы со мной мою радость. – Разве что, её поставят в Вене -? очень бы мне этого хотелось. – Здесь всеми способами стараются меня уговорить остаться ещё на несколько

месяцев и написать ещё одну оперу».

Франтишек Немечек: «Zivotopis c. k. kapelnika W.A.Mozarta 1798»

*Из письма Моцарта, написанного в Праге 4. ноября 1787
другу Жакину в Вену.*

Глава 1. Второй приезд Моцарта в Прагу

– 1 —

На этот раз небо было синее, и вокруг всё выглядело радостно. На полях всюду люди, они смотрят на почтовую карету, а из неё, из открытого окна им машет господин, одетый в один лишь жилет, с непокрытой головой, а сбоку от него темноволосая дама.

Почтальон своим рожком не разбудил замёрзшие ворота, как было в январе, в начале года, потому что сегодня у ворот и так было весело, многолюдно и живо, как всегда бывает на конец жатвы, полно возов с урожаем, и прямо перед ними огромная телега с сеном. От него господин с непокрытой головой оторвал кусочек:

«На счастье, чтобы всё прошло хорошо».

И вот перед ними уже стоит таможенник, смотрит документы, разбирает в канцелярских каракулях имена, сравнивает цвет глаз, длину носа, впрочем, не слишком усердно.

«Пан Моцарт, не так ли?»

Но сейчас не вылетела кларнетовая каденция от ворот, и не прошагал пекарский подмастерье с корзиной булочек на голове, всё это лишь промелькнуло в памяти Вольфганга Амадея Моцарта, ибо это был именно он, тот, кто сейчас любовался зеленью на полях и небесной синевой над ними.

А в эту минуту почтальон снова затрубил в рожок, и повозка въехала в Прагу.

Было жарко. Констанция обмахивалась веером и вытирала кружевным платочком лицо. Опять проехали по Гибернской улице, Прашной браной, но дальше не по Целетной, как в прошлый раз, а свернули на Каролинскую площадь прямо к Ностицову театру.

Моцарт радостно указал на него рукой, как на старого, давнего приятеля, и опять возникли радостные воспоминания о том весёлом «Фигаровом» вечере. Остановились, Моцарт выскочил из кареты и сразу попал в распростёртые объятья важного привратника Зимы:

«Вот и вы, гость дорогой, слава Богу, доехали, живы и здоровы, а мы уже ждём вас, не дождёмся, маэстро, как милости Божией. Пан директор Бондини и пан Гвардасони мне наказали, чтобы, как только вас увижу, немедленно к ним бежал, и должен вам передать, что квартира приготовлена отличная в отеле «У трёх золотых львят».

От длинного монолога привратник Зима даже задохнулся, но быстро восстановил дыхание, когда Моцарт вложил ему в руку монету и попросил его при этом, чтобы любезным панам директорам передал, дескать, приехал и ждёт их «У трёх львят». Затем Моцарт запрыгнул в экипаж. Констанция выглянула из окошка и посмотрела на площадь, многолюдную, жизнерадостную, она мечтала об этом зрелище от самой Вены. Кони не успели ещё толком разбежаться и снова остано-

вились.

Гостиница «У трёх золотых львят» совсем рядом, и кучер придержал ход коней, осторожно въезжающих во двор. Вот слуга в синем фартуке у ворот, кланяется низко, а вот и сам хозяин в белом фартуке и красной шляпе, и тоже низко кланяется гостям. Их провожают на второй этаж в двухкомнатную квартиру с видом на площадь.

Моцарт ликует, из окна виден театр, ему так близко будет ходить на репетиции и обратно. Констанцию, однако, в этот момент больше интересовала прохлада в уголке, где стояло широкое кресло. Она упала в него, как на траву, с раскинутыми руками и глубоким выдохом:

«Пить!»

Пан хозяин хлопнул в ладоши, и тут же появилась бутылка лимонаду, её подал официант. А Моцарт между тем, стоя у окна, кричит:

«Смотри, сюда уже мчится Гвардасони, темп не хуже, чем у марафонского бегуна. Да и то сказать, такой громила, на это стоит посмотреть, иди, Станци!», – но бедняжка погрузила засохшие губы в розовый напиток и пила, пила...

– 2 —

Тяжёлые шаги загремели по лестнице, и в их квартиру ввалился главный режиссёр Доменико Гвардасони с патетическим возгласом:

«Madonna mia, приветствую вас, как я счастлив, маэстро, что вас снова вижу, надо сказать, что мы ждём вас, как манны

небесной, везёте партитуру?»

Моцарт отошёл от окна, поздоровался со всемогущим Гвардасони, указал ему на диванчик у стола. Запыхавшийся гость упал в него, диванчик застонал. Гвардасони вытащил платок, вытирает пот с покрасневшегося лица. Моцарт:

«Конечно же, я везу партитуру, мы должны собрать весь коллектив и вполне можем начинать».

Гвардасони вскочил, обнял Моцарта, спокойно стоящего перед ним, расцеловал, даже пошатнулся от усердия:

«Вот это настоящее слово, я знал, что Моцарт недаром является Рыцарем Золотой шпоры, настоящий джентльмен, что пообещал, то исполнил. Слышите, как у меня гора упала с плеч, ещё там, на мостовой перед отелем?»

Констанция подрёмывала и не могла наслаждаться забавным дуэтом её невозмутимого мужа и страстного итальянца.

«Значит, можно быть уверенным, что опера готова?», – взволнованно продолжал Гвардасони, но Моцарт охладил его пыл:

«Не гневайтесь, но только я голоден, как волк, и если бы здесь было, что проглотить, беседовать стало бы значительно легче».

Гвардасони закричал и захлопал в ладоши:

«Эй, сюда! Хозяин, presto prestissimo!»

Мальчик-слуга, раскладывавший вещи, выбежал, перепуганный, из комнаты и через минуту здесь уже стоит официант с учтивым поклоном.

«Королевский обед для пана Моцарта!», – приказал Гвардасони, а Моцарт добавил, что будет достаточно куска ветчины:

«Бросьте на неё пару яиц, чтобы получилась красивая глазунья, как волоокая Афина».

«Ох, какой я невнимательный, это всё из-за оперы, madonna mia, нет, чтобы спросить вас, не хотите ли перекусить после такой долгой изнурительной дороги».

Констанция не слушала Гвардасони, провалилась в сон, как в воду канула, только слегка улыбалась, а Моцарт, видя, как переживает Гвардасони, решил его немного утешить:

«Не волнуйтесь, патрон, всё в порядке, завтра сразу могу приступить к репетиции».

Гвардасони засиял и снова распахнул объятия:

«Я знал, дорогой, что ваше слово – закон, сказано – сделано. Но эти певцы и примадонны меня замучили: день за днём, когда я получу свою партию, какие у меня в опере арии, каждая хочет самую большую, самую красивую и самую главную. Все знают, что вы очень любезны и непременно их пожелания удовлетворите».

Моцарт терпеливо улыбается:

«Это старая история, патрон, такое беспокойство меня не удивляет. Напротив, меня бы скорее озаботило, если бы все были спокойны и безразличны, не просили бы у меня арии подлиннее и покрасивее. Это, всё-таки, говорит об их отношении к делу».

У меня ещё не закончены партии в опере, одна-другая не совсем готовы, но это вопрос чисто технический, в голове у меня уже всё есть полностью, только на бумагу положить. Как только отработаем первый акт, всё будет в порядке».

Гвардасони немного сморщил лицо, когда услышал, что опера не вполне дописана, но ничего не сказал, чтобы сохранить тот же непринуждённый приятный тон разговора. И только он приготовился к следующему вопросу, как в дверь постучали.

«Да-да, входите»

Двери открываются, входит привратник Зима со шляпой в руке, встал на вытяжку – не скрыть старого солдата – и докладывает патрону:

«Пан директор Бондини находится у графа Ностица и сейчас придёт. Это просила передать пани директорша. И ещё, для замечательного пана Моцарта и драгоценной пани Моцартовой, что она ждёт и надеется на скорую встречу».

«А что копиисты?», – словно саблей рубанул, так надвинулся Гвардасони на старого Зиму, привыкшего, однако, к суровому обращению. Тот выпрямил голову и заголосил дальше:

«У главного копииста Вавры я был сам лично, он сидит уже на лавочке в театре. Остальных пятерых обегал быстроногий Пепичек, которому я сказал, чтобы завтра вам на глаза не попадался, если все не будут на месте за час до вашего с паном Моцартом приезда в театр».

Гвардасони похвалил:

«Отлично, а теперь скачи на кухню, посмотри, что там с ветчиной для пана Моцарта».

Зима с трудом перевёл дыхание и воинским шагом двинулся из комнаты, но тут же чуть не столкнулся с новым посетителем, его тяжёлые шаги были слышны во время последних слов.

– 3 —

Парень, похожий на гору, ввалился в комнату и прокричал:

«Имею честь говорить с паном Моцартом?»

Моцарт встал, вышел навстречу крестьянину, на его широком розовощёком лице сияли доверчивые глаза, а по рукам было видно, что он не боится никакой работы.

«Это я».

«Извините, я пришёл от милостего пана Душка с вопросом, если вы уже приехали, то можете сразу ехать на Бертрамку, вас уже ждём несколько дней, интересуемся тут каждый день».

Только собрался ему Моцарт отвечать, как снова открылись двери, и вошёл сам синьор Паскуале Бондини, вспотевший, покрасневшийся, задыхающийся, однако сразу, с порога встал, обе руки прижал к сердцу и скорее запел, чем заговорил:

«Дорогой Моцарт, как я счастлив, что вы снова с нами», – и обнимает его, и целует по старому театральному обычаю

в обе щеки, что вызвало недоумение на лице деревенского парня, он мнёт в руках свою шапку и не понимает, кто, где и что надо говорить дальше.

Моцарт после приветствия Бондини радостно рассмеялся, даже захлопал по коленям, а Констанция, выпавшая из сладкой дремоты, вскочила:

«Что тут происходит?»

Оба могучих патрона, обескураженные её появлением из своей комнаты, где она дремала, срочно поклонились, да так низко, словно перед ними появилась сама царица. Бондини запел снова с обеими руками у сердца:

«Madonna mia, извините, я вас не видел, простите!»

Дальнейшее бормотание скрылось в процессе целования обеих ручек пани Констанции. Её взгляд тем временем просиял при виде большого подноса с ветчиной и глазуньей, который как раз вносил сам пан хозяин гостиницы.

Моцарт догадался о причине сияния этих глазок и быстро указал на стол:

«Ты пока поешь, а я буду дальше беседовать с патронами обо всех неотложных вещах, мы можем, ты знаешь, заниматься этим до вечера».

Гвардасони открыл, было, рот насчёт еды для пана Моцарта, но – властный взгляд и движение бледной руки – и старый театрал понял, что надо молчать. И вот милая пани Констанция с явным удовольствием присела к столу, и с таким аппетитом обратилась к принесённому блюду, что даже Зима

сглотнул слюну, а Моцарт уже не обращал на всё это внимания. За эти минуты здесь столкнулось столько посетителей, каждый от него чего-то хотел, он собирался решить один вопрос, а на него стреттой налезал следующий.

Именно сейчас, когда он собрался решить вопрос с Бертрамкой, приход Бондини сдул ответ с Моцартовых уст, а теперь разговор никак туда не возвращался, и в изумлении открытый рот посла с Бертрамки так и не закрывался. Моцарт решил разобраться с этой проблемой:

«Я чувствую себя как в цирке, но надо навести порядок, чтобы представление могло продолжиться. Итак, прежде всего сообщение с Бертрамки от Душка, меня ведь туда приглашают, это так?», – Моцарт повернулся к загорелому добряку, смущённо переминававшемуся с ноги на ногу у дверей.

Тот оживился:

«Конечно же, милостьпан Душек и милостьпани Душкова приготовили для вас красивые комнаты и ждут вас уже несколько дней, вот я хожу сюда каждый день, узнавать, не приехали ещё?»

Тогда настала очередь Гвардасони:

«Это прекрасно, Моцарт, но вы должны быть под рукой, для этого мы сняли для вас эту квартиру в „Трёх золотых льятах“, чтобы вы были в двух шагах от театра, а мы от вас. Мы должны ежедневно с утра до вечера быть на связи, нельзя же взаимно носиться по всей Праге, не говоря уж о Бертрамке, это у чёрта на куличках, пусть там и красиво, как

в раю».

Констанция отложила нож с вилкой и тоже вступила в разговор:

«Может быть, решить таким образом, что...», – тут стремительно, в который раз, растворились двери, и вошла сама пани Душкова:

«Не может быть, они уже здесь, наконец-то, это чудесно, и господа директора тут как тут, и здесь уже совещание, а я, прошу прощения, ни о чём не знаю, как это понимать, панове?»

Теперь уже Моцарт целует ручки пани Жозефине, Гвардасони и Бондини один быстрее другого спешат туда же, Констанция с ней обнимается. Патроны заголосили наперебой:

«Pardon, madonna mia, как мы могли что-то сделать за вашей спиной, ведь Моцарт приехал всего час назад и только успел появиться, как, извольте видеть, пол-Праги на ногах, все спешат к „Трём львьятам“, двери не закрываются, нет возможности сказать связно двух слов – все хотят говорить с паном Моцартом».

Пани Жозефина перебила обоих патронов:

«Наконец, пришла и я, и вижу, вовремя, потому что здесь и вправду, карусель, и это никуда не годится для нашего дорогого редкого гостя. Потому я так устроила, чтобы, как только они приедут, их сразу отсюда везли на Бертрамку. Там Моцарт всё-таки будет иметь покой для работы, а, как мне известно, ему ещё многое надо доделать, не так ли, ма-

эстро?»

Все повернулись к Моцарту, который словно не имел никакого отношения к общему возбуждению, он с отсутствующим видом стоял, сложив руки, и ждал, когда ему дадут слово.

«Ну, что вы на это скажете, маэстро... Молчите, улыбайтесь...»

Моцарт выступил кратко:

«Мы сделаем так, как потребуется для работы. Я думаю, будет лучше оставить эту квартиру за мной, а по вашему любезному приглашению мы будем гостить у вас, где, я уверен, мне будет хорошо, как дома».

Пани Жозефина залилась серебристым смехом:

«Это, действительно, разумно, Амадей, так будет лучше всего. Я отвезу сейчас Констанцию к нам, и весь ваш багаж отправим на Бертрамку. Там будет у вас и дом и работа, а здесь, „У трёх львят“, будет боевой стан. Сюда понесутся депеши, сообщения, здесь всё для вашего удобства, сюда можно заскочить в перерыве, если нет времени ехать на Бертрамку».

Оба патрона зааплодировали:

«Прекрасно, прекрасно, это будет лучше всего. А сейчас неплохо бы запить всё это хорошим глотком какого-нибудь напитка – -»

Тут же привратник Зима выбежал за двери, и его солидные башмаки уже отбивали энергичный марш по дубовой

лестнице, а стены дома сотрясались до основания.

Моцарт в этом весёлом шуме схватил за руку Гвардасони:

«Пока я не забыл, патрон, не могли бы вы заказать какую-нибудь хорошую квартиру для Да Понте, он приедет сюда вот-вот, хочет провести со мной репетиции оперы. Не могла бы эта квартира быть прямо здесь, чтобы мы были поближе друг к другу?»

Гвардасони запел бархатным голосом:

«Видите, видите, маэстро, как важно для нас иметь вас под рукой. Вот и Да Понте хочет жить близко от вас, чтобы иметь возможность обсуждать всё, что нужно. Конечно, мы это сделаем».

Констанция беседовала с пани Жозефиной, а ветчина с одним красивым волооким глазом остывала на тарелке, забытая в этом светском церемониале. Моцарт воспользовался небольшой паузой и за широкими спинами важных патронов, которые по-итальянски что-то тихо, но очень живо обсуждали, приложился к тарелке и, как голодный воришка, насадил на вилку кусок мяса с яйцом и сжевал его с таким аппетитом, что даже слегка причавкнул.

Пани Жозефина обернулась и добродушно рассмеялась. На её смех обратили внимание остальные присутствующие, и Гвардасони трагически, как на сцене, произнёс:

«Да ведь бедняга ещё ничего не ел, а мы его здесь мучаем...»

И тут снова отворяются двери, и входят хозяин с офици-

антом и Зимой. Один тащит огромный кувшин с шипящей пеной, другой поднос с бокалами, а третий блюдо с ветчиной, цыплятами и хлебом. Ставят прямо на стол, вместо кусков, только что доеденных. Немедленно заполнили бокалы и сдвинули их в честь Моцарта:

«За счастливую встречу в Праге, маэстро!»

«Благодарю, я и вправду счастлив, что снова среди вас, и рад с вами работать».

Блюдо опустошалось наперегонки с приятным напитком, а пани Жозефина между тем отдавала указания приказчику по поводу выноса вещей. Зима старался помогать ему, и нежная ручка пани подала им обоим по бокалу с пивом, отчего глаза мужчин засверкали, уж в этом-то они знали толк.

«Так решено, Констанция, вы едете со мной, и вы, Амадей, могли бы тоже ехать с нами, чтоб отдохнуть перед завтрашней работой, так было бы лучше для вас».

Моцарт завертел головой:

«Простите, сегодня ещё нет. Многое надо сделать до вечера, чтобы завтра мы могли начать работать, потому ехать не могу. Всё равно я сегодня буду плохим собеседником, голова полна забот, как всё устроить, надо начинать репетировать».

Бондини и Гвардасони похвально кивают головами, обе директорские руки похлопывают Моцарта по спине: «Браво, маэстро!» Опять сдвинули бокалы, а Моцарт продолжил:

«Так, Станичка, с Богом, выпишь хорошенько и за меня

поспи, потому, как я не знаю, когда я сегодня смогу добежать до постели».

«И было бы правильно с вашей стороны, господа», – это сказала пани Жозефина, – «позаботиться, чтобы Моцарт шёл спать поскорее, не то я отвезу-таки его на Бертрамку».

Гвардасони заголосил:

«Не, не, не, *madonna mia*, будьте спокойны, поезжайте, не волнуйтесь, всё будет в порядке, беру на себя ответственность».

«Хорошо, верю вам, но прежде, чем мы уедем, Амадей, я бы хотела взглянуть на вашу работу, где она у вас?»

Моцарт подошёл к окну, там лежала большая кожаная сумка. Когда он нёс её к клавиру, что стоял в углу у окна, сумка закрывала третью часть его туловища, так она была велика. Пока Моцарт шёл, из сумки выпал клочок сена.

«Что это?»

Моцарт закашлялся и словно про себя пробормотал:

«Да это я урвал кусочек счастья перед пражскими воротами», – подобрал сено и запихнул его на последнюю страницу партитуры, он её как раз разворачивал перед Гвардасони, Бондини и пани Душковой. Констанция пока подавала последний багаж привратнику с Бертрамки.

«Это мой Дон Жуан, от которого я многого жду, так как это нечто совершенно новое».

Головы склонились над разложенными страницами, где копошилось множество красивых ноток без единого исправ-

ления, как будто стая ласточек летит и вьётся перед глазами в трепещущем воздухе.

«Это ещё не закончено, здесь, на бумаге, а в голове уже всё готово. Остались кое-какие мелочи, не волнуйтесь, господа».

Пани Душкова, полистав партитуру, неожиданно перевернула все листы, и перед ними оказалась первая страница, оглавление:

«IL DISSOLUTO PYNITO ossia IL DON GIOVANNI.
Dramma giocoso in due atti».

Пани Жозефина улыбнулась:

«Дон Жуан, или наказанный распутник». Как это понимать?»

Моцарт пожимает плечами:

«Здесь нет никакой загадки. Как написано, так и надо понимать. Дон Жуан, или наказанный распутник».

«Но подождите, Амадей, далее тут написано *Dramma giocoso*. Это наказание распутника в шутку или всерьёз?»

Моцарт ещё раз пожал плечами:

«Я вот что предлагаю, пани Жозефина, не будем торопить события, дождёмся премьеры, тогда вы всё выясните и мне расскажете, в шутку это или всерьёз, хорошо?»

«Договорились!»

Прекрасная Аталанта, как называли Жозефину, пожала руку Амадею и как герцогиня поклонилась Гвардасони и Бондини, которые поспешили поцеловать ручки владычице, они имели к ней большой интерес, скорее дипломатиче-

ский, так как знали, какое она имела сильное слово в вопросах искусства у пражского дворянства во главе с графом Ностицом, их хлебодателем.

При целовании руки завздохали учтиво, зашаркали ножкой, опасаясь, как бы не покачнуться при их дородности, а её-то было в избытке. Но вот пани Жозефина уже уходит, а Моцарт ещё немного поворковал с Констанцией перед разлукой:

«Вот видишь, я скоро буду спать, не беспокойся обо мне, пусть мои сладкие глазки будут красивыми и удивятся, когда неожиданно меня увидят».

— 4 —

Вот, наконец, мужчины остались в одиночестве. Начался решительный разговор, обычный перед важной премьерой, заполненный многими деталями и бесчисленными прибаутками. Здесь требовалась особая сосредоточенность, чтобы не упустить каких-либо мелочей и потом не поплатиться жестоко.

«Ну, что?», — начал Моцарт, — «пошли прямо в театр? Там сидит на скамье копиист, в настоящий момент наиважнейший для нас человек. От него зависит скорость разучивания, потому давайте, не мешкая, поспешим, чтобы ни у него, ни у нас не красть драгоценного времени».

Гвардасони и Бондини с восхищением согласно кивали головами, на дорогу троица ещё раз сдвинула бокалы, после чего Зима заглянул в кувшин и удовлетворённо хмыкнул.

Моцарт подбежал к партитуре, бережно сложил её, закрыл переплётom аккуратно и нежно, как мать укрывает дитя в колыбели.

Зима подскочил:

«Пожалуйста, это понесу я, такую драгоценную вещь, не спущу с неё глаз, маэстро».

Взял из рук Моцарта кожаную папку и поспешил открывать двери перед хозяевами театра, а те уже стояли, изображая почётный караул. Театрально поклонившись, ожидали Моцарта, чтобы тот, как через триумфальную арку, прошёл между двумя цветущими брюхачами на лестницу. Зима, воспользовавшись шумихой из взаимных комплиментов, стремительно подлетел к кувшину и с жадностью заглотнул из него, так что по бороде побежал ручеёк, и быстренько пошагал за господами.

С ними внизу уже разговаривал хозяин гостиницы, смущённо оправдываясь, что все квартиры заняты, самая лучшая у пана Моцарта, а для того важного пана из Вены ничего подходящего нет, не станет же он предлагать ему тёмную каморку под крышей. Но если пан согласится, он спросит у своего приятеля, что напротив, в Платизе, там сдаются квартиры, и пан жил бы очень близко от пана Моцарта. Господа ответили, что согласны и вышли на фруктовый рынок.

Моцарт оказался в компании весьма заметной парочки: их оперные басы, поклоны по сторонам, не знаешь, куда смотреть, не успеваешь всем отвечать. Разговор, естествен-

но, был прерван бесконечными приветствиями, помахиваниями рукой, возгласы «Signore Mozart», поклоны в его сторону, «вот вы и приехали в Прагу», «здравствуйте, здравствуйте, buon giorno, a rivederci».

Моцарт понимал, что эта прогулка – по-существу, рекламная. Хорошо, что они идут пешком, это как раз то, о чём он мечтал в многодневной тряске в экипаже, путешествуя из Вены в Прагу. Вот он идёт по пражской улице, здороваясь, перекликаясь, поглядывает в сторону Зимы, а тот с важным видом вышагивает немного впереди с кожаной сумкой. Ещё бы, вся премьера Дона Жуана находится сейчас в его руках.

От Мустека, что напротив, вышла другая парочка, увидев которую, Моцарт прибавил шаг, протягивая обе руки:

«Пан Стробах, пан Кухарж, как я счастлив снова вас видеть!» – Небольшая остановка, звучит любопытный квинтет голосов: Гвардасони и Бондини – партии басов, Моцарт – тенор, Стробах и Кухарж – виолончель и альт. Басы при этом не упускают случая в текст вставлять «маэстро Моцарт, signore Mozart», кланяясь вокруг себя.

«Мы как раз шли за вами, услышали в театре, что вы уже приехали. Я послал для вас своего копииста, чтобы был под рукой»

«Я думаю, что пока мы дойдём до театра, здесь будет целая армада копиистов», – смеялся Моцарт.

Все снова шли за самым главным человеком – Зимой,

а тот размышлял: «Если бы вы, люди, знали, что я несу, у вас бы языки отнялись, глаза бы вылупились, потому что в этой сумке замурован волшебником-Моцартом сам герой Дон Жуан, его называют ещё также распутником».

Так и дошли до служебного входа в Ностицов театр с шутками и болтовнёй, словно возвращались с весёлой прогулки, а никак не с важного совещания. На широкой скамье возле зимовой каморки, где часто любили посидеть артисты, на сей раз восседал дородный юноша, которого капельник Стробах приветствовал дружеским рукопожатием:

«Слава Богу, ты здесь, пан Вавра, пошли скорее с нами. Это тот самый наш копиист, маэстро, пан Вавра. Пишет ноты так, словно печатает. И быстро, и разборчиво».

Вавра смутился, поклонился Моцарту и сказал, что сию минуту придёт, только забежит за другими копиистами, которые ждут в заведении напротив. Кухарж, смеясь, разъяснил, что напротив находится трактир, и что там ожидать, конечно, веселее.

Окна директорской выходят на Прашну брану, было ещё достаточно светло.

«Куда мне положить эту очень дорогую партитуру?» – Моцарт взял её из зимовых рук, положил на стол, и тут же его окружили с одной стороны Стробах, с другой Кухарж, а в отдалении ждал своего нового задания Зима. Стробах с Кухаржем, мастера чтения партитур с абсолютным слухом, вполне представляли каждую увиденную ноту, расцвели ли-

цами и закивали головами:

«Как просто, но как прекрасно это звучит, и всё здесь есть. А для певцов аккомпанемент такой деликатный, каждый сможет показать свои возможности, своё вокальное мастерство».

В раскрытые двери вошёл копиист Вавра, а за ним пять взрослых мужчин, они низко поклонились при словах Вавры: «Вот мы уже здесь, нас всего шестеро». Моцарт каждому подал руку, тут же сел за партитуру и каждому стал показывать, как и что переписывать, чтобы певцы смогли быстро получить в руки свои партии, но чтобы и об оркестре не забывали.

Бондини вмешался в разговор:

«Лучше всего было бы, чтобы одни копиисты писали с утра до вечера прямо здесь, в театре, а другие брали бы на ночь части партитуры домой, таким образом, работа будет идти круглые сутки».

«Что скажете на это, господа?», – Моцарт посмотрел на копиистов, стоящих вокруг него, как солдаты в карауле.

«Было бы хорошо», – поддакнул Вавра, – «я соберу ночных писарей, и мы разделим партитуру на две части. Могу я сейчас в неё заглянуть?»

Моцарт протянул Вавре объёмную стопку бумаги, тот с учтивостью взял её в руки и сказал:

«Если позволите, я возьму партитуру сразу к себе, а ребята пойдут со мной, мы разделимся, и завтра утром вернём

первую часть. Что вы хотите в первую очередь?»

Моцарт:

«Прежде всего, понадобятся главные партии, напишите их уже сегодня ночью. Партии Дона Жуана, Донны Анны, Лепорелло, дона Оттавио и Эльвиры. Если успеете, ещё партию командора. Это возможно?»

Потом он листал партитуру, давал указания, дело пошло. Бондини добавил, чтобы они всё как следует отрегулировали, не дай Бог, что-то потерять. Вот Вавра берёт партитуру, Моцарт говорит ему, чтобы взял также ту кожаную сумку, специально для неё изготовленную. Толпа копиистов вышла, с первой заботой было покончено.

Моцарт далее:

«Первую репетицию предлагаю созвать на завтрашнее утро в девять часов. Это можно?»

«Конечно, маэстро. – Зима, вы слышите? Завтра утром в девять. Надо обойти всех участников оперы ещё сегодня, тем, кого нет дома, оставить записку, что завтра в девять утра с паном Моцартом первая репетиция Дона Жуана. Возьмите в помощь быстрого Пепичка, чтобы до вечера успеть, поняли?»

Зима по-военному щёлкнул каблуками и тут же вышел. Моцарт продолжал:

«Я также хотел бы поговорить с певцами о некоторых особенных задачах».

Гвардасони кивнул и чрезвычайно заботливо проговорил:

«Всё это обсудим вечером. Вы ещё ничего толком не поели, да и мы уже проголодались. Сейчас пойдем в трактирчик, хорошенько попьём-поедим, пообщаемся, панове Стробах и Кухарж тоже пойдут с нами».

«С удовольствием».

Все встают и покидают театр до вечера. Только Бондини отдаёт поручения в привратничкой старому фонарщику, чтобы поглядывал из своей каморки, когда вернутся Зима и скороход-Пепичек

— 5 —

Снова зазвучал квинтет перед Ностицовым театром. Бондини басил свою партию с премилым кружением вытянутых губ. С них опять посыпались сладкие слова радости по поводу возвращения Моцарта, и как он мечтает о завтрашнем дне, и как будет рада его жена Катерина, когда он ей расскажет, какую прелестную партию божественный маэстро написал для нее.

Затем махнул ручкой с золотым перстнем и пошёл к Мустку, а оставшийся квартет по предложению Гвардасони направился в другую сторону, к Целетной улице. Когда дошли до тесной улочки Темпловой, патрон аппетитно зачмокал и стал Моцарту нахваливать, как много здесь всего вкусного, и что у них есть фирменный венский шницель, который они делают вкуснее, чем в самой Вене.

На Темпловой улице понемногу смеркалось, средневековые дома стоят близко друг против друга. Из открытого окна

сверху полилась простая песня, какая-то девушка пела про августовский вечерок, и было в ней столько страсти и тоски одновременно, что Моцарт не выдержал:

«Эта песня звучит прямо от сердца человека из народа, хорошая, всем знакомая мелодия, её не растащили пока по квартетам и симфониям, но придёт время, когда сильное течение подхватит её, как это сделал ваш земляк Мысливечек».

Кухарж на это отвечает:

«Такова наша природа, нет среди нас человека, который бы, работая, не напевал, поэтому и вас так полюбили, ваша музыка рождается прямо из сердца и попадает снова в сердца...»

«...как это прекрасно доказали замечательные певцы бондиниевой труппы», – добавил дипломатичный капельник, заметив, что Гвардасони хмурит лоб: вот уже несколько минут разговор идёт о музыке, пении, о единении Чехии с Моцартом, а итальянцы оставлены без внимания.

В ответ на этот стробахов поклон была отпущена благодатная улыбка, сопровождаемая щурением глаз и замечанием: «как не петь, когда опера с итальянским текстом, написана Моцартом, который прошёл итальянскую школу и умеет удовлетворить пожелания самого требовательного певца, да и самой привередливой примадонны. Как говорится, им хоть луну с неба достань, а она для них всё равно не достаточно лазоревая, хе-хе-хе».

Они оказались в проходе, освещённом большим железным фонарём, кованые цветы с решёток трепещущими тенями вырисовывались на его стенах и потолке. Гвардасони командовал:

«Внимание, я пойду вперёд, здесь узковатая лестница, но зато она ведёт в такой уголок, из которого не захочется уходить, не смотря на то, что это, как говорится, страшный подвал, хе-хе-хе».

Спустились в подвальные своды, на большом дубовом столе зажжённые свечи. Здесь пока никого нет, кроме хозяина, он сидит в углу у камина. Увидев гостей, вскочил, а Гвардасони запел нежным басом, так, что под сводами зазвучало красивое эхо:

«Пан Йозеф, привёл вам дорогого гостя, которому уже расхвалил ваш венский шницель. Придётся вам его сотворить, чтобы доказать, что похвалы не напрасны, особенно потому, что этот дорогой гость прибыл прямо из Вены, и это есть господин Моцарт».

Йозеф поклонился:

«А я господина знаю, имел честь зимой обслуживать нашего знаменитого пана капельника».

Гвардасони усадил Моцарта во главе стола, сам уселся с его правой стороны, слева сели Стробах с Кухаржем, затем он поднял правую руку с четырьмя пальцами:

«Четыре отличных венских шницеля и четыре кувшина наилучшего вина» – тут он обратился к Моцарту:

«Белое или красное, маэстро?»

«Пожалуй, красное».

Кухарж добавил:

«Если у вас есть знаменитое деревенское, „Людмила“, то оно из них наилучшее».

И снова о театре, пересказывают всё, что здесь произошло после отъезда Моцарта, от января до августа. А венский шницель и вправду не посрамил знаменитую традицию «Темпла».

Что ж, Моцарт всегда готов сделать людям приятное, расхвалил его особенным образом, как истинный Венец, и теперь навсегда поселился в сердце пана Йозефа, тот уж не спускает с него глаз, обслуживая других посетителей, понемногу заполнявших погребок.

Обсуждали постановку новой оперы. Главный режиссёр напряжённо слушал и вставлял иногда:

«*Si, si, maestro*, мы это быстро сможем сделать, такой оперы Прага ещё не видела. Такую постановку сделаем, и такие костюмы! Да Прага не видела подобного от знаменитого коронавания Марии Терезии на Граде».

Вот на верхней ступеньке винного погребка появился красивый стройный молодой человек, по виду итальянец, полный огня и с высоким самомнением.

«Ах, Луиджи Басси, идите, садитесь к нам», – встретил вошедшего Гвардасони, – «пришли, как нельзя более кстати, заглавный герой оперы. Сразу, в первый же вечер можете

приветствовать автора, который приехал лично», – показывает на Моцарта, который почти хохочет.

Басси выразил своё изумление и радость учтивым ариозо, и полились итальянские слова в мастерски отработанном речитативе:

«Как я счастлив, маэстро, что опять вижу вас. Что-то меня весь вечер тянуло сюда зайти, а это, оказывается, вы приехали.

Сказочно выглядите, ваша опера будет восхитительной, мы только о ней и мечтаем. А что моя роль, написали вы для меня много больших и красивых арий?»

«Знаете, милый Басси, вы будете довольны, садитесь с нами, всё узнаете», – наливает ему красного вина для встречи. За столом шёл весёлый, но важный разговор.

Басси страстно выведывал, насколько велика его партия, и сколько в ней самостоятельных арий, ему недостаточно было намёка, что, мол, завтра всё узнаешь, получишь свою партию, которую прямо сейчас переписывают бедные копиисты.

Было шумно, настроение поднималось так же быстро, как убывало деревенское вино, «Людмила», видно, пришлась всем по вкусу. Так бы и продолжалось, но председательствующий Гвардасони выбрал подходящий момент и заявил:

«Уже одиннадцать, завтра в девять репетиция, маэстро, даём финал сегодняшнему заседанию, мы сюда ещё вернёмся. Нас приведёт сама наша работа, далеко ходить обедать не будет возможности».

Вышли в ясную звёздную ночь. Узкая улочка вызвала у Моцарта воспоминания об Италии, там такие же узкие улицы, а сегодня так тепло, что даже звёзды трепещут. Моцарт в самом лучшем настроении начал напевать «Арию с шампанским»...

«Это ваша ария, Луиджи Басси, нравится она вам?»

«Ну да, ведь она естественная, как простая песенка. А у меня будет в опере ария посолиднее?»

Моцарт рассмеялся и ткнул пальцем в его золотую пуговицу на сюртуке:

«Друг мой, это всё не так важно! Дон Жуан написан на вашу фигуру, я снял с вас мерку, как портной на костюм. Но запомните, что я вам сейчас скажу: вот вы сегодня чёрный, как ворон – а когда вы станете белый, как снег, вспомните этот вечер, как я вам первому спел „Арию с шампанским“ под звёздами старой Праги. Больше я вам ничего не скажу».

Луиджи Басси недоумённо потряс красивой головой, явно не очень понимая маэстро, и это сильно развеселило Моцарта и Стробаха с Кухаржем. Они прошли Целетной улицей, вышли на Каролинскую площадь к Ностицову театру, и Гвардасони царственным жестом указал на дом на противоположной стороне:

«Вот я и дома, маэстро, доброй ночи, до встречи завтра утром в девять».

Луиджи Басси свернул на Гавиржскую улицу, Стробах с Кухаржем пошли Моцарта провожать до его квартиры

в «Трёх золотых львятах». Когда они остались втроём, Моцарт негромко произнёс:

«Вы слышали этого красавчика? У них это главная забота, сколько в опере его арий, и достаточно ли они большие. Нас, друзья, ждёт настоящий труд, сумеет всё это совместить. Вы видели, самое трудное прошло как игра. Копиисты выслушали объяснения и уже пишут всю ночь. Я уверен, всё будет до единой точки написано правильно, готово ко времени и без разговоров.

Но здесь нас ждёт настоящая дипломатическая конференция с певцами и примадоннами, я так и слышу: почему у меня то, а не это, почему Мицелёва поёт арию дольше, чем я. Это скажет Сапоритиова. А вообще-то, не будем травить себя тем, что пока не случилось, вы-то меня понимаете, вам я могу говорить всё, что думаю», – Моцарт прижал к себе верных соратников, взял их доверительно под руки.

Так, лунной ночью, свободные, они добрались до «Трёх львят». Стробах и Кухарж трепетали от радости:

«Мы всегда с вами, положитесь на нас во всём. Ваши мысли и планы – есть наши мысли и планы, маэстро».

Остановились между двумя сводами отеля, калитка была ещё открыта.

«Доброй ночи, панове, и завтра начинаем работать», – подал друзьям обе руки, – «я верю вам, и я счастлив, что вы также верите мне».

Глава 2. Первая репетиция «ДОН ЖУАНА»

– 1 —

Его синий сюртук переброшен через стул, брюки лежат на полу, чулки среди разбросанных башмаков, окно открыто, снизу звучат весёлые голоса. Он протёр глаза и вскочил.

В голове звучит «Ария с шампанским», – да ведь он в Праге! Напротив Ностицов театр. Ну да, сегодня в девять утра первая репетиция «Дон Жуана». Заглянул в другую комнату и увидел клавир. Перед ним пронеслись картины вчерашнего дня. Гвардасони, Бондини, посол с Бертрамки, привратник Зима, пани Жозефина – чем не Безумный день из Бомарше! А вон в том кресле задремала Станичка, наверно спит ещё, как младенец, на Бертрамке...

Где-то бьют часы. Моцарт посчитал на пальцах – семь. Он проспал, как убитый, давно так не спал. Где здесь умывальник? Вот он. Но я голоден! Подбежал к дверям, открыл, закричал:

«Доброе утро, я уже встал», – может, кто-нибудь услышит и придёт?

Подошёл к окну, увидел вывеску на доме, залитую солнцем, шум внизу так и манит, хочется выйти на улицу. Наконец, хоть на час, он один, не надо спешить на противный урок к какой-нибудь барышне, мучиться с ней у клавира.

Сегодня он начнёт репетировать своё новое сочинение, это большое событие, он написал оперу, как чувствовал, не оглядываясь направо, налево, просто по велению сердца. В дверь постучали.

«Войдите!»

А вот и завтрак. Поел с аппетитом, и в голове в который раз поётся «Ария с шампанским». Поётся и во время мытья, и пока одевался, и так ему стало хорошо, что решил сегодня не пудрить волосы, как для церемоний. Сегодня трудный день, надо добиваться от всех жизненной правды, так, причём здесь пудра? Быстро закончил завтрак и вышел на фруктовый рынок, залитый ярким солнцем, заполненный запахами фруктов из корзин.

Очень захотелось грушку, вон та улыбается ему жёлто-золотым бочком. Отыскал монету, взял три штуки и тут же вцепился в грушку зубами, да так, что брызнул сок, ну, конечно же, на белоснежный воротничок, который ему перед отъездом Станичка приготовила, чтобы шёл на репетицию чистенький, как подобает автору оперы, да и вообще...

Он радовался, что никто его не остановил, давно он так не наслаждался грушей. Вспомнилось детство, когда ему удавалось урвать часок между суровыми школьными занятиями и побездельничать вдоволь.

Вот и Ностицов театр. До сих пор ему не приходилось как следует его рассмотреть, обычно его привозили сюда второпях, вокруг всегда шли разговоры, и ему удавалось лишь

мимолётным взглядом окинуть театральное здание. Моцарт надкусил вторую грушу, остановился перед театром и загляделся на стройную конструкцию с четырьмя фасадными колоннами, над ними горели в утреннем солнце золотые буквы: «PATRIAE ET MUSIS». Да, конечно, каждый должен трудиться для отечества и отдать ему все силы своего таланта.

Моцарт увидел на углу с правой стороны театра большую синюю гроздь винограда на золотом фоне. Ах, это мой старый знакомый трактир «У грозди», где я зимой играл на бильярде. Буду сюда заходить после репетиций. Привратник Зима стоял перед входом на своём посту, никто не пройдёт мимо него незамеченным:

«Счастливого доброго утра, все уже здесь, пишут, только перья скрипят. Пришли уже в семь утра», – доложил он Моцарту в качестве приветствия, чтобы тот оценил степень его готовности, а Моцарт отдал ему оставшуюся грушу и поспешил в театральную канцелярию, так как доклад Зимы вернул его к рабочему темпу, который они с патронами здесь вчера задали. И ведь правда, пишут, и перья скрипят.

Главный руководитель копиистов Вавра и его пятеро сотрудников погрузились в бумагу, и перья их трещат как кузнечики на лугу. Вавра поднял голову к открываемой двери и встал:

«Доброе утро, маэстро, как раз сейчас заканчиваем. Дописываем последние такты заглавному герою, партии других уже написаны. Посмотрите, пожалуйста».

Моцарт проворно подбегает и бережно берёт протянутые листы. Глаза забегали по строчкам, заблестели, удовлетворённо кивает:

«Браво, ни одной помарочки, мне это нравится, это честная работа, спасибо вам, панове. И правда, счастливое доброе утро, лучшего вы не могли для меня сделать, чем подать такие идеально написанные ноты».

Дверь снова отворяется, и входит *maestro della capella* Стробах, а за ним руководитель оркестра Ян Кухарж. Троица, что ночью распрощалась перед домом «У трёх золотых львят» с многообещающим пожатием рук, встретила в этот ранний утренний час. Глаза Моцарта засверкали, он бросился навстречу двум единомышленникам, ведь именно в них он чувствовал свою главную опору:

«Как интересно, мы встретились на час раньше, хотя не договаривались об этом, ведь ещё нет и восьми, панове!»

«Час для нас не имеет значения, маэстро, нашим руководителем является ваше творчество. Сколько потребуется, столько мы ему и дадим. Когда всё будет готово, тогда будем отдыхать. А как у вас дела, пан Вавра?»

«Всё готово, пан капельник, певцам в девять часов можно отдавать их партии», – отвечает старший копиист и осторожно сыплет порошком на только что написанные ноты. Свеженькие, они засверкали, как под снегом.

Стробах похвалил всех копиистов, такая прилежность и своевременность исполнения задания делают им честь:

«Сегодня же приступайте к расписыванию голосов оркестра».

Вавра только кивнул головой, его окружили остальные копиисты, и Стробах с Кухаржем при согласии Моцарта пустились в дальнейшие разъяснения, что и как писать. Снова открываются двери, звучит свежий бас:

«Доброе утро, маэстро, вы ранняя пташка, и здесь уже полный парад, как на военном совете. Сейчас только восемь часов, а работа уже кипит, и я вынужден себя упрекнуть за опоздание», – Гвардасони пожимает руки присутствующим и сразу предлагает понюшку из своей золотой табакерки:

«С утра усиливает работу мысли и прочищает дыхание, очень помогает, когда предстоит большая работа. Вот послушайте, у меня особенная смесь из семи компонентов, все из разных частей света. Чихнёте с удовольствием, так, что задрожит земля, и станет легко, будто у вас выросли крылья».

Со смехом все прикладываются к табакерке, снова открываются двери, входит достопочтенный импресарио Паскуале Бондини, с ним его прекрасная супруга Катерина Бондинёва. Увидев Моцарта, направилась прямо к нему, как будто никого другого здесь и не было, с нежной улыбкой протянула ручки в кружевных перчатках так, чтобы он при вежливом поклоне смог их поцеловать:

«Как я рада вам, чародей Моцарт, сколько голов вы ещё собираетесь околдовать своей новой музыкой, в которой я

заинтересована уже потому, что мечтаю о своей партии. Вы ведь не забыли о красивой арии для меня?».

Моцарт бросил многозначительный взгляд на Стробаха с Кухаржем и быстро ответил:

«Ну конечно, я написал для вас две такие арии, что не я, а именно вы околдуете всю Прагу, как вы сумели покорить сердца своей Сюзанкой. Я всё время вспоминаю, как в первый мой день в Праге на балу у Бретфельда мне показали восхитительное стихотворение о вас, написанное на розовом листочке»

Катерина Бондинёва, довольная, улыбается и оглядывает присутствующих: какая досада, здесь нет других примадонн, вот бы они послушали похвалу от маэстро. Директор Бондини явно польщён, незаметно берёт уже не первую понюшку из рук Гвардасони и весело чихает: ага, значит это правда, то, что его жена снова покорит Прагу, да она и так уж её покорила на всю жизнь.

Вот и он вступил в процесс работы:

«Не пора ли нам, господа, пройти в репетиционный зал?»

Пошли. Там уже вовсю командовал Пепичек над любимым клавесином с полотенцем в руках. Он стирал пыль и с пультов, и с театральных стульев всех стилей и разновидностей. Вот он остановился, низко поклонился, увидев в дверях двух величественных дам, скорее врывающихся, нежели входящих.

Тереза Сапоритиова и Катерина Мицелёва. Обе – прима-

донны, каждая не сомневается, что именно она первая, главный магнит для публики в театре. Их тянуло сюда и любопытство, и нетерпение, всё под маской дисциплины. Моцарт понимал, что с этой минуты начнётся подсчитывание, сколько похвальных слов кому из них было сказано и каким тоном.

Тереза Сапоритиова, красавица, достойная кисти Рафаэля, на мгновение растаяла, когда ей первой, раньше Мицелёвой, поцеловал Моцарт ручку, но тут же расстроилась, увидев, как оживлённо схватил он ручку Мицелёвой, да ещё при этом сказал:

«Столько красоты сразу, у любого закружится голова, – господа, какие примадонны! Вам позавидуют все оперные сообщества Европы, а уж пани Бондинёва, это – жемчужина. Такая диадема сделает честь и Парижу, не говоря уж о Лондоне».

Стробах с Кухаржем чрезвычайно забавлялись и, прищурив глаза, на самом деле сравнивали дам, но пока они выясняли, какая из них наиболее соответствует Моцартовой характеристике, двери репетиционного зала распахнулись, и вошли синьоры Фелицио Понзиани, Антонио Баглиони и Джузеппе Лолли, три рослых кавалера, шагнули прямоком на ярко освещённую сцену. Снова сердечные рукопожатия. Моцарт уже знаком с Понзиани – замечательным Фигаро, победившим Прагу, с Баглиони – графом Альмавивой, и с Лолли – Бартолло. Здесь собрался почти весь «Фигаро»,

нет только Луиджи Басси.

Однако Бондини уже насупил брови и демонстративно вытащил часы с огромным брелоком, которые в этот момент начали тихонечко позванивать; до них уже отзвучали низкие удары с близлежащего костёла святого Гавла.

«Мне кажется, Басси проспал», – сказал Бондини, но Гвардасони заявил, что они вчера быстро разошлись по домам, не встретили никаких соблазнительных глазок, тем более, что Басси скорее интересуется ими днём, нежели по ночам.

Все стали смеяться, тут и вошёл Луиджи Басси, с высоко, прямо по-королевски, поднятой головой. Смех удвоился, Басси смутился, покраснел, пробормотал несколько приглушённым голосом «Доброе утро», но когда увидел, что смех не прекращается, а лишь набирает силу, он исполнил вполне театральный жест, сложив умоляюще руки:

«Простите, что с вами происходит?»

Моцарт подошёл к нему, похлопал его по щёке, как малыша:

«Уже выспался, наш красавец Луиджи Басси? К своему удовольствию, или кого-нибудь ещё?»

Басси с недоумением осмотрелся, но тут Гвардасони указал ему на стул, откашлялся и заговорил торжественным красочным басом:

«Дамы и панове, позвольте от вашего имени приветствовать нашего дорогого маэстро Вольфганга Амадея Моцарта

в нашем коллективе и выразить радость по поводу вновь обрётённого сотрудничества с ним.

Как высоко ценит пан Моцарт работу с нами, вы можете судить уже по тому факту, что вчера, только приехав, его первый путь был в наш театр.

Тут же, вчера, мы имели совещание с паном директором Бондини и сделали распоряжения по поводу сегодняшней репетиции, встретились с копиистами, которые получили работу и уже трудились всю ночь, чтобы сегодня на первой репетиции вы могли иметь в руках партии.

Теперь вы видите, как пану Моцарту и, конечно же, нам дорога каждая минута. Того же мы ждём и от вас, надеемся, что разучите свои роли с любовью и вниманием, как их автор, который будет так любезен, расскажет о своём новом произведении».

Директор Бондини поклонился Моцарту:

«Пожалуйста, маэстро, мы оба, Гвардасони, как главный режиссёр, и я, как управляющий театром, просим вас рассказать коллективу, о чём повествует сюжет вашей новой оперы».

Моцарт сидел около клавира, за ним Стробах с Кухаржем, справа Гвардасони и Бондини. Вокруг расположились Катерина Бондинёва, Тереза Сапоритиова, Катерина Мицелёва, Луиджи Басси, Антонио Баглиони, Джузеппе Лолли, Фелицио Понзиани.

Все сидели в напряженных позах, взъерошенные и остолбеневшие, как в ателье, позируя художнику. Моцарт оглядел собрание, пробежал по всем быстрым взглядом и начал весёлым тоном:

«Заглавие моей оперы многообещающее: „Дон Жуан, или наказанный распутник“. Да Понте написал либретто на достаточно драматичный, но и весёлый сюжет. Дон Жуан – это красавец-соблазнитель, которому не отказала ни одна женщина. Это ваша роль, милый Луиджи Басси, она на вас и написана», – кивнул Моцарт.

Басси воспринял это с большой важностью, выпятил грудь, ни на кого не оглядывался, смотрел прямо на Моцарта. Тот продолжал:

«Дон Жуан – распутник, который идёт по трупам. Жена отдала ему всё своё состояние в тот же момент, как только он её добился. И, наконец, произошло то, что он сам превратился в жертву своих несчётных походов, в этом ирония судьбы. Он не смог добиться любви. Прекрасный драматический образ – донна Анна», – Моцарт смотрит на Терезу Сапоритиову, – «это вы, синьорина, для вас я написал эту высокодраматичную партию. Донна Анна – это антипод дона Жуана. Этот тип, наконец, терпит поражение, он просчитался в своём самомнении. Донны Анны он не добился, её чистота одерживает победу.

Есть здесь донна Эльвира, последняя жертва дона Жуана, также прекрасна, как и сильна духом. Это ваша роль, си-

ньора Мицелёва“, – поклон в сторону ожидающей примадонны, – „Донна Эльвира – ещё одна загубленная любовница дона Жуана, и всё-таки до последнего мгновения она ждёт, что к ней вернётся этот ловелас, а когда его забирают дьявольские силы, она уходит в монастырь.

Затем здесь есть сама женственность в образе Церлинки. Девушка как цветок, но хитренькая, мастерица дипломатических отказов», – Моцарт смотрит на жену пана директора, Катерину Бондинёву, – «Это я писал для вас, синьора, как я уже говорил сегодня утром».

Здесь Моцарт многозначительно помолчал, постарался бросить взгляд на каждую примадонну, это было необходимо, этого требовала сама опера.

«И далее, есть вторая очень значительная мужская роль, Лепорелло, слуга дона Жуана, его неудачная копия, забавная тень.

Лепорелло сыт по горло изнурительной службой у дона Жуана, пренебрегает им в моменты обид, но если ему представится удобный случай, он и сам не прочь «по-донжуанствовать», и всё же, он только смешная тень хозяина. Когда тот гордо стоит перед Призраком, слуга лишь дрожит и что-то бормочет. Роль Лепорелло, как и дона Жуана, требует большого актёрского мастерства, в соединении с высокой певческой культурой, поэтому я написал эту роль для вас, мой милый Фигаро, синьор Понзиани, это только для вас.

Есть ещё одна, весьма заметная мужская роль, Мазетто,

шустрый крестьянин, жених Церлины, это ваша роль, синьор Лолли. Вот все сольные партии в моей новой опере. Есть в ней, конечно, и хоровые, и танцевальные эпизоды.

Вот в нескольких словах содержание оперы: дон Жуан, скрытый маской, проникает в спальню донны Анны, слышен шум, она зовёт на помощь. Проснулся отец, командор, дон Жуан обнажает шпагу и в поединке убивает командора. Дон Жуан и Лепорелло поспешно скрываются. Он встречает незнакомку, закутанную в мантилью, начинает за ней ухаживать, но узнаёт в ней донну Эльвиру, свою жену, покинутую им. Поручает её заботам Лепорелло, и тот не скрывает перед обманутой девушкой, сколько тысяч красавиц обольстил её возлюбленный.

Дон Жуан встречает толпу крестьян, это деревенская свадьба. Ему тут же приглянулась Церлинка, невеста Мазетто. Дон Жуан велит Лепорелло отвлекать жениха, а сам начинает морочить голову девушке. Внезапно появляется донна Эльвира, она успевает предостеречь Церлинку. Появляются донна Анна и её жених дон Оттавио. Они просят дон Жуана помочь найти убийцу отца. Снова появляется Эльвира, она разоблачает дон Жуана, но тот уверяет всех, что Эльвира больна рассудком, не надо её слушать, и тогда донна Анна узнаёт голос убийцы своего отца. Она рассказывает дону Оттавио о своём страшном открытии, и тот обещает её помочь отомстить.

Тем временем в саду перед домом дон Жуана весёлый

праздник в честь свадьбы. Лепорелло развлекает крестьян, в масках приходят донна Анна, дон Оттавио и донна Эльвира. Кольцо вокруг донна Жуана начинает сжиматься. Но он пока ничего не подозревает, звучит менюэт, дон Жуан старается уединиться с Церлинкой, Лепорелло отвлекает ревнующего Мазетто. Раздаётся крик девушки, все бегут на помощь, но дон Жуан, не теряя присутствия духа, обнажает меч против Лепорелло, будто это он и есть соблазнитель.

Вот тут он и получает первый удар судьбы. Дон Оттавио тоже обнажает меч, но уже в защиту Лепорелло, все снимают маски. Все кричат: изменник, но дон Жуан не боится, он продолжает обвинять Лепорелло соблазнителем Церлины, хватая его за воротник, прикрывается им, словно хочет наказать. Здесь заканчивается первое действие.

Второе действие. Лепорелло сердит, он хочет уйти от донна Жуана, но мешочек с монетами успокаивает слугу. Дон Жуан переодевается в его одежды, чтобы в образе слуги покори́ть сердце красотки-горничной донны Эльвиры, он поёт под её окном серенаду. Донна Эльвира тоже слышит голос любимого, она готова ему всё простить, спускается к нему вниз, но встреча с ней не входит в планы господина, и он подставляет вместо себя переодетого слугу, в чьи объятия и попадает влюблённая девушка.

Тем временем за сценой дон Жуан изображает якобы звуки поединка, и Лепорелло в костюме хозяина с донной Эльвирой убегают. А настоящий дон Жуан в плаще и шляпе слу-

ги выходит на сцену и снова поёт серенаду для горничной. В окошке зажгли свет, это означает, что дама слушает.

Входят Мазетто с друзьями, они разыскивают проклятого совратителя, но тот в одежде слуги очень хорошо описывает приметы, а заодно и место, где можно найти мнимого донна Жуана. Когда крестьяне расходятся, и остаётся один Мазетто, коварный распутник насмехается над ним, а заодно и отлупил. Прибежавшая Церлинка утешает жениха, уверяет, что никого нет для неё дороже, кладёт его руку на своё сердечко: «Послушай, как оно бьётся, это вылечит тебя».

Лепорелло стремится избавиться от донны Эльвиры, но попадает в руки донны Анны и донна Оттавио, а также разъярённого Мазетто и Церлинка, они хватают Лепорелло, путая его с хозяином, и тот, видя, что дело плохо, во всём признаётся, падает на колени и плачет. С этой минуты кольцо вокруг донна Жуана сжимается окончательно. Дон Оттавио просит донну Эльвиру успокоить донну Анну, убийца её отца будет наказан, но Эльвира в этот момент, несмотря на жажду мщения, снова мечтает о любви донна Жуана.

Дон Жуан тем временем, спасаясь от преследователей, прибежал на кладбище, по-прежнему беззаботный и беспечный, в одежде Лепорелло. Он веселится, мол, какая прекрасная ночь для любви.

Появляются Лепорелло с Эльвирой. Дон Жуан смеётся, Лепорелло теряет терпение, он боится кладбища. Внезапно смех распутника прерывается голосом статуи командора.

Слуга потерял дар речи, но хозяин велит ему пригласить командора на ужин. Статуя кивает головой в знак согласия.

Дон Жуан готовит грандиозную вечеринку для командора. Стол накрыт, на небольшой сцене расположились музыканты. Дон Жуан веселится и с удовольствием предаётся трапезе. Приходит донна Эльвира, она пытается предостеречь его об опасности, умоляет изменить образ жизни, но на то он и Дон Жуан, во всём видит только развлечение. Вот и сейчас он наполняет бокал шампанским и провозглашает: любовь, женщины – это единственная радость в жизни. Эльвира уходит, но тут же с жутким криком вбегает обратно, словно увидела что-то ужасное. Она исчезает в соседней двери.

Лепорелло идёт посмотреть, что случилось, возвращается в оцепенении, сообщает, что там белая статуя. Раздаются шаги. Дон Жуан отворяет дверь, перед ним статуя командора, который по приглашению пришёл на ужин. Дон Жуан велит подать прибор для почётного гостя, но Лепорелло залез под стол и дрожит от страха.

Командор приглашает дона Жуана к себе. Разговор короткий: боится он или нет? Дон Жуан горделиво встряхивает головой и принимает протянутую руку командора. Каменная рука не отпускает его. Дона Жуана охватывает адское пламя. Свершилось правосудие, судьба покарала его за все несчастья, что он приносил другим.

Так закончилась жизнь дона Жуана, но нужен ведь радостный финал, чтобы люди не шли домой из театра под впе-

чатлением только что разверзшейся дьявольской пасти. Да и среди них может оказаться некий Дон Жуан, пусть даже в незначительном качестве, но здесь это никуда не годится», – Моцарт заметил, что певцы посмеиваются, глядя в сторону Луиджи Басси, – «Всё заканчивается ансамблем. Это, собственно говоря, хор судей, приговор дону Жуану. D-moll сменяется солнечной тональностью D-dur. Донна Анна поёт с доном Оттавио, они уже близки к алтарю, дон Жуан больше не стоит у них на пути и не преследует донну Анну.

Донна Эльвира, утратившая возлюбленного, прежде яростно взывавшая к мщению, теперь растрогана и объявляет о своём уходе в монастырь. Лепорелло доволен, наконец, закончилась надоевшая ему служба. Мазетто обнимает Церлинку, которая не станет любовницей дона Жуана, а будет хорошей пухленькой жёнушкой.

Вот и весь сюжет нашего «Дон Жуана».

Моцарт провёл языком по засохшим губам, обвёл глазами слушателей, каждый из них думал о своём, но все вместе были взволнованы. Моцарт откашлялся и продолжал:

«Должен вам признаться, что опера „Дон Жуан“ не из тех, к которым все привыкли. Я написал музыкальную драму, и хотел бы, чтобы каждое представление было выстроено именно по закону драмы. Это большая честь для меня, написать оперу для такой блестящей труппы, которой вы, синьор Бондини, и вы, синьор Гвардасони, руководите».

Моцарт поклонился обоим импресарио, два торжествен-

ных белых парика одновременно ответили на поклон. Учительские улыбки засияли навстречу творцу «Дон Жуана», а он-то знал, что всё это пока лишь прелюдия. Главное начнётся только сейчас: раздача ролей, переговоры о хоре, оркестре, постановке.

— 3 —

Он знал этих хныкающих театральных директоров, которые всегда жалуются, что они кругом в долгах и не готовы сделать совершенный спектакль. Всё это молнией пронеслось в голове маэстро, когда он обратился к примадоннам и певцам, сидящим в напряжённом ожидании:

«У меня есть полная уверенность, что ваше замечательное вокальное искусство проявится в моей опере при первой же постановке, и я надеюсь, ваша слава после пражской премьеры удвоится. Такие великолепные оперные виртуозы легко справятся с партиями, которые я для вас написал. Я стремился честно и искренне дать возможность каждому из вас проявить своё профессиональное мастерство, но при этом старался совместить его с законами музыкальной драматургии, которую я создавал, опираясь на жизненную правду».

Моцарт испытующим взглядом пробежал по лицам артистов, и что же он увидел? Красивые маски, неподвижные лица, словно с портретов в аристократической галерее. Кто-то постучал в дверь репетиционного зала, и когда они открылись... Посмотрите-ка, это копиисты, они пришли вдвоём, держат в руках партии, несут их бережно, словно евангелие

подносят к алтарю.

Моцарт бросился к ним навстречу, взял партии из рук, положил на клавиры. К нему присоединились Стробах, Гвардасони и Бондини: полная театральная комиссия. Здесь было восемь тетрадей, восемь партий. Моцарт перебирает их, подравнивает, с удовольствием покачивает головой. Вот он берёт в руки первую тетрадь и обращается к прелестной примадонне Терезе Сапоритиовой:

«Эта роль для вас, знаменитая оперная виртуозка Тереза Сапоритиова. Это донна Анна, большая драматическая партия. Ваш прекрасный голос будто для неё создан. Не дождусь первой репетиции с вами. Когда я писал эту партию, я так и слышал ваше хрустальное сопрано, прошу вас...».

Моцарт подходит к Сапоритиовой, сидящей в кресле как королева, и вкладывает в её ручки в кружевных перчатках партию донны Анны, низко при этом кланяется. В ответ получает лёгкий кивок головой, слабую улыбку – «Благодарю вас».

Моцарт берёт следующую тетрадь и смотрит на Катерину Мицелёву:

«А здесь у меня донна Эльвира. Великолепная, весьма драматичная партия, которую я писал для вас, для вашего большого певческого таланта, синьора Мицелёва. Меня вдохновляло воспоминание о вашем голосе... Прошу вас».

Моцарт подходит к примадонне, снова низко кланяется, при этом косится на донну Анну, та внимательно смотрит

свою партию, но и также внимательно слушает и подсчитывает лестные слова, сказанные сопернице. Мицелёва одарила Моцарта игривой улыбкой, её глаза источали огонь – «Благодарю вас». Моцарт сделал несколько шагов назад и вернулся к клавиру:

«Здесь у нас, – теперь он повернулся лицом к жене директора Бондини и поднял ноты высоко над головой, как бы приветствуя королеву, – здесь необыкновенная роль для нашей уникальной певицы, для синьоры Бондинёвой, обворожительной Сюзанки, околдовавшей всю Прагу и вдохновившей поэта написать стихи про её вокальное и артистическое мастерство».

Катерина Бондинёва гордо оглядела присутствующих – слышите, это сказано обо мне! Это я, Катерина Бондинёва, жена директора, а также Сюзанка, Фигарова Сюзанка. Моцарт стоит перед пани директоршей, и, прежде чем подать ей партию Церлинки, сделал театральный реверанс, прижал ноты к сердцу, а уж потом протянул их певице. Та засмеялась нежно, мило, только зубки сверкают, и щебечет:

«Ах, как я рада, маэстро!»

Моцарт снова поклонился:

«Вы вдохновляли меня, синьора, ни одной ноты не написал я, не представляя вашего образа, не слыша вашего голоса. Вот увидите сами. Не могу дождаться первой с вами репетиции».

Певцы уже теряли терпение, особенно Луиджи Басси. Он

несколько раз тихонечко кашлянул, и всё время перекладывал то одну, то другую ногу на ногу, так, что кресло под ним стало вздыхать. Моцарт всё это замечал и специально балагурил, стараясь не выходить из своей роли. Он-то знал, что каждое его слово будет многократно повторяться и толковаться на лестницах театра, а потом дойдёт и до трактиров, и там уже прилипнет, как стрела, пущенная в певца.

«А теперь вы, милый Луиджи Басси. Вы так красивы и так изумительно поёте, что и для вас, настоящего красавца, знаменитости, эта роль специально написана. Вот ваша партия, дон Жуан».

Моцарт подходит к Басси и вкладывает ноты в его белую пухлую руку с огромным перстнем, какой прилично носить и кардиналу. Басси, не теряя своего благодушного достоинства, лишь слегка кивнул, подобно примадоннам. Можно было бы и сократить процедуру раздачи партий, тем более, что поджатые губы примадонн говорили о том, что они явно не удовлетворены.

Тем не менее, Моцарт, как ни в чём ни бывало, тем же радужным тоном проговорил с тенором Баглиони, подавая ему партию дона Оттавио, также оценив его вокальное мастерство. Затем обратился к Понзиани, подал ему партию Лепорелло, приветливо и с удовольствием вспомнил его блестящего Фигаро:

«Вы, Понзиани, способны играть всё, что угодно, и эта роль сшита прямо на вас. Я уверен, сидеть будет как влитая».

Фелицио Понзиани покраснел, мужчины пожали руки с обоюдным расположением.

Моцарт пошёл дальше, обратился к Джузеппе Лолли:

«Зная ваши прекрасные певческие и артистические возможности, я поручаю вам две роли: Мазетто и Командора. Командор, наконец, сокрушит дона Жуана, и вы это отлично докажете, синьор Лолли».

— 4 —

Моцарт раздал все роли, вернулся к клавиру. Стробах с Кухаржем, обратив внимание на тяжкий вздох маэстро, предложили ему отдохнуть в кресле, но он скромно присел на свой стульчик, окинул орлиным взором всю труппу. Видит недоумение. Он его ожидал. Видит поджатые губы, особенно недовольный мясистый рот Луиджи Басси, который ищет и не находит в своей партии виртуозные каденции и смелые фиоритуры. Моцарт, чувствуя, что пауза не должна быть долгой, заговорил ясным спокойным тоном:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.